

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ.

- 1) Девгеній во дворѣ Стратиговны, стр. 56.
 - 2) „Таково то родительское благословеніе“, стр. 112.
 - 3) Только того Ерша и видѣли! стр. 83.
 - 4) Бова и Дружна, стр. 21.
 - 5) А ты, царь, сойди съ престола, ради множества народа и т. д. стр. 65.
 - 6) И сказалъ Соломонъ: пришелъ я къ тебѣ для того (чтобы спросить), за что ты укралъ жену мою? стр. 58.
 - 7) Скочи Горе изъ-за камени, стр. 75.
 - 8) И Пріямъ царь нача искати сына своего Ектора царя и обрѣте его лежаща на постелѣ мертва, со Ахилеемъ. стр. 37.
-

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА.

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XIX-й.

ДРЕВНЕ-РУССКІЕ ПОВѢСТИ и РОМАНЫ.

Слово о Бовѣ.—Троянскія сказанія.—Девгеніево Дѣяніе.—Соломонъ и Китоврасъ.—Повѣсть о Басаргѣ.—Повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ.—Судное дѣло у Леща съ Ершомъ.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

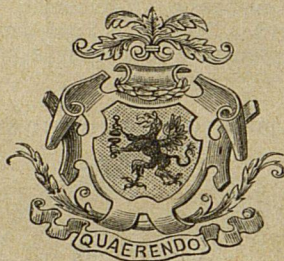

И. Глазуновъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 декабря 1894 г.

Предисловіе

Изученіе древне-русскихъ повѣстей въ средней школѣ, начало которому полагается содержаніемъ настоящаго выпуска, необходимо и само по себѣ, какъ изученіе литературной формы, долгое время служившей единственнымъ удовлетвореніемъ эстетическихъ потребностей нашихъ предковъ и непосредственно предшествовавшей роману и повѣсти, и въ особенности по тому значенію, какое имѣетъ оно съ точки зрѣнія современныхъ историко-литературныхъ требованій. Въ настоящее время, правильная оцѣнка древнихъ памятниковъ словесности и анализъ ихъ содержанія невозможны безъ болѣе или менѣе обстоятельнаго знакомства съ фольклоромъ, съ различными версіями наиболѣе распространенныхъ сказаній. Средняя школа не должна чуждаться такого направленія науки, и разъ оно существуетъ, обязана подготовить къ нему учащихся, облегчить позднѣйшее болѣе глубокое и разностороннее его усвоеніе. Въ этомъ отношеніи, весьма существенную услугу можетъ оказать ознакомленіе учащихся съ наиболѣе типическими образчиками древне-русскихъ повѣстей, отдѣльные эпизоды которыхъ, въ различныхъ версіяхъ, встрѣчаются въ цѣломъ рядѣ произведеній устной и письменной словесности, облегчая ихъ объясненіе и открывая возможность показать учащимся хотя бы самые элемен-

тарные приемы новаго метода. Въ худшихъ случаяхъ, усвоеніе хотя бы фабулы этихъ произведеній принесетъ уже свою долю пользы, снабдивъ фактическимъ знаніемъ, которымъ, въ свое время, можно будетъ воспользоваться болѣе производительнымъ образомъ.

Избирая произведенія для настоящаго выпуска, я долженъ, прежде всего, отмѣтить отсутствіе, въ числѣ ихъ, едва ли не наиболѣе характеристической изъ древнихъ повѣстей — „Александріи“. Какъ ни желательно было бы помѣщеніе послѣдней въ нашемъ сборникѣ; но, въ виду педагогическихъ требованій, приходилось сдѣлать въ ней столько пропусковъ и сокращеній, что я предпочелъ лучше не помѣщать вовсе этого произведенія, чѣмъ давать его въ совершенно искаженномъ видѣ. Тѣми же соображеніями объясняется и отсутствіе единственной русской повѣсти XVII ст. „Исторіи о Фролѣ Скобѣевѣ“, извѣстной къ тому же по крайне неисправному списку. Содержаніе послѣдней, въ изложеніи А. Н. Веселовскаго, помѣщено, впрочемъ, на 108—114 стр. Остальные, затѣмъ, наиболѣе характеристическіе образцы древней повѣсти напечатаны цѣликомъ по лучшимъ изданіямъ и съ весьма незначительными лишь пропусками.

Въ качествѣ руководящей статьи, помѣщаемъ, въ концѣ книги, извлеченіе изъ ст. А. Н. Веселовскаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	I

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОВѢСТИ.

I. Слово о некоемъ храбромъ витязе и о славномъ богатыре о Бове королевиче.	1
II. Повѣсть о созданіи и плѣненіи Тройскомъ.	29
III. Девгеніево дѣяніе	40
IV. Соломонъ и Китоврасъ	56
V. Слово о Басаргѣ купцѣ	59
VI. Повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ	67
VII. Списание съ суднаго дѣла у Леща съ Ершомъ	79

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

Древне-русскія повѣсти, <i>А. Н. Веселовскаго</i>	83
---	----

І. СЛОВО О НЕКОЕМЪ ХРАБРОМЪ ВИТЯЗЕ И О СЛАВНОМЪ БОГАТЫРЕ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ ¹⁾.

(По тексту Истоминскаго сворн. XVII ст., изд. А. Н. Веселовскимъ).

Бысть нѣкій королъ Гвидонъ ²⁾ в славномъ граде Онтоне ³⁾. Коли он был млад і в добре поре, тогда к собѣ избирал во двор храбрых витязей в златокованныхъ доспѣсѣх и на быстрыхъ конях и охоч был съ ними ѣздит в чистое поле тешитца на ловлю, с соколы и с ястрепы на птицы, и с выжлоки ⁴⁾ на звѣри. И какъ бысть в болшомъ возрасте, и тогда рече королъ витяземъ своимъ, гдѣ-б ему принскали невѣсту от велика племяни; и тогда ему сказали: у короля де Кирбича есть тцѣр прекрасная Милитриса ⁵⁾. Королъ же Гвидон не утерпе о повести той и скоро посылаетъ своего конюшего именемъ Личарду свататися за доброго короля Гвидона. Королъ же Кирбич хотяше дат тцѣр свою прекрасную

¹⁾ Первоисточникомъ повѣсти о Бовѣ послужила старо-французская *chanson de geste* о *Bueves d'Hanstone*, переданная по-итальянски въ Тосканской версиі; послѣдняя воспроизведена была въ сербской редакціи, которою пользовались русскіе пересказчики. На Руси, на долю Бовѣ досталась особая популярностъ. Она распространена была въ многочисленныхъ спискахъ и упоминается даже въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича. Кромѣ того, она легла въ основу нашихъ лубочныхъ передѣлокъ и обнародовѣла до степени другихъ русскихъ сказокъ, къ героямъ которыхъ присосѣживаетъ и своихъ (Чудище Полканище, Царь Додонъ, Василиса Кирбитьевна и др.).

²⁾ Искаженное *Guion de Hanstone*.

³⁾ Городъ Онтонъ—Антонія, древнее названіе города Вольторры.

⁴⁾ Гончія собаки.

⁵⁾ Вм. *meltris*.

Милитрису за доброго короля Гвидона, прекрасная-ж Милитриса не хотя иттить за добраго короля Гвидона; корол же Кирбичъ дал силно тщер свою прекрасную Милитрису за доброго короля Гвидона, и бысть радость велия. Корол же Гвидонъ любя жену свою прекрасную Милитрису паче мѣры, а она-ж ево не любя... .ѣ. года, прекрасная Милитриса родила сына и нарекоша имя ему Бова. Бова-ж имѣя очи свѣтлы а власы желты аки шелкъ, а лице румяно аки злато; прекрасная-ж Милитриса нача во умѣ своемъ злую мысль держати, какъ бы могла бы извѣсти мужа своего добраго короля Гвидона. И здумавъ злую мысль и призвала к собѣ королевскаго конюшег[о] именем Личарду: Ѡ Личарда, поиди от меня во град Молгаѣнскъ ¹⁾ к доброму королю Додону ²⁾ и поздравствуй ему отъ меня многолѣтїе, великое здравие, чтоб он собрал воиска своего .ѣк. тысящъ и шел бы под град нашъ Онтонъ и стал бы въ лугу в С[к]иѣрине, и яз вышлю мужа своег[о] добраго короля Гвидона в луг [С]киѣран для ради зверя а рку ему такъ: захотися ми мяса свежег[о] звериного. И онъ да поидеть, а велю ему взят с собою .ѣи. отроковъ и тѣх без оружия, и он бы погубилъ мужа моего с могальцы добраго короля Гвидона, не любимъ ми бысть. И рече еи Личарда: Ѡ г[оспож]е прекрасная Милитриса, како ми холоцу на государя своег[о] такая великая пакость навести? Прекрасная-ж Милитриса рече Личарде: Ѡ злодею Личарда, аще сего не сотвориши, то на тебя наведу мужу своему великую пакость, и он тебя может злои смерти предат. Личарда же ся пакости велми убояхся и взяв грамоты запечатленны и поидоша во град Молга[н]скъ послом. И придоша во град Молга[н]скъ и подасть королю грамоты, Личарда же королю от прекрасныи Милитрисы поздравствоваше великолѣпное здравие; корол же Додон прочтетъ грамоты, велми посмѣявся и рече Личарде: Ѡ Ли-

¹⁾ De Magança.

²⁾ Искаженное: король Дооп.

чарда, что мя госпоже прекрасная Милитриса велми прел-
щает? велить мнѣ погубити мужа своег[о] добраго короля
Гвидона, а уж она с королемъ Гвидономъ прижила дѣтище
Бову королевича, а се король Гвидон добръ воин и воisko
у нег[о], и яз против его стояти не могу. И рече ему Ли-
чарда: Ѡ государь мой, корол Додон, вели, государь, меня
посадити в темницу и вели поит и кормит довольно, а сам
пойди под град Онтон; аще слово мое не збудетца, и тогда
меня злои смерти предат вели. Корол же Додон рече Ли-
чарде: Ѡ Личарда, слово твое паче меда устом моимъ. И
повелѣ в рог трубити и собра войска своег[о] .ѣк. тысящъ
и поидоша под град Онтон и сташа в лугу в С[к]ияряне; и
увиде его ис королевских полат прекрасная Милитриса и
придоша к мужу своему к доброму королю Гвидону: Ѡ ко-
ролю Гвидоне, захоти ся ми мяса свежег[о]. Корол же Гви-
дон тотчасъ повелѣ себѣ оседлать осля и всѣдъ на осля
и взял съ собою .ѣи. юноков и взял с собою тенья и поѣхал
в луг в Скиарян для ради зверя. И какъ будет среди лугу
С[к]ияряня, и увиде его корол Додон и напустиша на нег[о]
корол Додон; корол же Гвидон нача от него бежати, а сам
говорит таково слово: Ѡ сыну мои милои Бова королевич,
о чем ми еси не повѣдал злые мысли матери своей? И сам
говоритъ таково слово: Милостивии Спасъ, зри и виждь, а
яз зле погибаю отъ жены своей. И достиже до него корол
Додон и ударивша ево мечемъ по главе, корол же Гвидон
паде мертвъ на землю. И корол Додон поѣхал ко граду
Онтону. Прекрасная-ж Милитриса увиде его ис королевских
полат, что корол Додон мужа еѣ добраго короля Гвидона с
могалцы погубил, и повелѣ врата градные отворити и мосты
спустити, и встрече ег[о] прекрасная Милитриса во вратѣх
градныхъ и взя его за руце и нача его любезно целовати и
поведе ево въ королевские полаты и нача с ним пити и ясти
и веселитися. Бова-ж в тѣ поры младенец не смысляше и
вниде во едину хлѣвину и сяде во яслех. Дядка-ж ево Син-

балда ¹⁾ нача искат и не обретѣ ево нигде и вниде во едину хлѣвину, ажно тутъ и виде Бову во яслех седяща велми плачущася. Бова-ж рече ему: О дятка Синбалда, поиди ко мнѣ, повеждь ми что во граде нашем трубе и стужение великое? Дядка-ж Синбалда рече ему: Ѡ государь мои Бова королевич, приде, государь, под нашъ град Онтонъ корол Додон и отца твоег[о] добрал[о] короля Гвидона съ могальцы погубил, а мати твоя злая прелесница та погубила отца твоего добраго короля Гвидона и возлюбила короля Додона. Ты, государь мои Бова королевич, можешь ли на конѣ сидет и со мною бежат во град Суминъ, коимъ меня отецъ твои пожаловал за мою великую службу? Бова-ж ему рече: Яз рад съ тобою бежат во град Суминъ. Дядка Синбалда прибрав тое нощи .н̄. юноков вооруженных вѣрных и оседла Бове коня а собѣ другою, и поехали из града вон не вем никому. И един от них переметчикъ возвратился вспят и побѣже ко граду Онтону и нача вопити гласомъ великим и рече: Ѡ королю Додоне, твердо спиш, не вѣдаете, что сеѣ нощи выехали из града вон Бова да дятка Синбалда да .н̄. юноковъ вооруженных, и коли Бова будет лѣтъ своихъ во граде Сумине, и тогда тебѣ отомстит смерть отца своег[о] добраго короля Гвидона. Корол же Додон возбнув от сна своего и повелѣ в рогъ трубити и собра войска своег[о] вскоре .ѣд̄. тысящы из града вон за Бовою и за дяткою Синбалдою. И настиже их корол Додон; Бова-ж в тѣ поры дряхлѣ и млад, не может на конѣ сидет и спаде с коня на землю; Синбалда же убеже во свои град Сумин и затворился. Корол же Додон хватиша Бову и сам возвратися во свои градъ Онтонъ. Дятка-ж Синбалда во своем граде Сумине повелѣ в рог трубити и собра войска своег[о] .ѣк̄. тысящъ и поиде под град Онтонъ, и стаха под градом Онтоном и нача бити во градную стѣну пушки и пищальми безотступно, и тако рекъ: Ѡ королю Додоне, выдаи ми го-

¹⁾ Sinibaldo.

сударя моег[о] Бову королевича; аще не выдаш государя моег[о] Бовы королевича, и яз от града Онтон не отступлю и до своея смерти. Прекрасная-ж Милитриса рече мужу своему королю Додону: Ѡ королю Додоне, что то нам сии злодеи не дадут упокоя? Корол же Додон повеле в рог трубити и собра войска своег[о] вскоре .ѿм. тысяч и поиде противъ дятки Синбалды, дятка-ж Синбалда много с ним бився и не может против ег[о] стояти, и нача от него бежати ко граду Сумину. Корол же Додон гна за ним и до Сумина града и ста под градом Суминым и нача бити во град Сумин пушки и пищальми безотступно день и ночь. И в первую ему ночь явился сон велми страшен: кабы Бова ходит по побоищу весь вооружен, а носит в руке своей щит и копьё и меч кладенец и прободает ему сердце и утробу. Корол же Додон возбнув от сна своего велми усташися и призва к собѣ брата своег[о] Амбругустима и повѣда ему сон свой велми страшен: кабы Бова ходит по побоищу весь вооружен а носит в руке своей щитъ и копьё и меч кладенец и прободает мне сердце и утробу. И скоро посылает брата своег[о] Амбругустима во град Онтон к прекрасной Милитрисе и повелѣ у нее взят Бову; и за тот сон хочет ево злои смерти предат. Амбругустим же приѣхав к прекрасной Милитрисе и поздравствоваше великолѣпное здравие и повѣда ей сон королевской велми страшенъ, что ему видѣлос, кабы Бова ходит по побоищу вес вооружен а носит в руке своей щит и копьё и меч кладенец и прободает ему сердце и утробу; и за тот сон хочет его злои смерти предать. И нача у ней просит Бовы. Прекрасная-ж Милитриса рече Амбругустиму: Яз за любовь государя своег[о] добраг[о] короля Додона могу сына своего Бову и сама уморит. Амбругустим же возвратився вспят х королю Додону, прекрасная-ж Милитриса посадила Бову своег[о] в темницу и не дасть ему пити и ясти .ѿ. дней и .ѿ. нощей. И не в который день увиде Бова мать свою прекрасную Милитрису по двору ходящу и возопи Бова гласом великим и рече: Ѡ госпожа мати моя прекрасная Милитриса,

про што мя еси посадила в темницу и моришь голодом неповинног[о], не даеш мне пити и ясти .ѣ. дней и .ѣ. ночей? Она-ж отвеща к нему лстивыми словеси: Я, свет, поминаючи любов прежнюю отца твоег[о] добраг[о] короля Гвидона была во умѣ своем послати к тебѣ. И в тот час удоив змиина яду и замѣсив .г. хлѣбца и испече и з девицею послаша тѣ хлѣбцы к Бове в тѣмницу; девица-ж придоша в темницу и дасть тѣ хлѣбцы; Бова-ж взяв тѣ хлѣбцы и хотя их ясти, прекрасная-ж девица рече Бове: Ѡ государь мой Бова королевич, не вкушай, государь, их хлѣбцовъ, аще вкусиш не можеш жив быти, потому что матери твоя месила хлѣбцы на змиину яду. И за девицею вскочили в темницу .ѣ. выжлока, Бова-ж уломив тѣх хлѣбцов и вдасть выжлоком, выжлоки-ж яд и умре. Бова-ж виде матери своей немилосердие, велми прослезився; прекрасная-ж девица много тут плаковъ смотря на Бовино лѣпообразие и неизмѣрную красоту лица его, и поиде вон ис темницы и не затворила дверей темъ-ничных. Бова-ж виде вон ис темницы и ізыде из града вонъ не вѣмъ никому и виде за город и нача во умѣ своем мыслити: Куды мнѣ поити? итить мнѣ ко граду Сумину, и там попаду в руке королю Додону, и он меня злои смерти предасть. И самъ государь Бова говоритъ таково слово: Милостивыи Спасъ, зри и виждь, аще не ты наставиш на пут стопы моя, то не вем от града куды путем потещи. И поиде на луки морскіе и ходяше по лугам морским .г. дни и .г. нощи не вкушая от хлѣба ничег[о] же, развие корения травнаго, и не видал от человѣкъ живущих развсе лѣвов. И не в которойи день увиде Бова корабль по морю плывуще и возопи гласом великим и рече: Ѡ гости корабленицы, возмите меня на корабль къ себѣ. Гости-ж корабленицы не слышат, что корабль далече от града плывуще, и повеле парусы спустити и послаша человѣка в плаволоке ко берегу: Поед, проведан, что нам мнитца на берегу за дѣтища будет; тако рабиченок крестьянскіе вѣры, и он у насъ служити, или будет татарченокъ, и мы ег[о] продадим. Человѣкъ же тот приѣхав

ко берегу и вопрошал его: Отроча, какова еси роду и коеи земли и како ти есть имя и какова еси отца сынъ? Бова-ж ему рече: Аз есмь хрестиянские вѣры, рабиченок ¹⁾, пономарев сынъ, а мати моя грешная жена на добрыхъ людей платье мыла, тем ся и кормила, а имя ми бысть Бова. Человѣкъ же тотъ взяша его в плаволокъ ²⁾ и привезоша ег[о] на корабль; гости-ж корабленицы нача Бову учит грамоте, Бова-ж у них на корабле аки цвет цветет, лице его возсияет яко солнечная луча. Гости-ж корабленицы ³⁾ хотят о Бове мечи ся сѣчь, Бова-же им рече: Ѡ гости корабленицы, не чините меж себя брани, аз ваш рабиченокъ вопчеи ⁴⁾, аз вамъ служу по разчету, единому служу от утра, а другому от обѣда до вечера а в нощи по тому же. Гости-ж корабленицы послушали Бовы, унелся от брани, Бова-ж им нача служити по прежнему своему совѣту и плавал с ними на море в корабле том ѣ. лѣтъ. И приплы корабль их под нѣкиі град Армен, а царствует в нем корол Зинзовеи Андорович. И увиде корол Зинзовеи, что под его град пришел корабль, и скоро посылает провѣдыват, которог[о] царства корабль пришел и с каким товаром. И послаша провѣдывать .к. юноков; юноки-ж приѣхали ко берегу и хотя вопрошати, котораг[о] царства корабль пришел и с каким товаром, и увиде на корабле отрока велми лѣпообразна, и зря на (его) [не]измѣрную красоту лица ег[о] и смутися во умѣ своем и забыи вопрошати. И самъ говорит таково слово: Ѡ гости корабленицы, возмите у меня за сего отрока цену. Гости-ж корабленицы рече ему: Ѡ государь наш корол Зинзовеи Андорович, емли у нас много множество золота и сребра, а отрока нам невозможно дат, потому что рабиченок нашъ вопчеи и взяли мы его на берегу у смертного моря. Корол же Зинзовеи рече им: Ѡ гости корабленицы,

¹⁾ Сынъ раба.

²⁾ Въ плаваніе.

³⁾ Кушцы заморскіе.

⁴⁾ Общій.

аще у меня за сего[о] отрока не возмете цены, то из моего[о] царства и с товаром не можете живы выехать. Гости ж корабленицы учинив меж собою совѣтъ, и здаша Бову с корабля и взяша за него .л. литръ злата; король-же Зинзовей посадиша Бову к собѣ на коня и едучи вопрошае его: Отроча, повеждь ми како ти есть имя и какова еси отца сынъ? Он же рече: Имя ми бысть Бова, пономарев сынъ, а мати моя грешная жена на добрыхъ людей белье белила, темъ ся и кормилася. Король же Зинзовей рече ему: Бова, коли еси ты такова роду, поди-ж ты на конюшню и буди надъ конюхи староста, большеи конюхъ. Бова-ж поиде на конюшню. И у короля Зинзовея бысть тщи прекрасная Друженна ¹⁾, и неким ухищрением увиде Бову велми лепообразна, и нарядишася в драгоценное портище и поидоша с плачем к отцу своему. И услышал король Зинзовей, что к нему грядетъ любимая его тщи, прекрасная Друженна, и встречаетъ ея король сам и говоритъ таково слово: Поиди госпоже, дочь моя милая, прекрасная Зинзовеевна. Она-ж ему рече: Ѡ государь мой батюшка, король Зинзовей Андоровичъ, твоимъ государь жалованьемъ много у себя имѣю дѣвицъ чистыхъ, а не имѣю у себя ни единого отрока, нѣкому предо мною и передъ девицами стряпоты. Пожалуй ми сего отрока, которог[о] еси купил у гостей у корабленицъ и далъ еси за него .л. литръ злата. Король же Зинзовей рече ей: Буди госпожа, на твоей воле. Король же Зинзовей повелѣ Бове ходити к прекрасной Дружене в полату; и в первый день прекрасная Друженна послаше по Бову дѣвицу на конюшню, Бова-ж поиде в полату къ прекрасной Дружене, полата-ж от лица его просветися; прекрасная-ж Друженна не могла въ мѣсте усидѣтъ и зъ девицами и сама говоритъ таково слово: Бова, стряпой ты передо мною и передъ девицами. Бова-ж нача стряпоты передъ прекрасною Друженною и передъ дѣвицами; прекрасная-ж Друженна зря на Бавино лѣпообразіе, велми усумнився и сама уронила

¹⁾ Drusiana.

ножик под стол и рече: Бова, подаи ножик сиі. Бова-ж наклонився под стол по ножикъ, прекрасная-ж Дружнена наклонилас под стол же и ухватила Бова за горло и начаша ег[о] целовати. Бова-ж у неѣ урвался и самъ говорит таково слово: Ѡ госпоже прекрасная Дружнена, не подобает тебѣ против холопа вставати и холопа целовати. И в тѣ поры было у прекрасные Дружнены болши трехсот дѣвицъ, и всякая девица у себя у рукъ пальцы переобкутали зря на Бавино лѣпообразіе и неизмерную красоту лица его, прекрасная-ж Дружнена посадиша Бову за стол и нача пред ним сама стряпоти и перед девицами. Бова-ж яд и пив и поиде вон ис полаты на конюшню, ажно конюхи съѣхали в поле по траву; Бова-ж себѣ оседлал коня и поехал въ поле по траву-ж, ажно конюхи и ево урокъ травы везутъ, Бова-ж едучи выбрал из травы различныхъ цветов и сплел себѣ венокъ и положил на главу свою. Прекрасная-ж Дружнена послаше по Бову дѣвицу на конюшню; Бова-ж приіде в полату, прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Бова, даи ми венокъ с своея главы на мою главу. Бова-ж ей рече: Ѡ госпожа прекрасная Дружнена, не подобает мнѣ дат с своея главы на твою главу, потому что же мне имат от Бога грѣх велик. Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Ѡ Бова, аще ми не даш венца с своея главы на мою главу, то яз наведу на тебя отцу своему великую пакость, и он тебя можетъ злои смерти предат. Бова-жъ шибѣ венокъ на землю, прекрасная-ж Дружнена воста от мѣста своего и взя венокъ, никако-ж на Бову сердца не имѣет. Бова-ж побѣже вон ис полаты и шибѣ дверми полаты тоя, полата-ж оттово потрясес[я], и упаде камен полаты тои и прошибѣ Бове главу; Бова-ж паде аки мертвъ на землю, прекрасная-ж Дружнена нача рану Бове сама лечит. И в тѣ поры приіде под град Армен ис помор[ъ]я корол Маркобрун а с ним войска своего двести тысящъ, и скоро посылает х королю Зинзовею посланные титла: чтоб корол Зинзовеи дал за меня тщер свою прекрасную Дружнену; аще не даш тщери своей,

царство твое все поплению, а тебя под меч преклоню, а прекрасную Дружнелу во свою волю возму. Корол же Зинзовей слышав тѣ посланные титлы и прочитавъ самъ грамоты, и не можетъ противъ его стояти. И парече его королъ Зинзовей короля Маркобруна себѣ зятемъ и зва его к себѣ хлѣба есть и воиску ево повелѣ по слободамъ стати. И послѣ стола поѣхалъ королъ Маркобрунъ зъ дворяны своими на поле тешитца; и приде Бова от конюшни своея к королю Зинзовею: Ѡ государь мой королъ Зинзовей Андоровичъ, отпусти, государь, меня холопа своего посмотритъ какъ ся тешитъ королъ Маркобрунъ зъ дворяны своими. Королъ же Зинзовей повелѣ Бове ехати на поле; Бова-жъ себѣ оседлалъ своего доброго коня надежнаго и поехалъ в поле смотритъ, какъ ся тешитъ королъ Маркобрунъ зъ дворяны. И напустиша на Бову по два и по три, Бова-жъ ихъ мечетъ с коней, что сноповъ. Прекрасная-жъ Дружнелу все зритъ на Бовину храбрость; и напустиша на Бову по .ѣ. и по .л., Бова-жъ ихъ всѣхъ мечетъ с коней что сноповъ. Королъ-же Маркобрунъ велми възрявша и повелѣ Бову убити на смерть и самъ на него напустилъ, Бова-жъ и самого короля скинулъ с коня. Прекрасная-жъ Дружнелу виде Бову велми истомна и повелѣ в рогъ трубити, чтобъ ся воиско унелосъ ото рванія конского. И в тѣ поры воиско унелосъ ото рванія конского, Бова-жъ приѣхалъ на конюшню и нача спати по .г. дни и по .г. нощи не просыпаяся. И в тѣ поры приде из Задонія града царь Салтанъ Салтановичъ да с нимъ сынъ его Лукаперъ ¹⁾, а воиска с ними .ѣр. тысящъ. Лукаперъ же славный богатырь вышины имѣя .г.-хъ сажень, промежъ очима пядь, и скоро посылаетъ к королю Зинзовею посланные титлы ²⁾: чтобъ королъ Зинзовей далъ тщеръ свою прекрасную Дружнелу за моего сына Лукапера; аще не дашь тщеръ свою, то царство твое все поплению а тебя под меч преклоню, а прекрасную Дружнелу во свою волю возму. Королъ же Зинзовей,

¹⁾ Lucafer de Boldras.

²⁾ Надписи.

слышав тѣ посланные титлы и прочитав сам грамоты, и призва к себѣ нареченного зятя своего короля Маркобруна и рече ему: Ѡ королю Маркобруне! у тебя есть воиска своего .#л. тысящъ, а у меня столко же, и сложимся обое вмѣсте и будет воиска нашего .#ѣ. тысящъ и поидемъ противъ царя Салтана и сына его Лукапера. Корол же Маркобрун рече королю Зинзовею: Слово твое паче меда устом моим. И повелѣ в рогъ трубити и собра воиска своего .#ѣ. тысящъ и поидоша противъ царя Салтана и сына его Лукапера; Лукапер же не допущая до царских знаменей воиско их все побил и короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣих в полон полонил. Бова-жъ послышав за градом зукъ ¹⁾ и топот конской приіде к прекрасной Дружнене и рече ей: Ѡ госпожа прекрасная Дружнена, что есть за градом нашимъ зукъ велик и топот конской? Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Тогднес приіде из Задония града царь Салтан Салтапович да сынъ ево Лукаперъ, а воиска с ними .#р. тысящъ, отпа моего короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣих полонил і воиско наше все побил. Бова-ж рече: Ѡ госпожа прекрасная Дружнена, яз еду на помощь отцу твоему и королю Маркобруну. Прекрасная Друженна рече Бове: Господине Бова, не ѣзди на бои, отбѣи силу от града проч, а сами затворимся во граде своем: уже тебѣ батюшкове смерти, королю Зинзовею и королю Маркобруну не пособит; и меня возми женою себѣ и буди батюшкове душе поминокъ а царству его здержател. Бова-ж рече-ей: Ѡ госпоже прекрасная Дружнена, что же ми будетъ? Никако Бовы не может уняти и сама говорит таково слово: Господине Бова, не ускоряи ехати но помедли, яз тебѣ дам мечъ кладенец, от того-ж меча не может никакое желѣзо стоять; яз тебѣ дам колчюгу добраго короля Молганского, тое-ж колчюги не можетъ никакое желѣзо пробить. Прекрасная-ж Дружнена принесе Бове

¹⁾ Зукъ—звукъ. См. И. П. Срезневскій. Матеріалы для словаря древнерусскаго яз. Вып. 2.

меч кладенец ¹⁾ и щит и копьѣ; и садитца на кон Бова в стремя не вступая, и в тѣ поры тут прекрасная Дружнена сама Бове в стремяна кладет ноги и говорит такъ: Господине Бова, уже ты едеш на смертное дѣло, любо ми с тобою судит Богъ видетца, любо и нѣтъ; повеждь ми какова еси отца сынъ? Бова-ж еи рече: Ѡ госпожа прекрасная Дружнена, аз есмь от града Онтонa, сынъ добраго короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы. Прекрасная-ж Дружнена виде Бовино отчество, велми прослезися; и в тѣ поры тут прилучися королевскои дворецкои короля Маркобруна и говоритъ такъ: Ѡ госпожа прекрасная Дружнена, не подобает тебѣ холопа на кон сажати и на ратное дѣло отпушати. Бова-ж ево ударилъ мечем тупым концом, дворецкои же паде аки мертвъ на землю и лежа .г. дни и три нощи без языка. Бова-ж поехал вонъ из града против царя Салтана и сына его Лукапера. И сѣзжаютца .в. богатыря, Бова и Лукапер; прекрасная-ж Дружнена все зрит, как сѣзжающа .в. богатыря, Бова и Лукапер. Бова-ж ему рече: Господине Лукапере, ты надеежся на силу и на величество, а аз надеюся на Спаса и на Пречистую и на небесные силы. Лукапер же ему рече: Бова, ты ли хочешь град Армен отстояти и прекрасную Дружнену? со мною-ж никто не может стояти от человѣкъ. Бова-ж рече ему: Господине Лукапере, помяни пророка Давида. Глаголаша и оба сразишася вмѣсто; Бова-ж ево ударил мечемъ по главе и разсече ему голову надвое, Лукопер же паде мертвъ на землю, Бова-ж поехал по войску его аки по лѣсу; уж у Бовы в трупѣ человѣческом кон не скочит а вес въ крови ходит и добиваетца до царскихъ знаменей. И един богатыр Кухаз имянем много з Бовою бишася и не может против его стояти и нача от нег[o] бежати, а на немъ бысть .д. раны мечевых да .е. ран копѣиных, и прибѣже в шатры и повѣда царю Салтану: что

¹⁾ Мечъ Оливера—Chiareza, измѣненное въ клларенцыѣ и клладенцыѣ, откуда—кладенець.

выехал из града витяз имянем Бова, сына твоего Лукапера убил и войско твое все побил. Царь же Салтан побѣже по морю в карабле а с ним бысть воиска .н. человекъ; Бова-ж приехал к шатру, ажно корол Зинзовеи лежит связан, и он ево развезал и посадил ево на кон; и поехал Бова к другому шатру, ажно корол Маркобрун лежит связан же, и онъ ево развезал и посадил ево на кон, и поехали ко граду Арменю и едучи говорит в слух таково слово: Нѣкий господин купил собѣ холопа и дал за нег[о] .л. литръ злата, а ныне ему холопъ такову службу сслужил, избавил его от смерти; и ныне бы ево государь пожаловал, свободилъ на свою волю. Корол же Зинзовеи рече ему: Еще тот холопъ не вѣдает, чем его государь хочет пожаловат. И приехали во град Армен, и встрѣчает ево короля Зинзовея доч ево прекрасная Дружна: Ѡ государь мои батюшка, корол Зинзовеи Андорович, не давай, государь, меня за короля Маркобруна, и дай меня за Бову королевича, вет он отца сынъ добраг[о] короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы от града Онтон. Корол же Зинзовеи рече ей: О госпожа доч моя прекрасная Дружна, буди на твоеи воле. Бова-ж приѣхал на конюшню, нача спати по .г. дни и по .г. нощи не просыпаяся; и в те поры приде королевскои дворотцкои короля Маркобруна на конюшню, которог[о] Бова ушиб мечем тупым концом, а с нимъ бысть .к. юноковъ, и хотят Бову сонново мечем посечи. Бова-ж разметався спит, аки младенец; дворотцкои же наднесе на нег[о] меч и хотя его посеч, и обратися меч на его шею; дворотцкои-ж и до трижды подымал меч, и не может Бове никакие пакости сотворити. И поидоша вон ис конюшни и сами говорят такъ промеж себя: Не похвала нам будет такова славнаго и силнаго богатыря сонново убит, а сего и меч не сечет. И мы над ним сотворим иную пакость: есть у короля Зинзовея постелникъ, имянем Арлон, приличен х кралеvesкому зраку; и какъ Арлонъ поидет по кралеvesкому двору, и многие дворяня поклоняютца ему, чаючи его короля Зинзовея; и мы сотво-

рим с ним совѣтъ и положим его на королевскомъ одрѣ и пошлем Бову в Задон град к царю Салтану, и он ему отомстит смерть сына своего Лукапера. И в тот час сотвориша со Орлопом совет и положиша ег[о] на королевскомъ одрѣ и писаша грамоты, а в грамоте писали такъ: От короля Зинзовея Арменсково в Задон град к царю Салтану. Приехал, господине, службы не размогъся, а твоег[о] супостата Бову головою х тебѣ послал, и ты ему отомсти смерть сына своего Лукапера, и не моги ево жива пустити. И написаша грамоты и запечаташа королевскими печатми и положиша у Орлопа в головах и поставиша у него многие свещи вожженны, и повеле Орлопу обратиться к стене лицом, чтоб его Бова не опознал, и сами говорят так: как Бова Орлопа познает, и может нас всѣх злои смерти предати. И в тот часъ послаша по Бову на конюшню. Бова-ж приѣде в полату и поклонися Орлопу до земля, чаячи его королем Зинзовеем; и рече ему Орлопъ: Бова, поиди от меня в Задон град к царю Салтану и вдай ему грамоты. Бова-ж взяв грамоты и поиде на конюшню и оседлал себѣ добраго коня надежнаг[о] и взя свои меч кладенец и поехала из града вон, не явяс госпоже своей прекрасной Дружнине. Корол же Зинзовей искаша Бовы и не обрете ег[о] ни гдѣ и начаелся, что от нег[о] Бова от[ъ]ехал; прекрасная Дружнениа мног[о] тут плаков по Бове, корол же Маркобрун нача прошати у короля Зинзовея за себя прекрасныя Дружнины. И корол же Зинзовей отдал тцер свою прекрасную Дружнину, и прекрасная Дружнениа не хотя итти за нег[о] и уверилас с ним, что год ждати, не жениться на прекрасной Дружнине; и поехала с ним в поморе в землю его. А Бова-ж ехал ѣ. дни и ѣ. ночи не вкушая хлѣба ничего же, и приехал под дубъ, ажно под дубом сидит старец пилигрим, вкушает укругу ¹⁾ сидя. И рече ему Бова: Ѡ старче пилигриме, дай ми сен укруги вкусит. Старец же, приполнивъ полон сосуд спя-

¹⁾ Ломоть хлѣба.

щал[о] зелия, Бова-ж выпив вес и заспе твердо; и взя у Бовы старец пилигримъ златую свиту и меч кладенец и добрал[о] коня, а ему покинул худую свою раздранную старческую ризу, и кон Бовин у старца урвался и прибѣже кон к прекрасной Дружнене в поморе со всею збруею его. Прекрасная-ж Дружнена опознала, что кон Бовин, и нача велми плакати по Бове. А Бова спал .гѣ. дни и .гѣ. нощи не просыпаяся; и воста отъ сна своег[о] и не обрете своег[о] доброг[о] коня и златыен свиты и меча кладенца, и воздеже на себя худую старческую раздранную ризу, и сам Бова говорит так: Милостивыи Спасъ, зри и виждь, уже меня калагир изобидил; и какъ ми появитца к царю Салтану? и велит меня повѣсит, и мнѣ нечем поборонитца от царских юноков. И сам Бова говорит так: Хотя яз положу в кlobукъ камен и тѣм ся яз от нихъ поборонюс. И прославиша Бога, и поиде путем своим, и приіде в Задон град к царю Салтану, ажно царь стоит у мши ¹⁾ и у обедни. И приіде к нему Бова и вдасть ему грамоты; царь же Салтан прочет грамоты и тако рече: Ѡ злодею Бова, мало ты перед собою могу видѣти. И повелѣ Бову повѣсити; и взяша Бову .лѣ. юноков, Бова-ж сняв з главы кlobукъ и положил в него камен, и всѣх тѣхъ он тут побил. Царь же Салтан велми возрѣявся и повелѣ приступат .тѣ. юноков, и взяша Бову с великою силою и поведоша ег[о] на виселицу. И у царя Салтана бысть тщер прекрасная Малгирія; и увиде Бову велми лѣпообразна и приідоша к отцу своему: Ѡ государь мои батюшка, царь Салтан Салтановичъ, не вели, государь, Бовы повѣсит, но дай мне ег[о] на волю, и яз ево превращу от крестьянские вѣры в нашу вѣру в латынскую и в нашего Бога Бахмета ²⁾; уж тебѣ Лукаперове смерти не пособит, и дай меня за нег[о]: вет он отца сынъ добраго короля Гвидона и матери госпожи

¹⁾ Мша (польское сл.)—обѣдня. Вѣроятно, употреблено въ смыслъ богослуженія вообще.

²⁾ Магомета.

Милитрисы от града Онтона. Царь же Салтан рече: Буди, госпоже, на твоей воле. Прекрасная-ж Малгирия приѣже на седалище, ажно Бову хотят повѣсит. Прекрасная-ж Малгирия взяше его к себѣ в полату и нача его превращати ¹⁾ и не может его превратит. Царь же Салтан приѣде к ней и рече: Ѡ госпожа доч моя Малгирия, ужли еси превратила? Она-ж ему рече: Еще, государь, не превратила. Царь же Салтан посадиша Бову в темницу, прекрасная-ж Малгирия нача Бове сама носити пити и ясти и превращает его от крестьянские вѣры и не может превратит. Бова-ж в темнице заспе мало и воста от сна своег[о] и бысть печален велми, и нача ходит по тѣмнице и молитися Богу: Милостивый Спасъ, избави мя от смерти сей. И приѣде Бова в угол, ажно в углу просветився мало. И приѣде в то мѣсто, ажно лежит меч кладенец, Богом создан бысть, кабы от многих лѣтъ положен тут. Бова-ж взяв в руце свои и прославиша Бога: Милостивъ Спасъ, благодарю тя Бога моего[о], уж мне есть чем попротивитца от царских юноков. Прекрасная-ж Малгирия приѣде к Бове в темницу и нача его превращати: Господине Бова, не изнури красоты лица своего в такове младе юности, но отверзися вѣры крестьянские и вѣруи в нашу вѣру в латынскую и в нашего Бога Бахмета, а меня возми женою себѣ, и буди батюшкове душе поминок а царству ег[о] здержател. Бова-ж рече ей: Ѡ госпоже прекрасная Малгирия, что яз Богу своему нарекуся, како ми отверхтися о крестьянские вѣры и вѣроват в вашу вѣру в латынскую и в вапег[о] Бога Бахмѣта? И сам ея хотя мечем посеци; прекрасная-ж Малгирия одва у него уклонила. И приѣде к отцу своему и повѣда ему: Не могла, государь, превратит Бовы. Царь же Салтан повелѣ Бову повѣсит; и приѣдоша по Бову в темницу .т. юноков, Бова-ж тѣх всѣх побил, и подмостяс мертвыми людьми и выде вон ис темницы, и приѣде на царев двор. Салтан виде Бову по двору ходящу, и

¹⁾ Совращать.

возопи царь Салтан гласом великим, повелѣ Бову убити на смерть, Бова-ж тут многих витязей побил и побеже на луки морские ¹⁾. Царь же Салтан повелѣ в рог трубити и собра воиска своего .ѣр. тысящъ и рече им: Ѡ витязи мои и юноки, уиде у меня ис темницы мои супостат Бова, найдите ег[о] и поймаите его, и могу Бову повѣсити. И у царя-ж Салтана бысть .б. брата родные, богатыри Ахан да Онбан. И рече царю Салтану: Мы тобѣ Бову приведем на жезлѣ .б. нас. И взя с собою воиска по .ѣн. тысящъ, Онбан пошел на юсть моря, а Оханъ пошел на луки морские; и тут наехал Охан Бову на луках морских и напустиша на Бову. Бова-ж разбежеса к Охану и скокнунул к нему на конь и ударил его мечем по главе и разсече ему главу на двое, Ахан же паде мертвъ на землю, Бова-ж поехал по воиску ег[о] аки по лѣсу и воиско его все побил и ни единого[о] жива не отпустил. И прииде другой брат с устья моря і виде брата своего[о] побитого со всем воиском, а Бовы нигдѣ не обрете и нача мыслити во умѣ своем: Поехат мне к царю Салтану, и он меня может злои смерти предат, а поехали мы .б. насъ на похвале, что было нам Бову привести на жезле; ино яз умру от Бовина плеча богатырсково, ино мне будет честнее. И напустиша на Бову и тот брат, Бова-ж и тог[о] побил со всем воиском, ни единого[о] жива не отпустил. Бова-ж увиде по морю корабль плывуще з гостьми; Бова-ж воспросил сетчи на корабль и поиде по морю; и в тѣ поры прииде царь Салтан и виде своих братьев обоих славных богатырей побитыхъ со всем воиском, а Бовы тут не обрете. И увиде царь Салтан Бову на корабле плывуще з гостьми и возопи гласом великим и рече: Ѡ гости корабленицы, здаите Бову с корабля, Гости-ж корабленицы не смѣют здат Бовы; царь же Салтан рече им: Ѡ гости корабленицы, яз вам за то повелѣваю во своих градах торговати безданно и безошлинно. Гости-ж сотвориша меж собою совет и хотя Бову сонново

¹⁾ Излучистый морской берегъ.

здан с корабля; Бова-ж слышав и побил гостей всѣх, на корабле том остался один. Бова-ж наехал рыбалова, рыбу ловит, и вопроша его: Брате рыболов, которого еси царства? Он же ему рече: Аз есмь ис поморя короля Маркобруна. Бова-ж ему рече: Господине рыболов, еще ли жива прекрасная Дружнена? Он же ему рече: Еще, господине, жива. Бова-ж ему рече: Ужли на ней женился король Маркобрун?—Еще, господине, не женился король, потому что его госпоже прекрасная Дружнена уверилася такову заповедь, что... до году все она ждет к себѣ друга своего милово Бову королевича; а уж та пора идет близко, что жениться имат король Маркобрун на прекрасной Дружнене. Бова-ж рече ему: Господине рыболов, уже колко нѣтъ Бовы? Рыболов же ему рече: Уже нѣтъ Бовы год и три мѣсяца. Бова же ему рече: Господине рыболов, возьми у меня много множество злата и сребра и доведи меня до Маркобруна короля. Рыболов же у него взяша злата и сребра и жемчюгу пол лотки, Бова-ж сяде к нему в лотку, а корабль собѣ пошел; и восташа на море волнованье великое и разбиша лотку, злато и серебро все потопѣ и жемчюг, и рыболов потонул и Бовин мечъ кладенец, а Бова-ж выплыл на берегъ и поиде пеш путем своим. И прииде Бова под дубъ, ажно под дубом сидит старецъ пилигримъ, кои у Бовы увел его добраг[о] коня и мечъ кладенец и златую свиту. Бова-ж его нача мучити и подня ризы его, ажно под ризою у нег[о] мечъ кладенец; Бова-ж его нача зле мучити, старецъ же пилигримъ повинився Бове: Господине Бова, не моги меня замучити, яз тебѣ дамъ свое зелье, единым умоешься и ты будешь аки угол чернѣ, а другим умоешься зелиемъ, и ты аки цвет процветеш а лице твое просияет аки солнечная луча. Бова-ж облегчиша старцу и взяше у него двое зелье и потерся черным зелиемъ, и бысть аки угол чернѣ, и в тѣ поры потерся белым зелиемъ, и бысть аки цвет процвел. И взя Бова свои мечъ кладенец и поиде в поморе к королю Маркобруну. И прииде во град и тут стоятъ .г. юноши, иже баше при единой стране, Бова-ж

приіде к ним пилигримомъ и рече им: Дайте ми про Бога, про Христа и для вапег[о] витязя Бовы королевича милостину. И един выверняс ударил его по лицу: Ѡ старче пилигриме, ты сеи заповеди у нас не вѣдаеш! Здес заповедь такова: хто про Бову помянет, тот имат повешен бысть. Бова-ж ему поклонився и поиде на королевской двор и приіде на поварню и рече Бова поворам коралевским: Дайте ми для Бога и для вапег[о] витязя Бовы королевича милостину. И един повар выхвата головню горящую и удариша ег[о] по главе и опалиша ему голову; старец же пилигрим взя его за ногу и удариша ег[о] о стену. И восташа на нег[о] многие повары, он же и тѣх поворов всѣх побил. И приіде тут королевской дворецкои, коего Бова ушиб мечем тупым концомъ: Ѡ старче пилигриме, про что еси побил поворов королевскихъ? Он же ему рече: Яз, господине, у них попрошал для Бога и для Христа и для витязя Бовы королевича милостины, и оне меня опалили всего, и яз от них побороился. Дворецкои же рече ему: Ѡ старче пилигриме, поиди под комору, там сидит прекрасная Дружнена, она тебѣ дастъ для Бовы милостину; онъ же ему поклонився до земля и поиде под комору и возопи гласом великим и рече: Ѡ госпоже прекрасная Дружнена, дай ми для Бога, для Христа и для витезя Бовы королевича милостину. Прекрасная-ж Дружнена высунулас по плеча в окно и рече: Поиди старче пилигриме ко мнѣ в комору. Бова-ж приіде к ней; и рече ему прекрасная Дружнена: Ѡ старче пилигриме, где еси про Бову слышал, или где его видал, что для его просиш? Он же рече ей: Какъ мне его не знати? яз з Бовою у царя Салтана сидѣл в одной темнице. Прекрасная-ж Дружнена нача плакоти; и приіде в полату корол Маркобрун и рече: Ѡ госпожа прекрасная Дружнена, что сиі за старец? с нимъ глаголеш а сама все плачеш? Она-ж ему рече ложными словесы: То, господине, старец от отца моего[о], повѣдает ми, что мат моя умерла. Корол же Маркобрун рече ей: Вели, госпоже, ему дат поестъ. И сам поиде вон ис полаты. И в тѣ поры

нача кон велми ржати, и кои тут звездочетцы сами говорят промеж себя: то де ржет кон Бовы королевича, то де слышит кон государя своего Бову королевича. Прекрасная-ж Дружнена нача велми плакати, Бова-ж у нее воспрошал: Ѡ госпоже прекрасная Дружнена, чей то кон ржет велми? Она-ж ему рече: То, господине, кон друга моего любимаг[о] Бовы королевича, а держу яз коня тог[о] для того, любо государя своего Бову заслышу и яз на немъ до него доеду, или он ко мне приедет и мы от короля Маркобруна на нем увидем; а по ся мѣста все яз сама его и пою и кормлю, а уже он побил болши .#ѣ^х. юноков. Бова-ж рече ей: Яз вамъ коня сего излечу, что на нем станет сидет .ѣ^х. лѣт дѣтище. И приде в полату корол Маркобрун и рече: Поиди, старче, вон ис полаты. Прекрасная-ж Дружнена рече ему: Ѡ королю Маркобруне, ещо хочет старец нашего коня излечит, что на нем учнет ездит .ѣ^х. лѣт дѣтище. Корол же Маркобрун рече: Добро, госпожа прекрасная Дружнена. Бова-ж поиде х конюшне и взяв короля за руку, а прекрасную Дружнену за другую, и поиде х конюшне; кон же Бовин нача велми ржат, корол же Маркобрун трепетен бысть ото ржания консково и не возможе итит и возвратися вспят, прекрасная-ж Дружнена поиде з Бовою на конюшню. Бова-ж приде на конюшню и отворил двери конюшни тоя; кон же Бовин был привязан на .б.-ти чепях и то все оборвал и скокнул Бове на горло а пережние копыта положил ему на плеча. И нача кон Бову целовати; а токобъ кон имел у себя язык и он такъ рек: Откуды еси пришол и гдѣ еси был? Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Господине старче пилигриме, что еси скоро коня нашег[о] предстил? Бова-ж рече ей: Госпоже прекрасная Дружнена, для тог[о] меня кон скоро опознал, занеже есми самъ Бова. Прекрасная-ж Дружнена скоро усумнився и рече ему: Коли еси ты Бова, покажи мнѣ меч кладенец, коим яз тебя опоясала. Бова-ж подняв ризы своя и показал меч. Прекрасная-ж Дружнена рече ему: Господине старче пилигриме, то еси з Бовою сидѣл в одной темнице

у царя Салтана и ты еси у Бовы меч украл. И рече ему: Господине, покажи мнѣ язву, кою яз у тебя сама лечила. Бова-ж подняв клубукъ з главы своя и показал ей язву. Прекрасная-ж Дружна рече Бове: Господине Бова, гдѣ еси ты узнурил красоту лица своег[о]? Бова-ж скоро потерся бѣлымъ зелиемъ и бысть аки цветъ процвел, лице ег[о] просияло аки солнечная луча; прекрасная-ж Дружна рече ему: Ѡ государь мой милои Бова королевич, откуда еси аки солныще возсияло ко мнѣ? И нача ег[о] любезно целовати и рече ему: Здѣ-ли хотимъ быти или прочъ ехати? Бова-ж рече ей: Поедемъ, госпоже, прочъ.—Добро, господине, седлаи себѣ коня а мнѣ другою, а язъ к тебѣ твое оружие тотъ часъ к тебѣ сошлю з девицею. И прииде прекрасная Дружна хъ королю Маркобруну, король же Маркобрун рече ей: Жив ли, госпоже, нашъ старецъ? Она-ж ему рече: Жив, господине, нашъ старецъ, ходитъ блиско коня нашег[о] а конь его познаваетъ. И хочю к нему послати постелку. И въ тотъ часъ шедъ завертеша в постелю щитъ и колчугу и послаше з девицею к Бове в конюшню, а сама поиде хъ королю Маркобруну и принесе к нему кубокъ забвенного вина: Испей, господине, за любовь нашу. Король же рече: Испей, госпожа, ты за любовь. Она-ж испивъ мало и поднесе ему; онъ же испивъ все и засне твердо. Прекрасная-ж Дружна поиде к Бове в конюшню и прииде к нему, Бова-ж ходитъ весь вооруженъ а носитъ в руке своемъ щитъ и коп[ь]е и мечъ кладенецъ. И сяде Бова на коня а прекрасная Дружна на другою и поехали вонъ изъ града не веми никому и переехали болши .ѣр. верстъ и доехали нѣкоего кладезя, и тутъ Бова учалъ шатеръ ставити и почивъ держати.... И воста от сна своего и поехалъ путемъ своимъ, и рече Бове прекрасная Дружна: Господине Бова, будетъ за нами погоня отъ короля Маркобруна: есть у него наспехъ именемъ Полканъ, сидитъ в погребѣ, славный богатырь, отъ пояса до главы челоуѣкъ, а отъ пояса къ ногамъ песь, и та ему .ѣр. верстъ за .і. верстъ онъ можетъ добыти. И воста король Маркобрунъ от сна своег[о], не обрете своемъ госпожи

прекрасные Дружнены и повеле в рог трубити и собра
 войска своего .ѣ. тысячъ и рече им: Ѡ витязи мои и
 юноки, приѣде ко мне Бова пилигримом и уведе у меня
 госпожу прекрасную Дружнену, подите и поймаите их, и
 могу Бову повѣсит а прекрасную Дружнену рострелят. И
 рече ему витязи и юноки: Ѡ государь нашъ корол Марко-
 брун, уже Бова сеи ноци переехал болши .ѣр. верстъ и нам
 его не сугнати, войско идет опочиваяся на ден по .н. верстъ;
 ино есть у тебя наспех именем Полкан, сидит в погребе, и
 та ему .ѣр. верстъ за .н. верстъ, он тебѣ может добыт Бову
 и Дружнену. Маркобрун послаше по Полкана; Полкан же
 приѣде х королю Маркобруну, рече ему: Господине Полкане,
 приѣде ко мне Бова пилигримом и уведе у меня прекрасную
 Дружнену, поиди и поймаи их, и могу Бову повесит, а пре-
 красную Дружнену рострелят. Полкан же рече ему: Яз тобѣ
 добуду их Бову и Дружнену. И побеже Полкан за ними;
 Бова-ж и Дружнена зрит, ажно Полкан бежит пеш, что ко-
 нем же, Бова-ж уготовя меч свои и хотя ег[о] мечем посещи
 и пореше мимо, и шибе меч его по черен в землю, Полкан
 же выломив дубину ис корени и удариша Бову, Бова-ж бысть
 дряхлѣ; Полкан же и вторицею шибе о него, Бова-ж паде
 на землю, Полкан же сяде на кон Бовин, кон же нача ег[о]
 мыкат по лесу и по деревью и по пустому лѣсу, слыша не
 государя своег[о] на себе, и нача кон тертися и валятися
 и одрал на Полкане всю кожу его. И побеже кон с ним
 мимо Дружненина шатра, и рече ему прекрасная Дружнена:
 Господине Полкане, не чините меж собою з Бовою бою и
 побратаитесь, ино вас богатыреи славнее и силнее и на свету
 не будет. Полкан же рече ей: Ѡ госпоже прекрасная Друж-
 нена, яз рад з Бовою братство восприят. Кон же Бовин
 стал кротко, Полкан же приехал к Бове и слезе с коня и
 з Бовою братство восприял и меж себя уверишася. Бова-ж
 всед на кон а прекрасная Дружнена на другои и поехали
 путем своим, а Полкан за ними побеже пеш, что конем же.

И приехали под некиі град Костел ¹⁾, а царствует в нем царь Урил. И послышав царь Урил тѣх дву витязей славных богатырей и град Костел о них запер. Полкан же разбежеся и скочил через стену градную и отпер врата градные, Бова-ж не поехал во град и стал под градом. Царь же Урил повеле в рог трубити и собра воиска своего .ѣі. тысящъ и взя дву сынов своих и встрече Бову королевича; Бова-ж приіде во град и в палаты царскіе и нача пити и ясти и весилитись. И в тѣ поры приіде под град Костел корол Маркобрун, а войска с ним .ѣі. тысящъ, и облег войском своим круг града. Царь же Урил поиде з детми своими и с войском своим против короля Маркобруна, корол же Маркобрун войско у царя Урила побил и его в полон полонил и з детми ег[о]. Царь же Урил рече королю Маркобруну: Господине королю Маркобруне, отпусти меня во град свои, а возми у меня в закладе .ѣ. сынов моих, яз тебѣ здам з города сонных Бову и Полкана и Дружнену. Корол же Маркобрун рече ему: Господине царю Уриле, слово твое паче меду устом моим; и отпустил его во град и рече ему: Зда-ж Бову и Полкана и Дружнену, яз тебѣ изъ своег[о] царства стану давати дан и оброки. Царь же Урил приіде во град к своей царице и лег спати во своей ложнице в полате, а корол же Маркобрун отпустил с царем Урилом выборных витязей .ѣѣ., кому имат Бову и Полкана и Дружнену. И леже царь Урил и говорит своей царицѣ: Госпоже царица, яз у короля Маркобруна оставил в закладе дву сынов своихъ в том, что мнѣ сеѣ нощи здат з города Бову и Полкана и прекрасную Дружнену. А Полкан же то все слышит, что про них царь Урил говорит. Царица-ж рече: Господине царю Уриле, невозможно тебѣ здати з города таких славных и силных богатырей. Царь же Урил удариша царицу свою по лицу, Полкан же скочив в полату и ухватил его за бороду и шибѣ его о середу, царь же бысть мертвъ. Полкан же посмотрив

¹⁾ Въ итальянскомъ текстѣ: castello, замокъ.—Урилъ—Orio.

на царев двор, ажно полон двор войска; Полкан же взяв Бовин меч и выскочил вон и всѣх тут побил и град Костѣл до утра запер. Бова-ж воста от сна своег[о], и прииде к нему Полкан и поведи ему все по ряду, и Бова нача его любезно целовати, что о нем Полканъ велми радуется. И тако Бова вооружися итти против короля Маркобруна, да Полкан с ним. Король же Маркобрун нача с ним битис и не может против их стояти, и нача от них бежати. Бова-ж и Полкан, отбив у короля Маркобруна .ѣ. сынов царя Урила, и привадоша их во град и повелѣ им царствовати в отчине отца их, Бова-ж и Полкан поиде вон из града. Бова-ж всаде на кон, а прекрасная Друженна на другои, а Полкан за ними побеже пеш что конем же. И доехаша Бова нѣкоего луга и тут Бова поставил шатер, а Полкану другои. И тут Бове прекрасная Друженна родила два сына. Бова-ж поехал на пищу зверей добывать и заблудився, прекрасная-ж Друженна вышла за шатер, ажно бежат на нее два лва; прекрасная-ж Друженна возопи гласом великим: Господине Полкане, бежат на меня .ѣ. лва. Полкан-же ухватя Бовин меч и выскочил за шатер и ударил мечем лва, лев же бысть мертвъ. И напустил на Полкана другои лев, Полкан же хотя и тово мячем посети, и оба сразися вмѣсто, лев Полкану прорва шрев, а Полкан его мечем розсѣче, и бысть оба мертвы, Полкан и лев. Прекрасная-ж Друженна много тут ждав Бовы начаелась, что звери съѣли, и взяв дѣтище на руку, а другое на другую и поидоша з горкими слезами пеша путем своим и заблудилас. Бова-ж прибудился к шатру и виде брата своего названого мертва да два лва, а прекрасные Друженны нигдѣ не обрете и дѣтищ своих, и начаелся что их лвы съели, и взя свои меч кладенец, и много тут плакав Бова о прекрасной Друженне и поехал путем своим и наехал в поле витязя велми возрачна. Бова-ж воспрошал его: Кто еси ты, откуда и коег[о] града и како ти есть имя? Он-же ему рече: Яз езу из Сумина града от дятки Синбалды, а имя ми бысть Личарда, послан есми провѣдыват по многим городам

и по многим ордам про Бову королевича. Бова-ж рече ему: Да слышал-лы еси гдѣ, господине, про него? Личарда же рече: Лише, господине, слышал про него, что де его в Задоне царь Салтан убил. Бова-ж ему рече: Господине Личарда, принимает ли государь твои к собѣ во двор служит? Личарда же ему рече: Приимает, господине. Бова-ж поехал с ним к городу Сумину, и приехали во град. Дятка-ж Синбалда рече Личарде: Ѡ Личарда, обрел ли еси гдѣ Бову королевича? Личарда же ему рече: Исках, господине, и не обретох его, лише, господине, слышел про него, что его в Задоне граде убил царь Салтан. Дятка-ж Синбалда рече Личарде: Ѡ Личарда, хто с тобою приехал, что за витяз велми возвращен? Он же ему рече: То, господине, витяз приехалъ к тебѣ служит. Синбалда же рече Бове: Кто еси ты, откуда? Он же ему рече: Яз есмь ис Празни града; было нас . $\frac{1}{2}$ б. тысяч, идох по морю, и разбися нашъ корабль, злато и сребро все потопе, а яз есми един остахся и іщу себѣ ласковог[о] государя благоприятна. Дятка-ж Синбалда принял Бову к собѣ во двор служит и посадил Бову за столом выше Личарды. Личарда же бысть Бове грубител и досадител: Личарда же его привел, а дятка Синбалда выше его Бову посадил. И рече Личарда дятке Синбалде: Яз рад с новым слугою о мѣсте своем на поле дратца. Бова-ж рече дятке Синбалде: Яз с ним рад дратца. И поехали оба на поле; дятка-ж Синбалда отпустил за ними сына своего Тереза смотрит как ся учнут дратца и с коней рватца. И как будут на поле, Бова-ж охавив Личарду за горло и ударил его о землю и рече ему: О злодею Личарда, грубител и досадител отца моего доброго короля Гвидона, почто еси ходил во град Молганскъ х королю Додону, наводил еси на отца моего великие пакости? ныне же отмещаю смерть отца своего доброго короля Гвидона! И отсече ему главу. И поехал Бова во град Сумин к дятке Синбалде и потерялся бѣлым зелием и бысть аки цвет процвел. Дятка-ж Синбалда Бову опознал подлинно и рече ему: Ѡ государь мой, Бова королевич, гдѣ еси был, откуда еси ко мнѣ

пришол? яз тебѣ, государю, холоп старинной, возми к себе меня въ холопи и сына моего[о] Тереза. Бова-ж рече Синбалде: Поидем до вотчины отца моего доброго короля Гвидона под град Онтон. Дятка-ж Синбалда повеле в рог трубити и собра войска своего[о] .ѣі. тысяч и поидоша под град Онтон и нача бити во градную стену пушки и пищалми безотступно. И тако рече Бова: Грубител и досадител отца моего[о] доброго короля Гвидона, выди из вотчины отца моего[о] из града Онтон вон; аще не выдеш из вотчины нашеи, и яз не отступлю от града и до своея смерти, и нигдѣ можеш у меня скрытися. Корол же Додон слыша, что под градом его стоит Бова королевич, и не знаша ег[о], что онъ храбръ и силен, и чаючи его младенствующа и повелѣ в рог трубити. И собра воиска своего[о] .ѣк. тысяч и поиде против Бовы королевича; Бова-ж напустил на царское знамя, а войска не замал ни единого[о] человекѣ, и прибѣгоша х королю Додону и удариша его мечем по главе и разсече главу его. И рече им Бова: Ѡ витязи мои и юноки, возьмите своего[о] короля Додона и свезите к матери моеи к прекрасной Милитрисе. Витязи-ж и юноки взяше ег[о] и понесоша ег[о] во град Онтон и свертеша главу его, а Бова-ж поиде во град свои Сумин. Корол же Додон нача главу свою лечити и лекарей пытати по многим градом; Бова-ж то слышел, что супостат его корол Додон ещо жив, лекарей пытается, Бова-ж рече дятке и поиде х королю Додону и поведѣ ему: Господине королю Додоне, пришли лекара из Празни града, хотять голову твою излечит. Корол же Додон повелѣ их пустит во град; Бова-ж и Терез приіде к нему в полату, корол же Додон рече им: Господине лекари, можете-л главу мою излечит? Бова-ж приіде к нему и взяв его за бороду и рече ему: Кто сию рану дал, тот ты и может докончат. И нача у него очи вертет и рече ему: Грубител и досадител отца моего[о], доброго[о] короля Гвидона, почто еси погубил отца моего[о]? пался еси, злодею, на женскую прелесть, душегубицу детей своихъ. Корол же ему отвѣту не дал, Бова-ж его ударил о середу, корол же бысть мертвъ.

Прекрасная-ж Милитриса побеже вон из полаты, Бова-ж еѣ ухватил за руку и рече еи: Ѡ госпоже мати моя прекрасная Милитриса, про што еси погубила отца моег[о], доброг[о] короля Гвидона, и про што еси возлюбила короля Додона? И про што еси посадила меня в темницу и морила еси голодом? Про што еси меня кормила змиѣным ядом? Прекрасная-ж Милитриса сыну своему Бове не могла отвѣту дат, Бова-ж повелѣ еѣ обковать в бочку дубову. Бова-ж повелѣ в рог трубити и собра воиска своего .ѣн. тысяч и послаша своег[о] дятку Синбалду в Задон град к царю Салтану: чтоб за меня царь Салтан выдал тщѣр свою прекрасную Малгирию. Дятка-ж Синбалда приѣде во град Задон к царю Салтану и поздравствовалъ царю Салтану отъ Бовы великолѣпное здравие: чтоб еси за нег[о] дал тщѣр свою прекрасную Малгирию. Царь Салтан рече Синбалде: Господине дятка Синбалда, поеди поведати Бове королевичю, такобъ приехал государь мой Бова королевич сам, и яз бы за нег[о] дал тщѣр свою от великия радости; а ныне мнѣ кому дат в руце? Дятка-ж Синбалда возвратился вспят ко граду Онтону. Прекрасная-ж Дружнена прибудилашася ко граду Арменю, ажно во Армени царствует отца еѣ короля Зинзовея постелникъ, имянем Арлопъ, а отца еѣ короля Зинзовея в животе нѣтъ; и потихонку воспрошала от пути, куды пут ко граду Онтону, и поиде путем своим и приѣде на луки морские и поставила себѣ шатер. Дятка-ж Синбалда приѣде из Задония града и поведаша Бове, что ему царь Салтан говорил: тако бы де приехал государь мой Бова королевич сам, и яз бы де за него дал от великия радости тщѣр свою прекрасную Малгирию, а ныне мнѣ кому дат в руце? И в тѣ поры прекрасная Дружнена отпустила дву сынов своих во град Онтонъ. Детища-ж приѣде в полату к Бове и сташа перед ним; Бова-ж возре на них и воспрошал витязей своих: Которог[о] моего витязя детища велми вѣрачны? Они-ж рече ему: Мы, господине, их не вѣдаем. Бова-ж их воспрошал: Ѡ дѣтища, хто вы есте, откуда? Они-ж ему рече: Мы, господине, пришельцы бысть в сем граде: отецъ

у нас был Бова королевич. Бова-ж вскочил и нача их любезно целовати и вопрошал их: О дѣтища мои, где-ж мати ваша? Они-ж рече ему: Ѡ государь мой батюшко, Бова королевич, матушка наша стоит на луках морских. Бова-ж повеле себѣ в тот часъ оседлати коня, а дѣтищам по коню-ж, и поехала на луки морские, ажно его прекрасная Зинзовѣвна стоитъ на луках морских в шатре. Бова-ж вниде в шатер и нача еѣ любезно целовати, Бова-ж взяв прекрасную Дружену с великою честию, и поехала ко граду Онтону, и нача с нею и з детми своими пити и ясти и веселиться и нача жаловат своих вѣрных раб: дятку пожаловал опят Суминым градом, а Огения брата Синбалдина пожаловал на кралевство во Армени. И послаша Синбалду Орлопа воеват, и велѣл Бова Орлопа перед собою поставит. Синбалда-ж прииде под град Армен и нача бити во градную стѣну пушки и пищальми безотступно; Орлоп же не может против его стояти и повеле град отворити, дятка-ж Синбалда прииде во град и взяв Орлопа по приказу государя своего Бовы королевича, а на королевство оставиша брата своего Агения, а сам возвратился во град Онтонъ. И поставиша Орлопа перед Бовою. Бова же рече ему: Орлопъ, ты еси злодею, про што меня посылал без увѣдания доброго короля Зинзовѣя в Задон град к царю Салтану и навадил еси на меня великие пакости? Ныне же еси заповинен мечю моему. Орлопъ же нав подклонився перед Бовою и не может против его отвѣту дат, Бова-ж повеле его повѣсит. И потом Бова нача пити и ясти и веселиться во своей отчине и дѣтине отца своег[о] доброго короля Гвидона и многими грады владѣти. Во вѣки аминь.

*Ся повесть разбоинного приказу под[ъ]ячего Ивана
Яковлева, писалъ своими руками.*

II. ПОВѢСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛѢНЕНИИ ТРОЙСКОМЪ И О КОНЕЧНОМЪ РАЗОРЕНІИ, ЕЖЕ БЫТЬ ПРИ ДАВИДЪ, ЦАРЬ ПОДЪЙСКОМЪ ¹⁾.

(изъ троянскихъ сказаній, по румянцовскому хронографу XVII в.).

Бяше въ первая времена царь нѣкій именемъ Придешъ. И въ нѣкій день бывшу ему на ловѣ въ нѣкоемъ морскомъ отоцѣ, у него же отъ единыя страны течаше великое море, а отъ другія страны Скомандра рѣка, а отъ третіе страны Пелешино море, а отъ четвертыя страны стояше лугъ Дудома, а отъ пятые страны удолю, идѣже растяху древіе и цвѣти многоразличніи. Видѣвъ же царь доброту мѣста и

¹⁾ Между всѣми классическими мифами, получившими сильное обращеніе въ средневѣковую эпоху, сказанія Троянскія и, въ особенности, исторія Александра, встрѣтили самое теплое участіе. Свѣдѣнія о первыхъ почерпались не у Гомера, въ средніе вѣка извѣстнаго лишь немногимъ ученымъ, а изъ позднѣйшихъ, иногда подложныхъ произведеній, въ числѣ которыхъ особенно важны сочиненія, приписанныя Дарету и Диктису, одна изъ передѣлокъ которыхъ проникла и въ русскую литературу. Даретъ (Dares), упоминаемый въ Иліадѣ, какъ троянскій жрецъ бога Ифеста, считался авторомъ сказанія о паденіи Трои, латинскій переводъ котораго приписанъ былъ Корнелію Непоту, который яко-бы утверждалъ, что нашелъ подлинную рукопись Дарета, пользовавшагося въ Аѳинахъ бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ Гомеръ. Какъ бы то ни было, многочисленныя передѣлки Троянскихъ сказаній, появившіяся на западѣ, главнымъ источникомъ своимъ имѣли Дарета. Сочиненіе, приписанное Диктису, тоже недостоверно: въ предисловіи его разсказывается, что Диктисъ, изъ о. Крита, извѣстный спутникъ Идоменея, составилъ дневникъ Троянской войны; сочиненіе долго оставалось въ неизвѣстности; наконецъ, при Неронѣ, было-де случайно открыто, а въ IV в. появился латинскій переводъ его. Византіецъ Малала въ изложеніи Троянскихъ сказаній постоянно указываетъ свой источникъ въ сочиненіи Диктиса; переводъ повѣствованія Малалы, вѣроятно, познакомилъ съ нимъ и русскихъ читателей. Другая версія тѣхъ-же сказаній принадлежитъ Манассіи, переводъ которой относится къ XIV в. Впослѣдствіи, въ сокращеніи, эти сказанія вошли въ составъ хронографовъ, одна изъ редакцій которыхъ и приводится здѣсь, по тексту, напечатанному А. Н. Пыпинымъ въ „Очеркѣ исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ“.

нача здати градъ во имя свое, и послѣ своего живота повелѣ сыну своему здати. Такожъ и прочіи заповѣдаху коиждо сыну своему, и съ прежнимъ царемъ, иже нача здати, всѣхъ шесть до Троила царя, иже вяще всѣхъ дѣло сотвори и нарече во имя свое Троя градъ. Троилъ же роди Пріама царя, у него (же) царица именемъ Якама ¹⁾,—и въ нощи видѣвъ сонъ и сказа мужу своему, Пріаму царю, и рече: родихъ я главню, и взыде на небо главня и паки возвратися и паде въ море и изыдоша изъ моря искры, яко пламень, и падоша на Трои и погорѣ весь градъ. Пріамъ же сказа сіе бояромъ и пророкомъ волхвующимъ и мудрецемъ и всѣмъ людемъ, и рѣша ему: господи царю, родится отъ жены твоея сынъ, его же ради изгорить и разорится Троя градъ и не останеть камень на камени. Царь же рече женѣ своей: егда родится сынъ наю, да повелимъ его убить. Жена же рече ему: зѣло рада сіе сотворити. Егда же роди царица Якама сына своего и видѣ его красна зѣло и зжалися яко мати, и не може убить, но повивъ его въ ризы многоцѣнные и съ нимъ много сребра и злата и повелѣ его поврещи внѣ града; и обрѣте его пастырь овчій старъ, ему жъ роди жена сына, и повелѣ ей обрѣтѣннаго отрока кормити. И бывшу ему седми лѣтъ и нарече его Фарижъ ²⁾ пастыревичъ, и хожашу со отцемъ своимъ оба отрока на поле и играху. Фарижъ же связываше два вола и бодяхуся, и кіи премогаше, тому сплеташе вѣнецъ отъ масличія, кіи же не одолѣваше, тому вѣяше отъ сламы, и полагаше има на рогу. И егда возросте Фарижъ, хожаше съ добрыми витязи, сіи рече съ дѣтми боярскими, и преодолѣваше ихъ во всякой игрѣ и прободѣ за щитомъ единого витязя. И въ то время бракъ творяше Велешъ царь, и призва всѣхъ бояръ и боярынь и Фарижа пастыревича, и придоша на оно веселіе три жены, ихъ же пророчицы нарицаху, и едину не позваша, яко свадлива бѣ. Она же за оно

¹⁾ Гекуба.

²⁾ Парисъ.

названіе помышляше, како бы сваду учинити, и сотвори яблоко злато, и написавъ на немъ: которая отъ трехъ тѣхъ женъ и пророцѣъ благообразнѣйши, да будетъ той златое яблоко, — и повелѣ въверещи яблоко въ вертоградъ, его же обрѣтоша тріе оны жены, и прочетше моляху Фариха пастыревича каяждо ихъ, да присудитъ ей яблоко. Послѣди жъ третьяя рече: присуди мнѣ сіе яблоко и повѣжь мене добрѣйшу тѣхъ и дамъ ти Елену царицу Менелая царя Греческаго, иже бысть всѣхъ насъ и всѣхъ Греческихъ женъ добрѣйши и дамъ ти имя ново и будетъ имя твое Александръ Фарихъ и да ти повѣмъ отца и матеръ, нѣси бо того старца сынъ, но отецъ ти есть Пріямъ царь и мати Екама царица. И присуди Вѣнуши госпожи яблоко, и слышавъ отъ нея сія, возвеселися зѣло и взя прошеніе у старца, иже отецъ ему нарицашеся, и поиде въ Трою градъ и пріятъ его Пріямъ царь, отецъ его, и мати его, царица Екама. И призва царь Пріямъ пророки и волхвы и рече: кто ми поспѣшитъ еже еще наздати Трою градъ, и азъ дамъ ему три мѣры злата. И слышаста два рукодѣлца (дiявола) земленная, пріидоста и рѣста къ царю: мы хотимъ создати, да намъ даси, и наю знаи, — и начаша здати: и Тебушь ¹⁾ бѣ гуселникъ, гудяше въ гусли и зидашеся градъ Трон, гдѣ они повелѣваху; а Нептенабушь ²⁾ именовъ идяше въ море и ношаше изъ моря варъ и каменіе и воду. И совершиста все дѣло и рѣста цареви, да имъ дастъ еже обѣща, и разумѣста, яко пріобидѣ ихъ и разгнѣвастася и рекоста: мы есмя сотворили Трою градъ, мы же умыслимъ како разорити. Во дни Пріамовы Ипистеръ ³⁾ волхвъ, его же и пророкомъ нарицаху, пророче, яко хошетъ Александръ пріити въ Греки и царицу Елену взяти, ея же ради Троя разорится; тако же и жены оны, иже разгнѣвашася яблока ради златаго, ихъ же пророчица нарицаху, по-

¹⁾ Оебъ.

²⁾ Нептунъ.

³⁾ Юпистеръ.

мышляху, како бы Трои разорился. Испросижеся Александръ Фарижъ у отца своего Пріяма царя и приде къ Менелаю, царю Греческому, еже есть Еллинскому, служити со многимъ богатствомъ и со отроки; и слышавъ Менелай царь, изыде противу ему далече, и цѣлова его, и рече ему Александръ: придохъ азъ, царю, служити тебѣ не на златѣ и сребрѣ, но да разумѣши, кая будетъ честь сего ради на твоємъ дворѣ. Слышавъ же сіе, Менелай царь возвеселися зѣло, и введе его къ Еленѣ царицѣ въ полату и ядяху наединѣ и пріяху червлено вино; и егда умываху руцѣ и убрусомъ утираху, Александръ писаше на убрусѣ червленнымъ виномъ къ Еленѣ сице: { царица Елено, люби мя, яко же и азъ тебе. } Посла же Менелай царь къ брату своему Агемени царю, глаголя: буди о семъ весель, брате мой, хотятъ мнѣ служить братія мои цари. Отписа же ему братъ его: азъ о семъ весель есмь, яко мы самодержцы есмы, а о семъ нѣсмь весель, яко наша братья придоша служить намъ, но и зѣло озлобихся; блюдися, да не приидетъ чужая доброта и возьметъ нашу честь, а намъ будетъ великая срамота. Слышавъ же Менелай озлобился и рече: како нѣсть драго брату моему моя честь. Слышавъ же Менелай, яко отвержеся отъ него русакъ каякимскіи и собравъ многу войску, поиде на нихъ, и Александру повелѣ. Онъ же сотворися боленъ и лежа въ царской полатѣ: егда, рече, здравъ буду, гряду во слѣдъ тебѣ, — и по отшествіи Менелая царя, изыде Елена царица съ дѣвницами проходить по граду и съ болярынами Греческими. Александръ, восхитивъ Елену царицу подъ пазуху, и вшедъ въ борзны корабль со отроки своими, и прииде подъ Трою градъ. Тройсти же господіе не хотяху изыти противу имъ, вѣдуще, колика хоцетъ пролитися Трои кровь за Елену; изыде же противу ему отецъ, Пріямъ царь, и пріязь за руку его, а мати его, Якама царица, пріязь Елену царицу за руку и введоста въ полату. Слышавъ же Менелай царь о Еленѣ, возвратися скоро отъ войны; увѣде же и братъ его Агемени царь и собравъ вся воя скоро и прииде къ Менелаю и пе-

чальна быста зѣло царя, глаголюще: какова срамота учинися нама,—и собраша силну войску. И прииде къ нимъ на помощь Аякшъ, Соломониковъ сынъ, съ тридесятью катаргъ, и потомъ прииде Паламидъ, Придековъ сынъ, съ тридесятью корабли; и по семъ нѣкии человекъ, Урекшишъ именемъ ¹⁾, Лентешевъ сынъ, сотворися буй, да не причастится Тройской крови, нача песокъ орати, а соль сѣяти: царя же повелѣста поврещи малаго сына его предъ ораломъ, и аще будетъ бѣсенъ, то преоретъ его; — и егда повергоша, абіе состави волю не орати и поведоша его ко царемъ и рече Урекшишъ: изволилъ быхъ за три лѣта тецати съ бѣснымъ псомъ, нежели причастится Тройской крови, иже хочетъ быти Елены ради царицы. Бяху же и иные мнози, придоша ко царемъ на помощь ото многъ островъ, и отъ суша, и отъ воскраи сущихъ моря, отъ Аѳинъ, и тоземцы, и отъ Ѳеталья и ото Архія и отъ всея Еллады и отъ иныхъ многихъ. Бяше Менесіѳеъ отъ Аѳинъ, Несторъ отъ....., Идоменевесъ отъ Крита, Тлипелемъ же отъ Рода, вси родъ имуще отъ благородныхъ и отъ царскихъ кровей, мужи храбрїи: евоіанинъ же Ахиллеи сіяше паче всѣхъ человекъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ, егожъ и проя нарицаху: сего наставиша цари рати начальника. Бѣ же рать многочисленна: 1170 кораблей исходятъ убо отъ отечества; посланъ убо бываетъ Ахиллеи отъ храбрыхъ друзїи, и на острова нападоша, и поплѣниша сушу, и тщахуся напасти на Трои, яко многимъ богатствомъ кипяше и хотяще отмстити обиду Елены ради. Видѣвше же Трояне толику рать, собравше себѣ пособники, Кари и Ликаони, Миси и Меони, и Ѳруги, придруживъ же весь Асїйскій языкъ и родъ, противу изведоша безчисленно воинство; въ Троадѣ же устроя вяще 50,000 мужей, и много время проводиша брань творяще, и сперва добрѣ ополчавшася на брань, да яко же искусила Ахиллеево стремленіе и храбрость, сѣдаху при стѣнахъ заключившеся.

¹⁾ Улиссъ.

И потомъ же пѣкая жена, именемъ Велеша ¹⁾, волхвующи, ея же пророчицу нарицаху, иже обладала волшвеніемъ морскими волнами,—у нея же убиша кошту бояре Агемена царя, сего ради разгнѣвася, пусти волненіе на море, да погубить вся корабля Греческая. И озлобистася царя и воспросиша Колкаша попа; онъ же повѣда имъ, яко кошту ради хочеть васъ потопити пророчица, и глаголетъ, яко аще не дастъ Агемень царь мнѣ своея дщери Цвѣтаны, не имамъ ихъ пустити. Царь же Агемень оскорбися зѣло, и не хотя дати свою дщерь Цвѣтану ²⁾, и устави бурю и придоша подъ Трою. Изыде противу имъ Екторъ царь, Пріямовъ сынъ, и иніи мнози боляре, и нача стрѣляти Екторъ стрѣлою со огнемъ и единѣмъ пущеніемъ погружаше три корабля Греческія, и Аякшъ Соломоничевъ заштити своимъ щитомъ 17 кораблей отъ живаго огня Екторова. И поиде Менелае царь на вѣрѣ, нача Пріяму говорити, да отдасть ему Елену парицу; Александръ же не хотяше, но восхотѣ поразити Менелая,—аще бы его Пріямъ царь не заштитлъ. И потомъ Екторъ царь творяше брань и поражае множество Греческихъ вой на всякъ день; — и бояшеся гласа Ахиллеева; и поиде Ахиллеи подъ своимъ знаменіемъ противу Ектору царю и состастася и ястася за руки и не хотѣста ся бити въ той день. И бяху плѣнили Гречестіи витязи Рижеуша попа дщерь Реужду, и видѣвъ ю Агемень царь, братъ Менелаевъ, яко добра зѣло, и взять ю себѣ въ жену. А Рижеушъ попъ сынъ Тебуга бога, и увидѣвъ Тебугъ разгнѣвася зѣло и пусти своимъ волшвеніемъ великъ недугъ въ Греческую войску, и мнози умираху, дондеже обратиша дщерь Рижеуша попа. Потомъ же Трояны дерзостны сотвори Паламидова смерть, — притупи Ахиллеєво стремленіе, любяше бо Ахиллеи Паламида зѣло и сего ради разгнѣвася и не хотяше изыти на брань: Дисіеосъ нисіотенинъ храняше ненависть на Паламида и оболга его къ ца-

¹⁾ Діана.

²⁾ Ифигенію.

ремъ, яко Трояномъ хоцетъ добра, — и побиха Паламида каменіемъ. О горе, какова твориши зависти,—онъ же ничесоже рекъ, тоцію глаголь сей: о убогая истинно, тебе плачу, ты бо первѣ мене погипе,—и тако умре, Ахиллеи же тяжцѣ проплакавъ о немъ и не хоташе изыти на брань, и отъ сего бысть дерзость Ектору и того пособникомъ, и составляетъ на Елины брань крѣпкоратную, и падаютъ, якоже класы, Греческая, сирѣчь Еллинская тѣлеса, и езера кровемъ проліяшася. И моляху Ахиллея поити на брань, и не приклонися, дондеже убіенъ бысть Патрокліе, егоже любляше зѣло Ахиллеи, отъ руку крѣпкую Екторову, и сіе того принуди потещи на трояны: изыде убо Ахиллеи на брань, огнемъ дыхая, и разбиваетъ полки, и побиваетъ первоборца. И паки призываетъ Пріямъ на помощь Амазоніи и паки брань крѣпка, умирають мнози и отъ всѣхъ убо пусть бысть Пріямъ; и умоли Тантія, Индѣйскаго царя, и посылаетъ множество безчисленно воинства. Индіяне жъ вси чернообразни, ихъ же видѣвши Гречестіи вои во странныхъ зрадѣхъ и убоаяшася отъ зрака ихъ оружія, и отъ звѣрей устрапишася, ихъ же Индія кормить. Нощію бѣжати мысляху и оставити Трои, но обаче ополчишася къ чернообразнымъ и индѣйскими кровми очервишася, Нивія и Скомандровы струя обращахуся кровми. Въ сихъ же наста Еллиномъ торжество, паче же и варваромъ и всѣмъ покой отъ ратей и отъ трудовъ, и убо Еллиности, еже есть Гречестіи, и Тронское множество вой воедино смѣшахуся, и никому же содѣяти ничесоже и никтоже смѣяше, праздника ради. Потомъ же видѣ сонъ въ нощи царица Еутропія жена Ектора царя, сына Пріямова, и возбнувъ отъ сна, приде въ ложницу свекра своего, Пріама царя, и нача со слезами глаголати ему, да не пушаетъ сына своего Ектора во утрей на брань ко Ахиллею, яко убіенъ, рече, будетъ. И сказа ему сонъ: видѣхъ, яко изыде изъ Троя мечка, а изъ Греческія исы вепръ, и начаста ся бити, и посѣче вепръ мечку и повлече его въ Греческія полки, и къ тому не видѣхъ его; и аще пустиши Ектора, то не чаи его видѣти,—

и утѣшивъ ея Пріямъ и проводи ю въ ложницу. И егда бысть заутра, уготовася Екторъ царь на брань ко Ахиллею, и изыдоша противу ему Троискія госпожа, и мати его, и царица жена его, и сестры его, возбраняху ему, да не исходитъ на брань; онъ же не послушаше, и мати его Екама, молящи не изыти и спастися, плачущи и ятра отверзающи единою рукою, другою же сосца изношаше, и глаголаше: о чадо, сихъ усрамися, и мене самую помилуй, аще когда ти сосца сія придахъ, забыти творящи дѣтскихъ скорбей; помяни убо воспитаніе оно и даруй ми, еже пощадѣти ся самому. И жена его, взявши, метну сына своего предъ нимъ, моляше: помилуй, рече, мене самую и сего любезнаго,—и не послушаше; она же рече: о Екторе, пожди мене мало, — и шедши въ ложницу, совлече брачныя ризы и облечется въ черныя во вдовичныя, и пришедъ предъ него, глаголя: о Екторе, аще не обратишися, имамъ сія азъ носити по тебѣ,—и симъ не преложи его на жалость, и не послуша, не поиде противу Ахиллея. И спешеся, не бишася въ тои день, но завѣтъ положиша, еже битися заутра; и въ тои день уби Екторъ 7 уровъ Греческихъ, еже есть седмъ полковъ, и заутра изыде Екторъ царь и нача битися со Ахиллеемъ, и наѣха Ахиллеи Ектора, и убивъ, прободе его и паде мертвъ, и вземъ его Ахиллеи понесе на свои станъ, потомъ же разбиваетъ и полки, и побиваетъ ратоборца. Убьенну же бывшу Ектору дерзосердому, столпу Тройскому, мужу тяжку и храброму, во оружіяхъ воспитанну, язвы носящу на персѣхъ, прежь даже Еллини не пришли и составили брань: соплеташеся сей со юнцы дивіими,—видѣвше же сіе, Троистіи велможа и господіе начаша жалостно плакати, и взя Пріямъ царь на себя нищяя и худая ризы и гусли, и поиде во Греческую войску и нача пытати Ахиллеева стану, глаголя: его же днесъ Богъ наставитъ, да мене накормитъ и напоитъ грѣшнаго и страннаго,—и доиде на Ахиллеевъ станъ и нача густы въ гусли жалостно зѣло и даша ему Ахиллеи отъ вечера своя ясти и пити, и по вечерѣ легоша спати, ушивъ

шеся. Уснуша же и стражіе, и Пріямъ царь нача искати сына своего Ектора царя и обрѣте его лежаща на постелѣхъ мертва, со Ахиллеемъ лежаща. И видѣвъ его Пріямъ, и воздохнувъ отъ сердца зѣло, Ахиллеи же возбнувъ и устрашися и рече: кто еси ты? Онъ же рече: азъ есмь Пріямъ царь, ищу сына своего, Ектора царя. Рече Ахиллеи: аще ты еси, и азъ отъ страха твоего мертвъ есмь. И рече Пріямъ: не боися, господине, отъ младенства нѣсмь того сотворилъ, да спяща витязя погублю, но прошу сына своего Ектора. И рече Ахиллеи: аще кленешимися, азъ понесу Ектора на своєю плещу въ Трою по вѣрѣ и клятвѣ, да здравъ вниду и изыду. И вземъ Ахиллеи заутра Ектора и понесе его въ Трою и предасть его Тройскимъ господамъ, и начаша его плакати, и рече Пріямъ царь ко Ахиллею: поидѣвъ въ церковь Аполлона клятися, еже къ тому не воеватися, дабы остало сѣмя Трои, и дамъ ти свою дщерь Поликсену, коя во всѣхъ госпожахъ Тройскихъ добрейши. И во церкви кляся первіе Пріямъ и отступи, и преклонися Ахиллеи клятися, и ту себе скры Александръ Фаризъ, Пріимовъ сынъ и Диоовъ, и устрѣли Ахиллея ядовитою стрѣлою въ пяту, занеже бѣ весь вооруженъ, точію плѣснѣ его безъ желѣза, и избѣгоша вонъ: Ахиллеи же падъ на издыханіи послѣднемъ. Ощутіи жъ сія Дісевесъ, яздыше бо съ нимъ, и съ нимъ Діогенъ и Ея теламонянинъ: вкупе же убо въ церковь вскочивше, обрѣтоша крѣпкаго проя, еже естъ Ахиллея, лежаща и кровми обліянна и угасша и едва дышуща и движуща языкъ, и хотящими очима его покрытися тмою. Яко же убо видѣста его, проплакаста и нападъ на перси его Ея великіи, съ плачемъ ко Ахиллею рѣче: о ратемъ разрушителю, исполнине крѣпкорукіи, кто погубити тя возможе, лвояростнаго? Онъ же едва прогласивъ рече: убиста мя лестію Александръ Фаризъ (и Діооовъ), — и сія рекъ издѣше. Видѣвъ же сія Пріямъ царь озлобися зѣло и совлече со Ахиллея оружіе все и пусти ко обѣма царема, и сказа имъ: како вѣру его, еже со Ахиллеемъ, преступиша, и аще велита, да тѣло его принесу къ

вама. И плакаша зѣло, видѣвше оружіе Ахиллеево, и повелѣста Пріаму царю сожети тѣло его и всыпати въ корчагу, да сотворимъ, рече, гробъ его на далечной земли,—и сотвори Пріамъ тако, сожже плоть его, и всыпавъ въ златыи корчагъ и посла царема. И видѣвше, царя и Гречестіи полцы дивипася, глаголюще: о сила и слава Ахиллеева, како ты не совзимаху вси градове и отоцы, и здѣ единъ корчагъ нѣсть тебѣ полнъ. Видѣвши же Екама царица, яко хочеть скончатиcя Трои, посла сына своего меньшаго Полидвора, и съ нимъ злата много къ Полимнещеру царю, на онъ-полъ моря, иже царствоваше всей Погажи, дабы остало сѣмья Трою. Потомъ же паки мужъ убьенія и закланія, и паки кровми обліяся земля Тройская, и паки окровавлени быша Скомандровѣ струя, дондеже волхвымъ пророчествомъ изрекоша, яко нѣсть мощно ратію взяти Троя, но токмо лестію единою. И абіе содѣяша коня древяна, велика зѣло, и затвориша въ немъ мужа храбрыи и сами отоити творяхуся ко отечеству своему, коня же оставиша у пристанища и сами скрыпаша во островѣ. Видѣвше же Трояне пристанище пусто, коня же единого стояща, и недоумѣюще дивляхуся и сперва убо мняху все прелесть, коня же погубити мысляху, во огнь или въ море воврещи. (Но занеже прииде время еже взату быти Трою, во градъ увѣщавше ввести коня, яко образъ и корысть отъ сопротивныхъ, и ови убо внесоша его, и питіемъ и играмъ себе вдавше и уснуша глубокимъ сномъ: мужіе же, крыющися, изшедше полкомъ и зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ; и сіе видѣвше, Еллини вскорѣ пловуще придоша къ Трою, и вратомъ отверстомъ бывшимъ отъ преже вшедшихъ, яко вода вліяпаса множество войска Греческаго. Твердонуиному жъ сице пріяту бывшу Трою,—индѣ же пишетъ, стекломъ и мѣдью и воскомъ сотвориша Фарижа сѣра, тѣмъ же образомъ аки конь, и въ немъ затвориша 300 витязей, сирѣчь бояръ вооруженныхъ, и егда его ввезоша во градъ, врата разоривше, непрошедшу

ему во врата, тогда воины разбивше главами стекло и скопивше, многи изсѣкоша; достиже же и все множество воиска въ кораблехъ и по суху; — изсѣкоша же Тройскія велможа, а иныхъ въ море пометаша, изведоша же Александра и Елену царицу къ Менелаю, и рече ему Елена: о господи царю, ты бысть въ вѣки кривъ, чему мя остави со Александромъ Фарижемъ, да мя прельститъ своимъ невѣрьствомъ? И отвѣща ей царь: госпоже Елено, яко отселѣ азъ сотворю тебе инъ никтоже не прельститъ,—и повелѣ ея со Александромъ усѣкнуги, и съ ними Поликсену, дщерь Пріамову, повелѣ усѣкнуги на гробѣ Ахиллеевѣ, яко ея ради погине; и Екаму царицу, мать ея, даша на подѣлъ, съ нею же и прочая госпожа и болярыни. Вedomи же плакахуся зѣло, царица же Екама утѣшаше ихъ: азъ имамъ ваши слезы утолити, — и прочая же жены восхищаемы бяху отъ чертогъ новоженныхъ, и младенцы ударяемы бываху о стѣну, и земля наводняема бяше кровми падающихъ, и спроста рещи, плачь вся содержаше, и все лютое и горкое содержаше градъ; и огневи предають и попадають отъ основанія, еже во градѣхъ прекраснаго и преизряднаго Троя. И увидѣвъ сія царь Полимнещерь и повелѣ заклати Полидвора царя, Пріамова сына, и воврещи его въ море; и ту присташа корабли Гречестіи, и взятъ Екама царица ведро, еже почерпъсти воду, и обрѣте сына своего мертва и возопи гласомъ велимъ, плачущися. Тогда слышавъ Полимнещерь царь, изыде на утѣшеніе Екамѣ царицы, и восташа съ нею Тройскія госпожа, избодоша царя Полимнещера ножи, сія увѣдѣвъше, граждane побиха ихъ каменіемъ, и Екаму царицу. Вѣзвратижеся Менелае царь со всѣми Греки съ побѣдою и съ великою честію, стоя подъ Троемъ лѣтъ 10 и мѣсяцъ 7, и тако скончася Тройское царство. Написа же повѣсть о Тройскомъ плѣненіи творецъ Омиръ. Ахиллеи же сей бѣ сынъ царя Каеты, а индѣ пишетъ Фирелеша (?).

III. ДЕВГЕНІЕВО ДѢЯНІЕ ¹⁾.

(изъ погодинскаго сворника, по тексту А. Н. Пыпина).

Дѣяніе прежнихъ временъ и храбрыхъ члвкъ, о дерзости и о храбрости і о бодрости прекраснаго Дѣвгеніа.

Бѣ нѣкая вдова царска роду и предала себя ко спасенію—отъ церкви николи же отхождаше,—и бысть у нея три сыны велелѣпны и велеозарны, молитвою же матери своея дѣюще храбрость о дѣлехъ своихъ. У тойже вдовы бысть дщерь велелѣпна и велеозарна красотою лица своего, и услыша о красотѣ дѣвицы тоя Амиръ царь Аравитскіе земли и собра войска своего множество много и поиде пакости творити (въ) Греческой землѣ, для ради красоты дѣвицы тоя. И прииде въ домъ вдовы тоя и восхитивъ прекрасную дѣвицу Амиръ царь мудростію своею и невидимъ бысть никимъ же въ Греческой землѣ, но токмо видѣ единая жена стара дому того; а мати ея въ то время бысть у церкви Божіи, а сынове во иной странѣ на ловлѣ. И прииде же вдова та отъ церкви Божіи, и не обрѣте прекрасной своей дщери и нача вопрошати

¹⁾ „Девгеніево Дѣяніе“ — съ содержаніемъ котораго впервые познакомилъ русскихъ читателей Карамзинъ — представляетъ образецъ Византійскаго героическаго романа, и по тону, и по краскамъ напоминающаго западный эпосъ. Дѣйствующія лица и мѣсто событій принадлежатъ Греческой землѣ; одно изъ главныхъ основаній повѣсти — противоположность Греческой земли съ Сарацинскою. По характеру своему, оно относится къ темному въ Византійской литературѣ отдѣлу героическихъ сказаній; его легко можно сравнить, по словамъ А. Н. Пыпина, съ тѣми полу-фантастическими исторіями, которыя порождены были крестовыми походами и странствованіями западныхъ рыцарей, которыя составляютъ въ западныхъ литературахъ отдѣльный эпосъ Византійско-Палестинскій. Изложеніе отличается поэтическимъ колоритомъ: сравненія, эпитеты, уподобленія и гиперболы встрѣчаются безпрестанно; повѣсть относится къ XII—XIII в. и появилась у насъ также черезъ южно-Славянскій переводъ. Повѣсть, повидимому, переносывалась нерѣдко и вообще была извѣстна любителямъ стариннаго чтенія.

въ дому своемъ рабъ своихъ и рабынь о прекрасной своей дщери, и рекоша ей вси рабы дому ея: не вѣдаемъ, госпожа, дщери твоей прекрасной,—но токмо едина жена стара дому того видѣла и сказала госпожѣ своей вдовѣ: „пріиде, госпожа, Аравитцкіе земли Амиръ царь, и исхитивъ дщерь твою, а нашу госпожу, мудростію своею и невидимъ бысть въ земли нашихъ“. И слышавъ же то вдова отъ рабы своя и нача терзати власы главы своя и лице, и нача плакати о прекрасной своей дщери и рече: „увы мнѣ, окаянной вдовицѣ, аще бы были чада моя дома, да шедъ бы угонили Амира царя и отняли бы сестру свою“. По малѣ же времени пріидоша въ домъ чада ея и видѣвши плачь матери своя, и начаша вопрошати матери своя: „скажи намъ, мати наша, кто тя обидилъ, царь ли или князь града сего; токмо насъ не будетъ въ животѣ, то жъ ты обидима будешь“. Рече жъ имъ мати ихъ: „чада моя милая, никимъ же необижена града сего, развѣ имѣли есте у себя вы едину сестру и танынѣ исхищенна руками Амира, царя Аравитцкіе земли,—и урва ми сердечное кореніе, и унзе мя яко бездушную трость, а нынѣ заклинаю вы, чада моя возлюбленная, да не преслушати вамъ заповѣди моя: идите вы и угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своя невозмете и вы и сами тамо главы своя положьте за сестрицу свою, и я оплачу и объ васъ, яко безчадна суть“. И рекоша же сынове ея: „мати наша милая, не скооби ты о томъ, дай намъ благословеніе свое и молитву; вскорѣ скроемъ путь свой“,—и препоясаша на себя оружія своя и всѣдоша на кони своя, и поѣхаша, яко златокрылатое ястребы, кони же подъ ними яко летаху, и доѣхаша сумежъя Срацынскія земли и срѣтоша нѣкоего срацынина, стражи бдуща, и начаша братаничи вопрошати его: „повѣждь намъ, братіе, колко до жилища вашего Амира царя“? Срацынинъ же извлече мечъ свой и течаше на нихъ дерзостно, а чающе яко бѣглецы суть, а не вѣдая ихъ дерзости. Скочивъ же ихъ меньшей братъ и ухвативъ же срацынина за горло и примча его ко

братіи своей и хотяше его убити; рече жь болшый братъ: „братія моя милая, чѣмъ намъ о срацыненина мечъ свой сквернить, и мы осквернимъ о самого Амира царя, той бо есть намъ виненъ“. А сего срацыненина привезаша на горѣ у древа, а сами поѣхаша путемъ тѣмъ и сѣтоша иныхъ многихъ стражей Амира царя, отъ великія рекомыя рѣки багряницы; бѣше же ихъ числомъ 3000. Видѣша же братія великую стражу Амира царя, и рече жь имъ болшый братъ: „братія моя милая, — во единомъ ли мѣстѣ намъ ѣхать на стражу Амира царя?“ И рече середній братъ: „братія моя милая, то есть стража великая Амира царя, и мы раздѣлимъся на трое“. Болшый братъ поѣде съ правыя руки, середній въ большій полкъ, а меншый съ лѣвую руку, и поскочиша на амировыхъ стражей и начаша ихъ бити, яко добрые косцы траву косити, — овѣихъ изсѣкоша, а овѣихъ связаша и приведоша на гору високу, и гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овца, и пригнаша ихъ на гору и побѣиша, токмо тремъ мужемъ животъ даша провоженія ради ко Амиру царю. И начаша ихъ вопрошати: „повѣждьте намъ, срацыняне, во градѣ ли вашъ Амиръ царь пребываетъ или внѣ града?“ Отвѣщавъ же имъ срацыняне: „господіе три братіе, Амиръ царь нашъ внѣ града пребываетъ, за семь поприщъ отъ града, и подъ тѣмъ градомъ многіе шатры у него стоятъ, а въ шатеръ во единъ многія тысячи вмѣщаются сильныхъ и храбрыхъ кметей: единъ на сто напуститъ“. И рекоша же братаничи: „братія срацыняне, аще ли бы мы не боялися Бога, давно бы васъ смерти предали, но вопрошаемъ васъ: повѣждьте намъ, каковъ шатеръ Амира царя вашего?“ Рекоша же имъ срацыня: „Амира царя шатеръ червленъ, а по подолу зеленъ, а по шатру златомъ и серебромъ и жемчюгомъ укаченъ и драгимъ каменіемъ украшенъ; а у брата его шатеръ синь, а по подолу зеленъ, а по шатру тако жь златомъ и серебромъ украшенъ, а иные многія шатры стоятъ, а въ нихъ пребываютъ многія кмети, а емлютъ у царя прибытку на годъ по 1000 и по 2000, силніи и храбрїи суть: единъ на сто чело-

вѣкъ наѣдетъ“. Братаничи же отпустиша тѣхъ срацынъ трехъ ко Амиру царю своему словомъ вѣсть.... да не рекъ бы онъ такъ Амиръ царь, что мы придоша къ нему татемъ,—и рече срацыняномъ братаничи: поидите вы во свояси. Срацыняне жъ ради бысть отпущенію ихъ, сказала царю своему; слышавъ же то Амиръ царь и ужастенъ бысть, и призвавъ кметевъ своихъ и рече имъ: „братія моя, силніи кмети, видѣхъ я ночесъ сонъ, яко ястребы три біюще мя крылы своими и едва не предложиша на тѣлѣ моемъ ранъ, занеже братаничи сии приидутъ, а начнутъ прю творити“. Въ то жъ время приѣхаша братаничи къ шатру Амира царя и начаша кликати Амира царя: „царю, поиди вонъ изъ шатра, повѣждь намъ Амиръ царь, что еси неумѣешь на пути стражей ставити; мы жъ къ шатру твоему приѣхаша безо всякія обороны, а нынѣ повѣждь намъ... пришедъ и исхитилъ еси сестру нашу тать бою; аще бы мы втѣпоры были дома, то не могъ бы ты убѣжати съ сестрою нашею, но злою бы ты смертію умеръ, но и вся бы земля твоя отъ насъ въ работѣ была, а нынѣ повѣждь намъ, гдѣ сестрица наша“? Отвѣщавъ же Амиръ царь: „братія моя милая, видите гору оную велику и прекрасну: тамо бо посѣчены многія жены и прекрасныя дѣвицы, тамо же и сестра ваша посѣчена, занеже она не сотворила воли моя“. И рекоша же царю братаничи: „зло ти отъ насъ будетъ“,—и поидоша они на тою гору искати сестры своея, мертвого тѣла ея, и видѣша на горѣ многія жены и прекрасныя дѣвицы посѣчены, и начаша сестры своея тѣла искати, и обрѣтше едину дѣвицу прекрасну зѣло, и начаша по ней слезы испущати, чающе, яко сестра ихъ. Рече же имъ меньшій братъ: „братіе, нѣсть сестры нашей, то есть не наша“,—и сѣдше братаничи на кони своя, и вопіяше пѣснь ангелскую велегласно ко Господу: „благословенъ Господь Богъ нашъ, научая руцѣ мои на ополченіе и на брань“,—и рече они между собою: „попомнимъ, братіе, слово и приказъ матери своея: днемъ ся родили, днемъ ся мы и скончаемъ—по повелѣнію матери своея и главы своя положимъ за сестрицу свою“. И

прискочиша къ шатру Амира царя и шатерь его на копья своя подняша, и рече же имъ Амиръ царь: „братія моя милая, отъѣдите вы прочь отъ шатра сего и измечите вы межъ собою жребій, кому отъ васъ со мною выметца жребій битись: аще мя преодолеете, то и сестру свою возьмете; аще азъ васъ преодолею, и мнѣ годно васъ всѣхъ постыци“. Братаничи жъ отъѣхаша отъ шатра его и начаша метати жребія, и вергоша жребія впервые и выняся жребій меншему брату на брань ѣхать; братія жъ въвергоша въ другой рядъ жребія, што не меншему ѣхать битися противъ Амира царя, понеже силенъ есть,—и въ другой рядъ выняся жребій меншему жъ брату битися; они же вергоша жребій и въ третей рядъ, выняся меншему жъ брату на брань ѣхать битися со царемъ Амиромъ, занежъ они съ сестрою изъ единыя матерни утробы вмѣстѣ шли и во единъ день рожденія ихъ. И начаша братаничи меншово брата крутить, а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяеть, а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно,—братія же ангелскую пѣснь ко Богу возсылающе: „Владыко, не поддай созданія своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуютца поганіи, оскверня крестьянскую дѣвицу“,—и сѣдши жъ они на кони своя и сѣхася они вмѣстѣ со Амиромъ царемъ, и начаша ся сѣщы саблями и ударихася межъ собою копыми. Видѣша жъ то срацыняне и многія кмети дерзость меншого брата и рекоша Амиру царю своему: „великій господине, Амуре царю, отдай имъ сестру ихъ и пріими миръ отъ нихъ, се бо единъ меньшій братъ ихъ крѣпость твою побѣждаетъ; аще совокупятца вси три во едино мѣсто, то вся земля наша отъ нихъ въ работѣ будетъ“. Меньшій ихъ заѣде созади Амира царя и удари его межъ плечь и долу его съ коня сверже, и ухвативъ же его за власы и примча его ко братіи своей. И рекоша вси срацыняне велегласно Амиру царю: „отдай, Амуре царю, сестру ихъ имъ, да ты не погубятъ до остатку“; рече имъ Амиръ царь: „помилуйте мя, братіе милая, днесъ крещуся во святое крещеніе, любве ради дѣ-

вицы тоя, да буду язъ вамъ зять“. Рекоша же братаничи: „брате, Амуре царю, власть имамъ посѣщы ты и власть имамъ пустити ты,—какъ намъ за холопа выдать сестру свою, а нынѣ повѣждь намъ, гдѣ сестра наша?“ Рече же имъ Амиръ царь слезно: „братія, видите оно въ полѣ прекрасно,—тамо стоятъ многія шатры, а въ нихъ сѣдитъ сестра ваша, а гдѣ сестра ваша ходитъ, и тутъ изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ, а стражіе ея стрѣжаху далече отъ шатровъ“. Слышавъ же то братія радостны быша и поскочиши къ шатру ея и праскочиша; стражіе же не рекоша имъ ничегожъ, а чаюше, яко приходцы суть, а не чающе, яко братія ея. И придоша же братія къ шатру и внидоша въ шатеръ къ сестрѣ своей, и обрѣтше же сестру свою на златѣ стулѣ сѣдѣящу и лице ея покровенно драгимъ магнитомъ; начаша же братаничи вопрошати слезно: повѣждь намъ, сестрица, дерзость Амира царя, аще къ тебѣ прикоснулся единомъ словомъ, то отымъ же главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да потомъ не будетъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву“. Въ то жъ время Амиръ царь собравъ триста верблюдовъ и наполни на нихъ драгаго злата аравитцакаго и далъ братаничемъ въ даровяхъ, любви ради дѣвицы тоя, и рече имъ Амиръ царь ко братаничемъ: „помилуйте мя, братія моя, отвергусь я вѣры своея и днесъ крещуся во святое крещеніе, да буду вамъ зять“. Рекоша же братія къ сестрѣ своей: „повѣждь намъ, сестрица наша.... мы отымемъ главу его и отвеземъ въ Греческую землю.... Рече же дѣвица ко братіи: „никакоже, братія, не имѣйте никакова о мнѣ во умѣ своемъ,—коли я исхищена Амиромъ царемъ, и тогда было при мнѣ 12 кормилицъ, а нынѣ боюсь поношенія отъ людей и отъ своихъ сродницъ, занеже бысть полоненица; занеже и азъ повѣдала Амиру царю дерзость вашу, и Амиръ царь всегда ко мнѣ пріѣзжалъ единою мѣсяцомъ и издалеча на меня смотряше; лице мое повелѣ сродичемъ своимъ скрывать, а въ шатеръ никто николиже входилъ; а нынѣ, братія моя милая, хочу къ вамъ глаголати, да прежь хочу васъ

заклинати молитвою матери нашея—да не преслушати вамъ заповѣди моя, —аще толко отвержетца Амиръ царь правдое вѣры своея, и днесъ креститьца во святое крещеніе и иного вамъ зятя таковаго не обрѣсти, занеже славою славенъ и силою силенъ и мудростію мудръ и богатѣствомъ богатъ“. Рекоша же братія къ сестрѣ своей: „совокупить васъ матерня молитва со Амиромъ царемъ“, и рекоша братаничи Амиру царю: „аще хочешы быть намъ зять, и ты отвергися вѣры своея поганья, любве ради сестры нашея; днесъ крестись во святое крещеніе и поѣди къ намъ въ Греческую землю, по любимой своея дѣвицы“. И рече же имъ Амиръ царь: „братія моя милая, не дамъ азъ вамъ; не суть Греченя, яко полонивъ зятя въ домъ свой ведутъ; нарекуся азъ вамъ зять съ великою честію, хошу прежь ѣхать и изобрать верблюды со всей земли и наполнити на нихъ богатства, и хошу избрати сильные кмети, а хто хочеть со мною итти въ святое крещеніе; и прииду къ вамъ въ Греческую землю и нарекуся вамъ зять и буду славенъ и богатъ, а вы коней своихъ не томите, подождите мя на дорогѣ“. Братія жъ взявше сестру свою и поѣхаша путемъ своимъ, а Амирскіи царь (?) приѣхавъ къ матери своей и къ брату своему и нача имъ прелестію глаголати, да чтобы его не уняли, и рече матери своей: „мати моя милая, что ходихъ въ Греческую землю и полонихъ себѣ любимую дѣвицу и придоша во слѣдъ ко мнѣ братія ея и начаша со мною битись, и единъ отъ нихъ, меншы братъ, крѣпность мою побѣдилъ; аще бы совокупились всѣ три брата во единое мѣсто, то и вся земля наша отъ нихъ въ работѣ была“. Рече же мати ко Амиру царю, сыну своему, гнѣвно и власы главы своея нача терзати и лице свое и рече ему: „на што нарекаешься царемъ и сильный кметъ у себя имѣешь, придатку емлютъ по 1000 и по 2000, и ты иди нынѣ и совокупи войска своего и иди въ Греческую землю, и побѣди братію, и любимую дѣвицу приведи ко мнѣ“. Амиръ же рече къ матери своей прелестію: „мати моя, азъ хошу тожь сотворить, собрати воя своя много и иди пакости творить въ

Греческую землю“. И рече братъ Амиру царю: „пойдемъ, брате, вскорѣ, собравъ войско свое, да не допустимъ братію съ любимою дѣвицею во градъ“. И рече Амиръ царь ко брату своему: „сяди ты, брате, на престолѣ моемъ, а азъ единъ хочу ѣхати пакости творити въ Греческой землѣ“. Въ то жъ время Амиръ царь посади брата своего на престолѣ своемъ, а самъ собра войска много, и собра богатства и верблюды со всей (земли) и наполни на нихъ драгаго злата аравитцкаго и каменія драгаго многоцѣннаго. Видѣвъ же то Срацыняне, яко на рать не ходятъ тако, а не глаголаша ему ничего. Доиде же Амиръ царь до сумежія Греческія земли, и рече Амиръ царь ко Аравитяномъ: „братія моя милая, силніи и храбріи Аравитяне, хто хочетъ со мною дерзость творить, той поди со мною въ Греческую землю пакости творити“. И рече отъ нихъ единъ Аравитянинъ, во устѣхъ имѣя у себя дванадесять замковъ, и рече велегласно ко Амиру царю: „великій государь, Амуре царю, придоша отъ Греческія земли въ нашу Срацынскую землю три юношы, и единъ отъ нихъ крѣпость твою побѣди; аще бы всѣ были три совокупилися во едино мѣсто, то бы и земля наша отъ нихъ вся въ работѣ была; а нынѣ ты хочешь итти въ Греческую землю, то они насъ и до остатку всѣхъ погубятъ“. Амиръ же царь, отпустивъ богатство, наполненныя казны верблюды, впередъ въ Греческую землю, и взявъ немного кметей своихъ и поиде въ Греческую землю. Братаничи же не доидоша Греческаго града за пятьдесятъ (верстъ) поприщъ и стапа на полѣ; сестра же ихъ начать имъ молитися: „братія моя милая, не введите мя въ срамъ великій отъ чловѣкъ и отъ своихъ сродникъ, занеже азъ исхищена была руками Амира царя; подождите зятя своего нареченнаго Амира царя“. По малѣ же времени придоша къ нимъ Амиръ царь со всѣмъ (войскомъ), богатствомъ и съ верблюды, наполненныя златомъ и серебромъ, и рече Амиръ царь: „слава Богу, благодѣющему мнѣ, яко сподобилъ мя Богъ братію въ очи видѣти“. И рекоша братія ко Амиру царю: „рабе Христове,

буди ты намъ зять“. Два же брата, болшый и середней, съ сестрою своею поѣхаша во градъ ношю, народа ради и внидоша въ домъ матери своея, и видѣвъ же матеръ два сына и дщерь свою и рече имъ слезно: „сестрицы вы свою добыли, а братца изгубили есте“; и рече ей сынове ея: „ра-дуйся, мати, и веселися, братъ нашъ меншый пребываетъ съ зятемъ нашимъ нареченнымъ, со Амиромъ царемъ, а нынѣ ты, мати, доспѣвай бракъ великъ, занежъ есми добыли зятя— славою славенъ и силою силенъ и богатствомъ богатъ, а нынѣ намъ ево ввести во святое крещеніе“. И взявше патрі-арха града того со всѣмъ соборомъ и приидоша на Ерантъ рѣку и сотвориша купель, и выидоша изъ града (вонъ) множество народа. Видѣвъше же (то), братаничи истомна Амира царя отъ народа, братаничи же повелѣ Амира царя вскорѣ крестити во имя Святаго Духа, и крестиша его самъ патрі-архъ, а отецъ былъ крестной царь града того. И поидоша въ домъ матери своея и сотвориша бракъ великъ, преславенъ зѣло, и сотвориша свадьбу по 3 мѣсяцы; и потомъ Амиръ царь сотвори себѣ особый дворъ и полаты и жити нача съ своею любимою дѣвицею. По томъ же времени услыша мати Амира царя, что онъ крестися и отвергся вѣры своея, любве ради дѣвицы тоя, и нача терзати власы главы своея и собра воиска своего много (же) множество и рече имъ: „кто имѣетъ дерзость внити въ Греческую землю къ господину своему Амиру царю и извести его изъ Греческія земли съ любимою дѣвицею его?“ И рекоша жъ ей три Срацыняне: „мы, госпоже, идемъ въ Греческую землю и отнесемъ.... книги ко господину своему, царю Амиру“. И она же имъ даша много злат-ницъ и даша имъ три кони: конь, рекомый вѣтреница, вторыи громъ, третіи молнія: „аще внидите въ Греческую землю и увидите господина своего, Амира царя, и изведите его изъ Греческія земли, и сядете на вѣтреницу, и вы не-видими будете никимъ же; аще внидите въ Срачинскую съ господиномъ своимъ Амиромъ царемъ и со дѣвицею его лю-бимою, и сядите вы на громъ-конь, и тогда услышатъ вси

Аравитяне Срацынскіе земли; аще сядете на молнію и невидими будете въ Греческой землѣ“. Срацыняне же взяша три коня и книги ко Амиру царю, и поѣхаша путемъ своимъ, и приѣхаша подѣ градъ Греческій, и сташа внѣ града въ сокровенномъ мѣстѣ, и всѣдоша на молнію, и невидимъ бысть въ греческой землѣ. Тоя же ноцы царица Амира царя, прекрасная (царица) дѣвица, видѣша сонъ и ужасна бысть.... и повѣдаша братіямъ своимъ: „братія моя милая, видѣла я сонъ: въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылатый соколъ и ятъ мя (за руку) и изнесе изъ полаты моея, и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола, и соколъ мя опусти“. Братія же собравше во градѣ вся волхвы и книжницы и фарисеи, и повѣдаша сонъ сестры своея, и волхвы же рекоша братіямъ: „госпожу нашу, прекрасную дѣвицу, зять вашъ новокрещенный Амиръ царь, по повелѣнію матери своея, хоцетъ исхитить изъ полаты и бѣжати въ Срацынскую землю, и съ любимою сестрицею вашею; а три врана, то суть три Срацыненина—стоятъ за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ, прислани суть ко Амиру царю отъ матери съ грамотами“. Братія жъ пришедъ ко Амиру царю и начаша его вопрошати и обличать; онъ же кленяся имъ живымъ Богомъ, и возьмъ же они Амира царя и поѣхаша съ нимъ за городъ съ книжницами и съ фарисеями, и обрѣтоша за градомъ три Срацыненина, и они жъ изымаша ихъ и начаша вопрошати. И они же имъ сказаша всю тайну, и взявъ ихъ во градъ и крестиша ихъ во святое крещеніе, и начаша жить у Амира царя, а кони ихъ возьмъ Амиръ царь и роздалъ братаничемъ, шурьямъ своимъ. И потомъ книжницы начаша проповѣдывать о рожденіи Девгеніевѣ, и потомъ царица Амира царя..... родить сына, и нарекоша имя ему Акритъ, и ввергоша его въ божественное крещеніе и нарекоша имя ему: прекрасный Девгеніи, а крестиша его самъ патріархъ, а мати крестная царица града того,—и бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспитавше Девгенія царевича до 10 лѣтъ, на первоенадесять лѣтъ и на второе начаша копьемъ играти, а

на третеенадесять лѣто начаша на добрыхъ коняхъ ѣздити, и бысть гораздъ на драгантѣ храбровать, а драгантъ подъ нимъ играетъ. Самъ же юноша красенъ велми, лице же его яко снѣгъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его велми великіи яко чапы, пристрашно зрѣти на него. Отецъ же его избра ему конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонцы—отъ прегуданія и умъ человѣчъ не можетъ смыслить, а какъ юноша начнетъ на томъ конѣ скакать, а конь подъ нимъ играть, и тѣхъ звонцовъ прегуданія умъ человѣчъ исхититца. На четвертое же лѣто на 10 ѣздиша прекрасный Девгеней на всякій звѣрь безъ оружія, и нача отца своего нудить; отецъ же его нача ему говорить: „чадо, рано тебѣ о ловѣхъ звѣрныхъ мыслити“, и повелѣ кони свои сѣдлати и на ловъ ѣхати со юношами и съ шурьями своими. Людіе же града того многія поидоша на ловъ смотрѣть преславнаго того чудеси, како сій юноша прекрасный, младъ, хочетъ звѣриную дерзость имѣти. Отецъ же его повелѣ зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловить со псами; преславный же Девгеней посмѣявся и рече: „отче, не тако звѣрей ловятъ, но поѣдемъ въ дальные пустыя лѣса“. Отецъ же его поѣде съ нимъ, и многія люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его и дерзости, прекраснаго того Девгенія; и доѣхаша до темна лѣсу, и слѣзе съ коня своего, и нача по лѣсу ходить и смотрити какова звѣря, и видѣ прекрасный Девгеній лося бѣгуща и сугна его пѣшь, яко борзые.... борзаго фарыжа, и догнавъ, ухвативъ его за задніе ноги и раздра его на двое, и влече его положа на руку и видѣвъ же медвѣдя лѣсомъ бѣгуща. Девгеній же храбрый видѣвъ медвѣдя и поскочи, и догнавъ медвѣдя, розодравъ его челюсти и разодравъ его на двое; и видѣвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и вси людіе и удившася зѣло; людіе же многи ту стояху и дивляхуся. По малѣ же времени видѣвше отецъ его изъ острову бѣгуща, изъ густова лѣсу, лютый звѣрь разъемше челюсти своя и хотяще проглотити юношу; отецъ же его рекоша:

„чадо мое милое, Девгеній, пометай мертвая, зри живаго—на
 тя бѣжитъ и хочетъ тя поглотить; той есть не лось и не
 медвѣдь, съ великою бо обороною приступися къ нему“. И ви-
 дѣвъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звѣря,
 и ухвативъ мечъ свой и скочи къ нему встрѣчу, и удари его
 мечемъ по главѣ и разсѣкъ его на двое. Видѣвъ же отецъ
 его изъ острова и радостенъ бысть зѣло, и пріѣхавъ къ сыну
 своему и поцѣлова его во уста и во очію, како дарова ему
 Богъ таковаго отрока и подасть силу надо всѣми храбрыми
 и сильными, и рече отецъ сыну своему: „о свѣтозарное солнце,
 преславный Девгеній, отъ поту звѣринова и от-хля медвѣжая
 порты на тебя изрудилися; но идемъ мы, сыне, отъ сего
 лѣсу темного—есть въ семъ лѣсу источникъ водный, въ немъ
 яко свѣща сіяетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему
 ни кто пріити, понеже бо въ немъ многая чудеса творятся,
 и нынѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ тебѣ сво-
 ими руками омыю лице твое и руцѣ и нозѣ“. И видѣша же
 то граждане, и поидоша граждане зрѣти предивнаго чудеси,
 и пріидоша ко источнику, и нача отецъ сыну своему лице
 омывати и руцѣ и нозѣ, и рече сынъ, прекрасный Девгеней:
 „отче, руцѣ мои моешь, а еще имъ калнымъ быть“; потомъ
 же словеси прілетѣ змій великій ко источнику тому, четыре
 главы у себя имѣя, яко человѣчи, и видѣвъ же то пресла-
 вный Девгеній, и взя мечъ свой и поскочи противу его и удари
 мечемъ его, и отня ему всѣ главы прочъ. Видѣвъ же то
 отецъ его и вси людіе и дивишася чудеси его, и нача отецъ
 его омывати самъ своими руками, и положиша на него дра-
 гоцѣнные порты съ драгимъ златомъ аравитьскимъ, а пере-
 рукавіе съ драгимъ магнитомъ, и потомъ же юноша сяде на
 конь свой, рекомый на борзый фяръ, и нача скакать, а подъ
 нимъ конь играть, звонцы же его dobroгласныи начаша
 прегудать, и пріѣхаша въ домъ къ матери своей, и нача
 же мати его радоватися, видѣвше сына своего, и любезно
 цѣлова его, и съ тое поры прекрасный Девгеней царевичъ
 нача помышляти о дѣлехъ ратныхъ.

„Посланіе Филипата и отъ дочери его Максиміаны къ Девгенію прекрасному.

„Слышавъ же то Филипатъ и дочь его Максиміана о храбрости и о силѣ прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко зайца въ тенето. Филипатъ же храбръ и силенъ добрѣ и много у себя войска имѣетъ; такоже и Максиміана мужскую дерзость и храбрость имѣетъ, и войско ихъ силно и храбро добрѣ, яко Македоняне. И поидоста на преславнаго Девгенія царевича и недоидоша града Греческаго и сташа на рѣкѣ Ефрантѣ, и послаша Максимьяна грамоты съ прелестію ко преславному Девгенію, а въ грамотѣ пишетъ: „о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней, ты царствуешы во всѣхъ насъ храбрыхъ и сильныхъ, яко май мѣсяцъ во всѣхъ мѣсяцехъ: въ маѣ мѣсяцѣ всяка красота земная процвѣтаетъ и древа листьвенные листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не полѣнися, пріиди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Ефрантѣ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже нѣсть помышленія никакова жъ. И прочетъ же тое грамоту преславный Девгеній и посмѣявся и рече отцу своему: „отче, хочу ѣхать видѣти преславна и храбра Филипата и Максимьяну дѣву“. Рече же къ нему отецъ его, Амиръ царь: „чадо мое милое, преславный Девгеней, рано тебѣ въ сильную рать ѣхать; еще ты въ ратехъ не бывалъ, и ничего ратного дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филипатъ въ ратехъ храбръ и силенъ, такоже и Максимьяна, дщерь его, мужескую дерзость имѣетъ, и войско ихъ храбро и много зѣло“. Девгеній же отписавъ грамоту и посла Грека мужа, а въ грамотѣ пишетъ: „срамъ ми есть великъ въ томъ—противо дѣвицы ѣхать битися, а ты, старый Филипатъ, во мнозѣ силѣ пришелъ еси и неповинныхъ людей множество привелъ еси ко мнѣ“. Прочетъ же грамоту Максимьяна дѣвица и рече Греку мужу: „никакоже, свѣтозарное солнце и преславный Девгеній, и не имѣй помысла во умѣ своемъ ни-

какова, занеже прїѣхали мы юности твоей видѣти“. Девгеній же день отъ дни помышляше, како бы ему видѣть храбрость Филипата, и поятъ съ собою Грековъ немного и возьме молитву у отца своего и у матери, и вбorzѣ сѣде на конь свой и рече отцу своему: „отче и мати моя, въ томъ вы помышленія никакова не имѣйте, никакоже отъ руки человѣческія на тѣлѣ моемъ не будетъ ранъ, занеже надѣюся на Бога и на силу Божию и на вашу молитву“. И поѣде въ путь свой и прїѣде на рѣку, рекомую Ефрантъ, и ста на берегу и посла Грековъ своихъ къ Филипату и къ Максимьянѣ дѣвицѣ; и видѣвъ же то Филипатъ, Девгеніевыхъ людей не много, и нача за ними гонять со всѣмъ войскомъ своимъ. И видѣвъ же то Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстоящихъ, и ухвативъ копьѣ свое и попре въ рѣку концемъ и перескочи чрезъ рѣку пѣшъ, яко соколъ дюжей отъ руку ловца, и завопи гласомъ велимъ, велегласно: „дайте мои борзы конь, рекомый фаръ“, и всѣдъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнецъ траву косить: въ первомъ поскокѣ тысящу побѣи войска Филипата, а въ другой рядъ скочилъ, такожде 1000 жъ побилъ; а въ третій нагна Филипата самого и удари ево копьемъ, тупымъ концемъ, межъ плечъ и сверже его съ коня на землю. И видѣвъ же то Максимьяна дѣвица, что Девгеній вяжуше отца ея Филипата, и заправя копьѣ свое хотяще пробости преславнаго Девгенія созади его; Девгеній же, видѣвъ то, и ухвати копьѣ ея рукою своею, и удари ея дланію своею по лицу, и сверже ея съ коня на землю, и связавъ ихъ обоихъ, а войско ихъ, иныхъ побѣша, а иныхъ живыхъ поимаша и гнаша ихъ предъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища и перегнаша ихъ чрезъ рѣку. Въ ту жь пору старшій Филипатъ обратися къ Девгенію и рече: „о златокрылатый ястрябъ, преславный Девгеній, ты славенъ еси и силенъ во всѣхъ насъ сильныхъ и храбрыхъ, а еще ты есть храбрѣе и сильнѣе на семъ свѣтѣ преславный Стратигъ, имѣя у себя четыре сына, а протчая воинства его не можетъ земля держати; и бѣ у него дщерь прекрасная

и преславная Стратиговна, имѣя и она мужескую дерзость и храбрость, а красотою ея нѣсть на семъ свѣтѣ краше,— мнози цари и короли храбріи и силніи суть, а нихто не можетъ ея пояти,—что не пріѣдетъ, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отѣхаты; развѣ тебя Богъ одарить, а нынѣ пощади мя и старость мою, отпусти мя“. Рече же ему преславный Девгеній: „хочу прежде проповѣдати; аще истинну сказалъ ми еси, тогда пушу тя, только возложу знаменіе на лице твое, протчаго ради времени“. Потомъ же и Максимьяна нача ему молитися: о свѣтозарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній, мнози ко мнѣ цари и короли, присылалися ко мнѣ храбріи и силніи, во мнозѣ силѣ, а нихто мя не оскверни единымъ словомъ; всѣ побѣждени моими руками, а нынѣ Богомъ покоренна еси тебѣ; аще ты совокупишыся со мною, да будемъ мы вмѣстѣ, и силы нашей не можетъ держати нихтоже“. И рече ей преславный Девгеней, дѣвицѣ Максимьянѣ: „не имѣю не отъ какова челоуѣка помощи, кромѣ милости Божіи и матернія молитвы; та ми поможетъ“. А Девгеній же мудръ бысть велми и взя книгу и посмотри въ нея о житіи своемъ и о смерти, и досмотрився въ книзѣ той: аще Девгеній прекрасный совокупится съ Максимьяною дѣвицею, то житія его шеснадцать лѣтъ; аще достигнетъ прекрасный Стратиговны, и то житія его тритцать... лѣтъ,—и кликнувъ велегласно къ Греку мужу: „пойди ко отцу и къ матери моей и поздравствуй ему отъ меня великимъ здравіемъ и реки имъ: радуйся отче съ матерію моею,—что помыслилъ Филипатъ и Максиміана дѣвица, да не бысть имъ тако,—а сего старого Филипата везите ко отцу моему, а Максиміану дѣвицу отдайте матери моей; аще къ ней прикоснется хотя единъ единымъ словомъ, то не можетъ сей день живъ быти“. И отпусти ихъ впредь, а самъ назади поѣхаша и пріѣхаша въ домъ ко отцу своему и къ матери; отецъ же его и мати ради бысть зѣло, сождавъ своего сына, преславного Девгенія. Преславный же Девгеней нача мыслить во умѣ своемъ о прекрасной Стратиговнѣ, а Максимьяну дѣвицу повелѣша матери

своей беречь и держати въ великомъ бреженіи, и нача прекрасный и преславный Девгеній у отца своего и у матери безпрестани умоляти, како бы ему видѣть преславнаго Стратига царя и сыновъ его и все ихъ воинство и прекрасную Стратиговну. Отецъ же его нача унимать: „чадо мое милое, уймися отъ сего помысла; многіе то помышляше о самомъ Стратигѣ и о Стратиговнѣ, како бы имъ видѣти, да не збылося имъ видѣти ея“. Преславный же Девгеній взя молитву у отца своего и матери, и совокупи воя своя много, и взя съ собою драгоцѣнныя порты и коня своего съ звончатыми гусли и сяде на борзой свой фарь, и поѣде съ войскомъ своимъ ко Стратигу царю, и доиде сумежъя Стратиговы земли, и недоѣзжая до града за пять верстъ и устави воинство свое и повелѣ имъ межъ себе около стражу крѣпку имѣти, дабы не скрали ихъ, а самъ поѣде прекрасный Девгеній на своемъ конѣ, которой въ звонцы играетъ, ко граду Стратигову, и приѣде во градъ, во врата града Стратигова, и встрѣте юношу Стратигова двора, и вопрошаше юношу того о Стратигѣ царѣ и о сынѣхъ его и о самой дѣвицѣ Стратиговнѣ. Отвѣщавъ же ему юноша: „нѣсть господина нашего Стратига царя дома, но въ иной странѣ ловы дѣветъ и съ четырьмя сыновьями своими, а о самой Стратиговнѣ вопрошающе мя, господине, ино нѣсть таковыя прекрасныя на семь свѣтѣ; многіе суть приѣзжали къ ней цари, царевичи, короли, королевичи, а нихто въ очи ея не видалъ, и нихто живъ изъ царства сего не выѣзживалъ, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричесь воинства его, а воинству его и смѣты нѣтъ, а храбри сѣтъ такови: единъ на сто напуститъ, и сама Стратиговна мужескую дерзость имѣетъ, иному никому на ея зрѣть неподобно... развѣе тебе“. И слышавъ же то Девгеній прекрасный радостенъ бысть зѣло, зане.... и въ книгѣ указано ему прикасатися ко Стратиговнѣ и жить ему тридесять 6 лѣтъ съ нею; и поѣде же Девгеней прекрасный градомъ Стратиговымъ, и прииде ко двору Стратигову, и нача възирати на дворъ

Стратиговъ. И видѣвъ же то сама Стратиговна и приниче ко оконцу и видѣ красоту Девгеніеву и нача во умѣ своемъ помышлять, занеже есть красенъ, а не силенъ; Девгеней же ѣздиша по двору и возвратися назад... и пріѣхаша въ станъ свой съ новопріемнымъ юношею, и нача веселитися во всю пощъ, и повелѣша людемъ своимъ въ танпаны и въ набаты бити, и въ сурны играти, сіи рѣчь трубить, и въ гусли играть. И услышавъ же то прекрасная Стратиговна, начаша вопрошати мамокъ своихъ, чтоде сіе за играніе подѣ градомъ нашимъ велегл.... рече же ей мамъки: „то-де, госпожа наша Стратиговна, пріѣде подѣ градъ вашъ изъ Греческія земли царевичъ, Девгеній прекрасны, и преславны, и храбрый, а хоцетъ тебя взяти....“ Во утрииже поѣде опять во градъ Стратиговъ прекрасный Девгеній на своемъ бѣломъ конѣ, у коего здѣланы звонцы въ гривѣ, и пріѣхаша ко дворцу Стратигову, и нача на конѣ своемъ ѣздить, а гудцы и звонцы у коня въ гривѣ начаша играть, и отъ того игранія умъ (человѣчъ?) исхититьца. И слышавъ же то Стратиговна и приниче къ оконцу своему, и видѣ Девгенія, и рече кормилицемъ своимъ: „идите на дворъ и спросите его, что велію дерзость имѣетъ сей юноша ко двору нашему“. И выиде же кормилица и нача ему глаголати: „о свѣте, свѣтозарное солнце, младый юноша, велѣла тебѣ говорить государыня наша, жалуючи тебя, в..... ты красенъ, а не силенъ, что имѣеш... ружіе и дерзость ко двору сему и из... ты изъ града вонъ, отъкуду еси пріѣхалъ; аще ли ты заѣдетъ отецъ мой и братія.....“

IV. Соломонъ и Китоврасъ.

(Пересказъ).

Древняя повѣсть начинается съ того, что былъ въ Іерусалимѣ царь Соломонъ, а въ городѣ Лукордѣ царствовалъ царь Китоврасъ; обычай же у того царя былъ такой: днемъ царствуетъ надъ людьми, а ночью оборачивается звѣремъ Китоврасомъ и царствуетъ надъ звѣрями, а по родству былъ

онъ братъ царю Соломону. И прослышалъ тотъ царь Китоврасъ, что у Соломона есть жена красавица, и отправилъ къ нему нѣкоего волхва, въ видѣ купца, съ товарами, и съ непремѣннымъ повелѣніемъ похитить жену Соломонову. Волхвъ такъ и выполнилъ повелѣніе Китоврасова. Тогда Соломонъ собралъ войско, пошелъ въ землю Китовраса-царя и, приближаясь къ предѣламъ его царства, сдѣлалъ съ войскомъ такой уговоръ: Какъ заиграю я въ рожокъ, такъ вы приготовьтесь идти мнѣ на помощь; какъ заиграю въ другой разъ, такъ вы поѣзжайте ко мнѣ и станьте въ засадѣ; какъ въ третій разъ заиграю, такъ поспѣшайте ко мнѣ всѣ.

И пришелъ Соломонъ въ царство Китоврасова, какъ прохожій старецъ, милостыню собирать, и пришелъ въ садъ, гдѣ черпаютъ воду Китоврасу царю, и вышла дѣвка по воду въ садъ съ золотымъ кубкомъ и сказалъ Соломонъ: дай же мнѣ, дѣвица, изъ этого кубка напиться. И сказала ему дѣвка: какъ ты, старецъ, хочешь пить изъ царскаго кубка; если кто увидитъ, и скажетъ царю—онъ велитъ за то насъ обоихъ казнить.—Соломонъ сказалъ: дай же, дѣвка, напиться: никто у васъ этого не увидитъ—и далъ ей за это колечко, и она дала ему напиться, и пошла дѣвка съ водою, радуясь, и сказала своей госпожѣ такъ: я нашла кольцо на пути! И вотъ увидѣла у нея то колечко Соломонова жена, и Китоврасова царица, и узнала въ томъ кольцѣ свое обручальное, и сказала: скажи, кто тебѣ далъ это кольцо?—Сказала дѣвка: далъ мнѣ, госпожа, старецъ захожій.—А та сказала: не старецъ онъ, а мужъ мой Соломонъ. И скоро разослала она многихъ людей своихъ по городу и повелѣла сыскать старца; тѣ, сыскавъ старца, привели его къ ней. Она же, увидѣвъ его, сказала ему: Соломонъ, ты зачѣмъ сюда пришелъ? И сказалъ Соломонъ: пришелъ я по твою голову.—И сказала ему его жена: самъ ты, Соломонъ, пришелъ по смерть свою и будешь повѣшенъ. И скоро послала Соломонова жена на поле людей своихъ за Китоврасомъ: скажите Китоврасу такъ:—(повелѣла она)—пришелъ ко мнѣ другъ, а твой, господинъ,

не другъ. Китоврасъ же скоро поѣхалъ ко двору своему и увидѣлъ Соломона у себя на царскомъ дворѣ, и сказалъ ему Китоврасъ: ты, Соломонъ, зачѣмъ пришелъ ко мнѣ? И сказалъ Соломонъ: пришелъ я къ тебѣ для того (чтобы спросить), за что ты укралъ жену мою?—И сказалъ ему Китоврасъ:—али ты у меня, Соломонъ, хочешь украсть свою жену? У меня тебѣ не видать жены своей, а тебѣ отъ меня живу не быть. И повелѣлъ царь Китоврасъ Соломона скоро повѣсить, и Соломонъ передъ царемъ Китоврасомъ началъ плакать, и сказалъ: вѣдь ты братъ (мнѣ), Китоврасъ; я былъ тебѣ братомъ и царствовалъ во Іерусалимѣ; повели же мнѣ дать царскую смерть, вели меня повѣсить съ почетомъ и вели тутъ вывезти много питій и яствъ, и ступай за мною самъ, и съ царицей своей, и вели быть всѣмъ людямъ градскимъ (по поводу) такой моей казни, и вели имъ пить и ѣсть, и меня, царя Соломона, поминать. Китоврасъ же выслушалъ царя Соломона, да такъ и сдѣлалъ; и повелѣлъ Соломона вести на висѣлицу. И тогда привели Соломона къ висѣлицѣ и увидѣлъ Соломонъ на висѣлицѣ льняную петлю, и сказалъ Китоврасу: ты мнѣ—братъ, Китоврасъ; а и неужели у тебя, во всемъ царствѣ твоемъ, не стало шелку? Пошли и вели купить краснаго, да желтаго, и свить двѣ петли шелковыя, одну—красную, а другую желтую, и я тогда въ любую петлю кинуся. Китоврасъ же повелѣлъ шелку купить краснаго да желтаго, и свить петлю изъ краснаго, а другую изъ желтаго. И сказалъ ему Соломонъ: ты мнѣ братъ, Китоврасъ, вели же мнѣ поиграть въ малый рожокъ передъ послѣднимъ концомъ. Китоврасъ же повелѣлъ ему, Соломону, играть въ рожокъ, и услышало войско Соломоново, и стало вооружаться. И какъ привели Соломона къ висѣлицѣ, то сказали Соломону немилостивые палачи: иди, Соломонъ, на висѣлицу. И Соломонъ пошелъ, и ступилъ на первую ступень, и сказалъ Соломонъ Китоврасу: братъ Китоврасъ, дозвожь мнѣ еще поиграть въ малый рожокъ,—и царь Соломонъ заигралъ въ рожокъ, и въ тѣ поры Китоврасъ и все войско Китоврасово задумались;

и услышало Соломоново войско и подошло близко и укрылось въ тайномъ мѣстѣ. И сказали Соломону немилостивые мастера: царь Соломонъ, что ты мѣшкаешь? И Соломонъ пошелъ по лѣстницѣ и вскочилъ на верхнюю перекладину висѣлицы, а лѣстницу прочь оттолкнулъ, и началъ играть въ свой рожокъ. И борзо прискакало Соломоново войско къ нему, и повелѣлъ Соломонъ всѣхъ побивать,—и побѣждали тѣ городскіе люди, а царя Китовраса и жену, царицу, поймали и привели предъ царя Соломона. И сказалъ Соломонъ: братъ Китоврасъ, ты мнѣ готовилъ висѣлицу и двѣ петли шелковыя, и хотѣлъ меня повѣсить не по винѣ моей, но по своему законѣлому сердцу, и за то самъ попался ко мнѣ въ руки, какъ ягненокъ въ когти волку, и терпи въ рукахъ моихъ: не бывать тебѣ живому. И повелѣлъ царь Соломонъ повѣсить ихъ обоихъ—Китовраса въ красную петлю, а жену его, царицу—въ желтую петлю, а волхва ихъ въ льняную петлю; и повелѣлъ въ городѣ и остальныхъ людей всѣхъ побить, а царство Китоврасово огнемъ выпалить. А самъ царь Соломонъ пошелъ въ Іерусалимъ городъ, прославляя Св. Троицу, что невѣрнаго царя побилъ, а царство его поплѣнилъ и огнемъ попалилъ.

Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ ¹⁾.
Аминь.

V. Слово о Басаргѣ купцѣ ²⁾.

(Изложеніе содержанія).

Былъ въ городѣ Кіевѣ купецъ именемъ Дмитрій Басарга, и случилось ему нѣкогда отплыть отъ города Кіева въ ко-

¹⁾ Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, являющіяся передѣлками старонѣмецкаго сказанія о Соломонѣ и Морольфѣ, были распространены, главнымъ образомъ, въ двухъ версіяхъ, изъ которыхъ въ одной варьируется тема бесѣды Соломона съ царицей Савской, а въ другой — Китоврасъ является оборотнемъ, Кентавромъ. У насъ приведено изложеніе содержанія послѣдней версіи.

²⁾ Слово о Басаргѣ-купцѣ одними изъ ученыхъ считается оригинальной русской повѣстью; А. Н. Веселовскій, сравнивая содержаніе ея съ содер-

раблѣ, по морю, на куплю, и взялъ онъ съ собою для утѣшенія сына своего Мудросмысла. (Такъ звали его сына потому, что разумомъ былъ онъ силенъ не по лѣтамъ). И взялъ онъ съ собою немало рабовъ; и (едва только) отплылъ отъ берега по морю, какъ поднялся вѣтеръ, корабль стало носить по морю, отбило все снасти—и такъ носило его по морю на кораблѣ 30 дней. И купецъ Дмитрій поднималъ руки къ небу и сталъ молиться и плакать, вмѣстѣ съ дѣтищемъ своимъ Мудросмысломъ и съ отроками. И внезапно примчалъ его вѣтромъ къ великому и богатому городу, въ которомъ жилъ царь невѣрный, а жители того города были христіане. Обрадовался купецъ и повернулъ корабль къ берегу, къ пристани того города и увидѣлъ на пристани того города 330 кораблей, и узналъ, что та земля богата и торгуютъ въ ней купцы многіе, приставая къ тому городу. Пошелъ онъ съ корабля въ городъ, и встрѣтился съ Дмитріемъ купцомъ гражданинъ того города, и сказалъ ему, Дмитрію: какой ты вѣры? И сказалъ Дмитрій: я—христіанинъ, вѣрую въ Отца и Сына и св. Духа, и въ св. Троицу, единосущную и нераздѣльную. И сказалъ ему гражданинъ: ты съ нами одной вѣры, только за наши согрѣшенія Богъ намъ далъ короля законопреступника и намъ христіанамъ гонителя, и приводитъ онъ насъ и насильствуетъ къ своей вѣрѣ поганой. Тѣмъ купцамъ, которые хотятъ въ его царствѣ торговать, онъ загадываетъ три мудрыя загадки, и кто отгадаетъ—тотъ торгуетъ въ царствѣ невозбранно всякими товарами; а кто не отгадаетъ—тѣхъ принуждаетъ къ своей поганой вѣрѣ, и кто въ его поганую вѣру учнетъ вѣровать—тѣмъ (тоже) даетъ торговать, и изъ царства своего отпускаетъ съ

жаніемъ другихъ повѣстей восточнаго происхожденія, приходитъ къ убѣжденію, что она, какъ и многія другія, заимствована изъ Византіи. Правдоучительно-благочестивый характеръ повѣсти доставилъ ей широкое распространеніе на Руси, и она извѣстна въ многочисленнѣйшихъ спискахъ XVII и XVIII ст.: Румянцевскомъ, Толстовскомъ, Погодинскомъ и мн. др.

честью; а если кто трехъ его загадокъ не отгадаетъ, и въ вѣру его не преклонится, тѣхъ корабельщиковъ онъ посылаетъ мечомъ и въ темницу сажаетъ, и нынѣ въ темницѣ сидитъ 330 корабельщиковъ, да (вотъ) ужъ и гражданамъ то царь воспрещаетъ для нихъ хлѣбы печь—хочетъ, чтобы съ голоду перемерли. Услышавъ это отъ гражданъ, купецъ Дмитрій, скоро возвратившись на корабль, увидѣлъ на немъ царевыхъ стражей, ибо таково было уложеніе царя въ томъ царствѣ: какъ придетъ корабль изъ которой нибудь страны, такъ царь и повелитъ сторожамъ своимъ стеречь и корабль, и корабельщика, чтобы не уплыли. Купецъ-же Дмитрій, видя на кораблѣ своемъ царевыхъ сторожей и взявъ на немъ многіе дары, пошелъ къ царю, которому имя было Несміянь. И являсь предъ царя, сказалъ: царь Несміянь! я гражданинъ города Кіева, купчишко Дмитрій Басарга, и вотъ я тебѣ челомъ бью, чтобы ты, государь-царь, дары принялъ и торговать въ своемъ царствѣ позволилъ всякими товарами. Царь же сказалъ: купецъ Дмитрій, приходи ко мнѣ обѣдать, а дары я отъ тебя приму. Спустя нѣкоторое время, Дмитрій пришелъ къ царю обѣдать, и послѣ обѣда спросилъ его царь: купецъ, какой ты вѣры? Купецъ же сказалъ: я вѣры христіанской, города Кіева гражданинъ, купчишко Дмитрій, вѣрую въ единого Бога Отца и Сына и св. Духа. И сказалъ ему царь: я полагалъ, что ты со мною одной вѣры, и хотѣлъ было дать тебѣ волю торговать въ своемъ царствѣ, и хотѣлъ было отпустить тебя изъ своего царства съ великою почестію, и съ дарами и съ проводниками, а ты вотъ говоришь мнѣ, что ты — вѣры христіанской; такъ вотъ и отгадай же мнѣ, купецъ, три загадки: первая—много-ли, мало-ли всего отъ востока и до запада? Вторая—чего десятая часть днемъ во всемъ мірѣ убываетъ, а ночью—прибываетъ? Третья—что есть то, чтобы не смѣялся поганый надъ христіанами? Скажи мнѣ,—если отгадаешь, повелю тебѣ торговать въ своемъ царствѣ всякими товарами, и даръ отъ тебя приму; а если не отгадаешь, то покинь

свою вѣру и перейди въ мою, и я воздамъ тебѣ великую честь. Если же загадокъ моихъ не отгадаешь, ни въ вѣру мою не захочешь перейти, то пусть же будетъ тебѣ, купцу, вѣдомо: голову тебѣ отрублю, а товаръ твой велю взять въ свою царскую казну. Купецъ же Дмитрій долго стоялъ, поникнувъ головою, не зная, что и отвѣтитъ царю. Государь мой! сказалъ онъ (наконецъ), дай мнѣ сроку на пять дней,— и далъ ему царь. Купецъ же Дмитрій поклонился царю и пошелъ на корабль свой съ великимъ плачемъ и рыданіемъ, ожидая отъ царя смерти, болѣе же оплакивая сына своего Мудросмысла, съ которымъ ему предстояло разлучиться и погибнуть. И оставилъ ребенокъ игру свою, и скоро пришелъ къ отцу своему Дмитрію и сказалъ: отчего же это, отецъ, я вижу тебя столь печальнымъ? Или тебѣ въ этомъ царствѣ приключилась какая-нибудь немочь? И сказалъ Дмитрій сыну: дитя мое возлюбленное! тѣшишься ты дѣтскими играми, а у меня, отца твоего, — великая печаль (на сердцѣ), и не вѣдаешь ты, что приближается къ тебѣ время разлуки со мною, а къ моей головѣ — царевъ мечъ: царь рѣшилъ, что я долженъ или умереть, или отречься отъ христіанской вѣры и присоединиться къ царевой вѣрѣ! Сказало (тогда) дитя Мудросмыслъ къ отцу своему Дмитрію: Расскажи мнѣ, отецъ, что тебѣ царь говорилъ. И помолисъ Создателю нашему Творцу, единому славивому Богу нашему, Иисусу Христу и пречистой Его Матери. И если расскажешь мнѣ, я помогу тебѣ силою распятаго Бога нашего и пречистой Богоматери, и избавить тебя Богъ отъ царева меча, и со мною, возлюбленнымъ сыномъ, не разлучишься, и отъ христіанской вѣры не отступишь, и къ поганой вѣрѣ не будешь приневоленъ. Если же мнѣ, сыну своему, не скажешь, то примешь отъ царя смерть, и меня, неповиннаго, погубишь. И, услышавъ отъ сына своего такіа рѣчи, Дмитрій сказалъ: вотъ изъ-за чего я печалюсь и плачу: — велѣлъ мнѣ царь три загадки отгадать, и никто ихъ не отгадалъ, и 330 купцовъ сидятъ за тѣ загадки въ темницѣ... И попросилъ я у царя сроку

на пять дней и въ шестой день велѣлъ мнѣ царь передъ собою стать и загадки отгадать; а я человѣкъ несмысленный, царевыхъ загадокъ отгадать не смыслю. И сказалъ ему сынъ его: скажи мнѣ, отецъ, царевы загадки. И сказалъ ему отецъ загадки, и дитя посмѣялося царевымъ загадкамъ и отцову рыданію, и сказало отцу своему: прости меня, отецъ, посмѣялся я глупости этого поганого царя и твоему простому рыданію; отнынѣ, отецъ, перестань печалиться и рыдать, и коли не можешь утолить печали, я тебѣ, отецъ, помогу: предоставь волѣ Божьей печаль свою и помолись съ вѣрою, чтобы Богъ насъ избавилъ отъ этой печали и царевой страсти, и не удастся поганымъ посмѣяться надъ христіанами, и я его царевы загадки отгадаю. И взялося дитя за игрушки свои, и начало играть и веселиться пуще прежняго. Купецъ же Дмитрій не повѣрилъ сыну, такъ какъ разумъ у него былъ еще дѣтскій; всѣ пять дней плакалъ онъ горько и недоумѣвалъ, какъ отвѣчать. Когда же разсвѣло на шестой день, призвалъ отецъ сына и сказалъ ему: дитя мое милое, Мудросмыслъ, уже къ головѣ моей приближается царевъ мечъ и я внутренно предчувствую разлуку съ тобою, такъ какъ уже насталъ день, до котораго я у царя выпросился! Отрокъ же засмѣялся и сказалъ: прости меня, государь, виноватъ. И повелѣлъ отрокъ отцу своему идти передъ царя смѣло, повелѣлъ и себя взять съ собою, и еще одного раба: пусть будетъ воля Господня (сказалъ онъ). И пошелъ съ отцомъ своимъ къ царю, и сталъ предъ царя; и сказалъ царь: купецъ! насталъ день, о которомъ ты просилъ меня; теперь отгадай мои загадки! И сказалъ купцовъ сынъ, Мудросмыслъ: царь Несміянь! не подобаетъ тебѣ мудрствовать загадками, какъ дѣти въ играхъ или женщины на вечеринкахъ, да еще состарѣвшихся заставлятъ отгадывать: это женская и дѣтская потѣха, и я тебѣ загадки отгадаю; дай мнѣ, царь, напиться! И сказалъ царь дитяти: отойди прочь, глупецъ, пока я тебя не закололъ мечемъ; не тебѣ повелѣваю отгадывать, но этому купцу. И сказало дитя царю:

я любимый сынъ этого купца; я тебѣ за отца загадки отгадаю, потому онъ старъ, а сѣдины уважать слѣдуетъ; гдѣ ему отгадать, что дѣти въ играхъ и женщины на вечеринкахъ загадываютъ! А коли я не отгадаю, то пускай же будетъ твой мечъ на виноватаго. Царь повелѣлъ налить золотую чашу меду и далъ купцу Дмитрію. Дмитрій же, испивъ чашу, хотѣлъ было отдать ее царю, и сказалъ Мудросмысль отцу своему: отецъ, не отдавай царева даянія; царево даяніе не должно отъ рукъ отходить. Отецъ же, послушавъ своего сына, спряталъ чашу за пазуху; царь же, наливъ вторую чашу, далъ дитяти; дитя же, выпивъ чашу (также спрятало ее за пазуху); и сказалъ царь дитяти: скажу тебѣ женскую и дѣтскую потѣху, отвѣчай мнѣ:—много-ли, мало-ли всего отъ востока и до запада? И сказало дитя: ни много, ни мало—день да ночь; ибо солнце, вставъ на сѣверѣ, обходитъ кругъ небесный отъ востока до запада, и въ одинъ день и одну ночь приходитъ отъ сѣвера къ югу. Вотъ тебѣ, царь, отгадка моя. Царь же дивился умному его отвѣту и, наливъ чашу, далъ купцу и сыну, и рабу ихъ, и (потомъ) сказалъ дитяти: Мудросмысль! вторую загадку отгадаешь мнѣ завтра, а нынче повеселимся — и почтилъ царь купца, и сына его, и раба ихъ, и отпустилъ ихъ на корабль съ миромъ.

Полутору же царь повелѣлъ собраться на его царскій дворъ всѣмъ князьямъ и боярамъ, посмотреть на предивное чудо, какъ осьмилѣтній ребенокъ царицы загадки отгадываетъ. И возсѣлъ царь на престолъ своемъ, и пришелъ купецъ Дмитрій съ сыномъ своимъ и съ рабомъ, и сталъ передъ царемъ, и поклонились они всѣ трое равно, до земли, и сказалъ царь Мудросмыслу: отрокъ разумный! отгадывай мнѣ вторую загадку: — чего десятая часть днемъ во всемъ мірѣ убываетъ, а ночью прибываетъ? И сказалъ дитя: днемъ отъ солнца во всемъ мірѣ убываетъ десятая часть изъ моря, и изъ рѣкъ, и изъ озеръ; а ночью десятая часть въ нихъ же прибываетъ изъ глубины моря-окіана. Царь разъярился на

умный отвѣтъ его и, немного помолчавъ, сказалъ купцу, сыну его и рабу ихъ: третью загадку ты мнѣ завтра отгадаешь, а теперь—ступайте! И пошли на корабль съ миромъ, и созвалъ поутру царь князей и бояръ, и сказалъ: Какъ бы мнѣ не посрамиться передъ отрокомъ,—вѣдь вотъ какой ребенокъ, а загадки мои отгадываетъ! Такъ вотъ, какъ придетъ онъ и отгадаетъ третью загадку, и мы крикнемъ въ одинъ голосъ: умный отрокъ,—тогда хватайте его, и рубите головы купцу и сыну его, и рабу ихъ. И въ ту самую пору пришелъ третій разъ купецъ, и сынъ его, и рабъ ихъ, и сталъ у престола царева, и поклонились они всѣ равно, до земли, и сказалъ царь: мудрый и умный отрокъ! отгадывай третью загадку, чтобы не смѣялся поганый надъ христіанами. И сказалъ ребенокъ: великій царь Несміянь! ты высоко сидишь на престолѣ своемъ, а я отрокъ малый и малоумный, и хотя я твою загадку отгадаю, ты все же меня малоумнаго погубишь своими руками и мечомъ; а ты, царь, сойди съ престола, ради множества народа, чтобы моя отгадка для всѣхъ была ясна, и пусти меня на престолъ, и дай мнѣ новое одѣяніе, и мечъ, и жезлъ—и я твою загадку отгадаю всѣмъ на удивленіе. И слыша тѣ слова мудраго отрока, царь впалъ въ неразуміе, и сошелъ съ престола, и пустилъ дитя на престолъ и далъ ему свой мечъ, жезлъ и одѣяніе. Дитя же, сѣвъ на престолѣ царскомъ, (вдругъ) вскричало громкимъ голосомъ: князья и бояре, и всѣ вы—мужи и жены, вдовицы и отроки, и всякаго возраста люди! Въ какого Бога хотите вѣровать? И возопили всѣ люди единогласно, какъ бы едиными устами: хотимъ вѣровать въ Отца и Сына и св. Духа! Дитя же, взявъ мечъ, отсѣкло голову царю и сказала: вотъ тебѣ и третья отгадка: — не смѣйся, поганый, христіанамъ! И началась великая голка (мятежъ) въ людяхъ и во всемъ томъ городѣ, и сказала дитя народу: велите помолчать,—и замолкли всѣ люди, и сказала дитя мудрое и разумное: князья и бояре, и всѣ люди граждане! кого вы себѣ царемъ своимъ поставите? И всѣ люди единогласно закричали ди-

тяти: ты, государь нашъ, избавилъ насъ отъ этого гонителя и мучителя, ты и будь намъ царемъ! И сказало дитя: коли вздумали надъ всѣмъ царствомъ избрать меня царемъ и государемъ, то сдѣлалось это Божиимъ промысломъ, а не нашимъ изволеніемъ! Кабы не Господь предалъ (мнѣ) этого гонителя и губителя христіанъ, то какъ бы я могъ дерзнуть на столь сильнаго царя? Я бы и взглянуть-то не смѣлъ на такое величество и гордость! Возвеличимъ Господа нашего Іисуса Христа, который даровалъ намъ побѣду на враговъ и избавилъ насъ отъ бѣды, отъ его поганой вѣры и законопреступленія. И повелѣлъ царь корабельщиковъ привести, всѣхъ 330 купцовъ разныхъ царствъ, которые находились въ заточеніи, въ темницѣ. И удивился царь, глядя на нихъ: лица ихъ были, какъ земля, а волосы ихъ отросли до земли и покрывали имъ ноги, и все тѣло ихъ словно комарами было объѣдено, и платье на тѣлѣ ихъ истлѣло отъ ветхости. И прослезился царь при видѣ ихъ, вспомнивъ, какъ и ему, и отцу его грозила смерть отъ царя Несміяна, и возвратилъ имъ ихъ имущество, и отпустилъ каждого изъ нихъ на родину; купцы же пошли на корабли свои, и потомъ каждый изъ нихъ (поплылъ) во свояси, славя Бога. И повелѣлъ царь темничнымъ сторожамъ снять замки и освободить сидѣвшихъ въ темницахъ и одѣлить ихъ щедрою милостынею. И сказалъ царь отцу своему Дмитрію: отецъ мой! насъ Богъ избавилъ отъ напрасной смерти; уйми же, отецъ, слезы умиленія за избавленіе душъ нашихъ и помолися о мирѣ всего міра, чтобы намъ Господь подалъ на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ побѣду и одолѣніе и возвысилъ нашу десницу!— И нарядилъ царь гонцовъ по всѣмъ государствамъ, и далъ имъ грамоты (а въ тѣхъ грамотахъ было написано), чтобы со всѣхъ царствъ ѣхали купцы на корабляхъ со всякими товарами, да и торговали бы ими въ царствѣ (Мудросмысла) безъ всякаго запрета. И отпустилъ царь отца своего, и повелѣлъ привести мать свою и сродичей своихъ немедленно. И отецъ его Дмитрій сѣлъ на корабль свой, поплылъ по морю

и, приплывъ въ свою землю, подъ городъ Кіевъ, разсказалъ женѣ своей и сродичамъ объ избавленіи своемъ отъ смерти и обо всемъ случившемся съ нимъ по порядку, и о томъ, какъ сынъ его, Мудросмыслъ Дмитріевичъ, правилъ царствомъ своимъ; мать же его обрадовалась. И собралъ Дмитрій весь свой родъ, и пришли они въ царство сына своего, славя Бога; и пришелъ (отецъ) въ царство сына своего и сталъ у пристани. И сказали граждане царю, что пришелъ на кораблѣ отецъ его и мать, и устроилъ имъ царь встрѣчу великую и почетную. И начало приходитъ множество купцовъ со многихъ царствъ и изъ многихъ городовъ, со всякими товарами, и разбогатѣло царство всякими узорочьями, золотомъ и серебромъ, и началъ царь Мудросмыслъ царствовать благостью Божьею безъ всякаго мятежа, и было царствованіе его славно и многолѣтно, и передалъ онъ царство дѣтямъ своимъ, и увидѣлъ сыновъ сыновой своихъ. Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

VI. Повѣсть о Горѣ-Злочастьѣ ¹⁾).

Будетъ молодецъ уже въ разумѣ въ безлобіи,
И возлюбили его отецъ и мать;
Учить его начали, наказывать,
На добрыя дѣла наставлятъ.
Милое ты наше чадо!
Послушай ученія родительскаго,
Ты послушай пословицы
Добрыя, и хитрыя, и мудрыя!
Не будетъ тебѣ нужды великія,
Ты не будешь въ бѣдности великой:
Не ходи, чадо, въ пиры и въ братчины ²⁾;
Не садися ты на мѣсто большее;
Не пей, чадо, двухъ чаръ за одну.

¹⁾ См. объяснительная статья въ приложеніи.

²⁾ Семейное и общественное пиршество.

Еще, чадо, не давай очамъ воли;
 Не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ.
 Не бойся, не бойся мудра, бойся глупа,
 Чтобы глупыя на тя не подумали,
 Да не сняли бы съ тебя драгихъ портъ ¹⁾,
 Не доспѣли-бы тебѣ позорства и стыда великаго,
 И племени укору и поносу бездѣльнаго;
 Не ходи, чадо, къ костарямъ и корчемникамъ ²⁾,
 Не знайся, чадо, съ головами кабацкими;
 Не дружися, чадо, съ глупыми, не мудрыми;
 Не думай украсти-ограбिति,
 И обмануть-солгать и неправду учинить;
 Не прельщайся, чадо, на злато и серебро:
 Не собирай богатства неправаго;
 (Не) буди послухъ ³⁾ лжесвидѣтельству.
 А зла не думай на отца, на матеръ
 И на всякаго человѣка,
 Да и тебѣ покрыетъ Богъ отъ всякаго зла.
 Не безчествуй, чадо, богата и убога,
 А имѣй всѣхъ равно по-единому;
 А знайся, чадо, съ мудрыми,
 И (съ) разумными водися,
 И съ друзи надежными дружися,
 Которые бы тебя злу не доставили.
 Молодецъ былъ въ то время-се малъ и глупъ,—
 Не въ полномъ разумѣ и не совершенъ разумомъ:
 Своему отцу стыдно покоритися,
 И матери поклонитися,
 А хотѣлъ жити, какъ ему любо!
 Наживалъ молодецъ пятьдесятъ рублевъ,

¹⁾ Одежда, платье.

²⁾ Костари — игроки въ кости, корчемники — содержатели корчмы, трактира.

³⁾ Свидѣтель, подтвердитель.

Зналъзъ онъ себѣ пятьдесятъ друзей;
 Честь его, яко рѣка, текла;
 Друзовья къ молодцу прибивалися,
 (Въ) родъ-племя причиталися.
 Еще у молодца былъ миль-надеженъ другъ,
 Назвался молодцу названой братъ;
 Прельстилъ его рѣчьми прелестными,
 Зазвалъ его на кабацкій дворъ,
 Завелъ его въ избу кабацкую,
 Поднесъ ему чарку зелена-вина,
 И кружку поднесъ пива пьянаго,
 Самъ говоритъ таково слово:
 Испей ты, братецъ мой названный,
 Въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе.
 Испей чару зелена-вина,
 Запей ты чашею меду сладкова;
 Хоть и упьешься, братецъ, до-пьяна,
 Ино, гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися,
 Надѣйся, надѣйся на меня, брата названова,
 Я сяду стеречь и досматривать:
 Въ головахъ у тебя, мила-друга,
 Я поставлю кружку меду сладкаго,
 Вскрай поставлю зелено-вино,
 Близъ тебя поставлю пиво-пьяное,
 Сберегу я, миль-другъ, тебя накрѣпко,
 Сведу я тебя къ отцу твоему и матери.
 Втъпоры молодець понадѣялся
 На своего брата названнаго;
 Не хотѣлося ему друга послушаться,
 Принимался онъ за питья за пьяныя,
 И испивалъ чару зелена-вина,
 Запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
 И пилъ онъ, молодець, пиво пьяное.
 Упился онъ безъ памяти,
 И, гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:

Понадѣлся онъ на брата названнаго.
Какъ будетъ день до вечера, а солнце на западѣ,
Отъ сна молодецъ пробуждается,
Втѣпоры молодецъ съирается:
А что сняты съ него драгіе порты,
Чары и чучолки—все поснимано,
И вся собина у него ограблена,
А кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову,
Онъ накиннуть гункою ¹⁾ кабацкою,
Въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки,
Въ головахъ мила-друга и близко нѣтъ.
И вставалъ молодецъ на бѣлыя ноги,
Учалъ молодецъ наряжаться:
Обувалъ онъ лапотки (отопочки),
Надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
Умывалъ онъ лицо свое бѣлое;
Стоя, молодецъ закручинился,
Самъ говоритъ таково слово:
Житіе мнѣ Богъ далъ великое:
Ясти-кушати стало нечево!
Какъ не стало деньги, ни полуденьги,
Такъ не стало ни друга, ни подруга;
Родъ и племя отчитаются,
Всѣ дружи прочь отпираются!
Стало срамно молодцу появиться
Къ своему отцу и матери,
И къ своему роду и племени,
И къ своимъ прежнимъ милымъ друзьямъ.
Пошелъ онъ на чужу страну, дальну-незнаему,
Нашелъ дворъ, что градъ стоитъ,
Изба на дворѣ что высокъ теремъ,
А въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:

¹⁾ Ветхая, изодранная одежда, рубище, рвань.

Гости пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
Крестилъ онъ лицо свое бѣлое,
Поклонился чуднымъ образамъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людямъ
На всѣ четыре стороны.
А что видятъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ креститься,
Ведетъ онъ все по писанному ученію,
Емлютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Не въ большее мѣсто, не въ меньшее,—
Садятъ его на мѣсто среднее,
Гдѣ сидятъ дѣти гостинья.
Какъ будетъ пиръ на веселіе,
И всѣ на пиру гости пьяны-веселы,
И сидя всѣ похваляются,—
Молодецъ на пиру не веселъ сидитъ,
Кручиновать, скорбенъ, не радостенъ,
А не пьетъ, ни ѣстъ онъ, ни тѣшится,
И ничѣмъ на пиру не хвалится.
Говорятъ молодцу люди добрые:
Что еси ты, доброй молодецъ,
Зачѣмъ ты на пиру не веселъ сидишь,
Кручиновать, скорбенъ, не радостенъ,
Ни пьешь ты, (ни ѣшь ты,) ни тѣшишься,
Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
Чара-ли зелена-вина до тебя не дохаживала?
Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
Или малыя дѣти тебя изобидѣли?
Или глушые люди не мудрые
Чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?
Говоритъ имъ, сидя, добрый молодецъ:
Государи вы, люди добрые!

Скажу я вамъ про свою нужду великую,
Про свое ослушаніе родительское,
И про питье кабацкое,
Про чашу медвяную,
Про лестное питіе пьяное.
Язъ, какъ принялся за питье за пьяное,—
Ослушался язъ отца своего и матери:
Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалось;
Господь Богъ на меня разгнѣвался;
Укротила скудность мой рѣчистый языкъ;
Изсушила печаль мое лицо и бѣлое тѣло:
Ради того мое сердце не весело,
А бѣлое лицо унынливо,
И ясныя очи замутились....
Отечество мое потерялося,
Храбрость молодецкая отъ меня миновалася!
Государи вы, люди добрые!
Окажите и научите, какъ мнѣ жить
На чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ,
И какъ залѣсти мнѣ милыхъ друговъ?
Говорятъ молодцу люди добрые:
Добро еси ты, и разумный молодецъ!
Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ:
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися ты стару и молоду,
А чужихъ ты дѣлъ не объявлявай,
А что слышишь или видишь—не сказывай!
Не льсти ты межъ други и недруги;
Ни вейся змѣю лукавою;
Смирненіе ко всѣмъ имѣй,
И ты съ кротостію держися истины съ правдою.
То тебѣ будетъ честь и хвала великая;
Первое тебя люди свѣдаютъ
И учнутъ тя чтить и жаловать
За твою правду великую,

За твое смиреніе и за вѣжество;
Будутъ у тебя милые други,
Названные братья надежные.
И оттуда пошелъ молодецъ на чужу сторонку,
И учалъ онъ жити умѣючи;
Отъ великаго разума наживалъ онъ живота больше старова,
Присмотрѣлъ невѣсту себѣ по обычаю.—
Захотѣлося молодцу жениться.
Срядилъ молодецъ честенъ пиръ
Отчествомъ и вѣжествомъ,
Любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхамъ молодцу,
И по Божію попущенію,
А по дѣйству дьяволу,
Предъ любовными своими гостями и други
И названными братья похвалился
(А всегда гнило слово похвальное:
Похвальба живетъ человѣку пагуба):
Наживалъ-де я, молодецъ, живота больше старова!
Подслушало Горе-Злосчастье хвастанье молодецкое,
Само говоритъ такое слово:
Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
Не хвастай своимъ богатствомъ;
Бывали люди у меня, Горя,
И мудрые тебя, и досужае,
И я ихъ, Горе, перемудрило;
Учинися имъ злосчастіе великое:
До смерти со мною боролися;
Во зломъ злосчастіи позорилися;
Не могли у меня, Горя, уѣхати,
Отъ мене на-крѣпко они землею накрылись,
Босоты и наготы они избыли,
И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
А Злосчастіе на ихъ могилѣ осталось!
Еще възграяло я, Горе, къ инымъ привязалось,

А мнѣ, Горю и Злосчастію, не впусти же жить:
Хочу я, Горе, въ людяхъ жить;
И батогомъ меня не выгонишь;
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!
Говорить сѣро-Горе-горинское:
Какъ бы мнѣ молодцу появиться!
Ино зло-то Горе излукавилось,
Во снѣ молодцу привидѣлось:
Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой;
Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ тое жены удулену,
Изъ злата и серебра быть убитому!
Ты пойдѣ, молодецъ, на царевъ кабакъ;
Не жали ты, пропивай свои животы,
А скинь ты платьѣ гостиное,
Надежи ты на себя гунку кабацкую:
Кабакомъ то Горе избудется,
Да то злое Злосчастіе останется,
За нагимъ-то Горе не погонится,
Да никто къ нагому не привяжется,
А нагому-босому шумить разбой.
Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло-то Горе излукавилось:
Горе архангеломъ Гавріиломъ молодцу (явилось)
По прежнему еще, въ ново, Злосчастіе привязалось:
Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
Нагота и босота безмѣрная,
Легота, безпроторица великая,
На себя что купить, то проторится.
А ты, удалъ-моловецъ, и такъ живешь!
Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ-босыхъ,
И изъ раю нагихъ-босыхъ не выгоняютъ,
А съ того свѣта сюды не вытянутъ,
Да никто къ нему не привяжется,
А нагому-босому шумить разбой!

Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ;
Сошелъ онъ пропивать свои животы
И скинулъ онъ платье гостиное,—
Надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
Накрывалъ онъ свое тѣло бѣлое;
Стало молодцу срамно появиться своимъ милымъ друзьямъ.
Пошелъ молодецъ на чужу страну дальну, незнаему;
На дорогѣ пришла ему быстра рѣка;
За рѣкою перевозчики,
А просятъ у него перевознаго,
Ино дать молодцу нечего;
Не везутъ молодца безденежно.
Сидитъ молодецъ день до вечера,
Миновался день до вечера,
Не ѣдалъ молодецъ ни полукуса хлѣба;
Вставалъ молодецъ на скоры ноги,
Стоя молодецъ закручинился,
А самъ говоритъ таково слово:
Ахти мнѣ, Злосчастіе-Горинское!
До бѣды меня, молодца, домывало,
Уморило меня, молодца, смертью голодною;
Уже три дня мнѣ были не радостны,—
Не ѣдалъ я, молодецъ, ни полукуска хлѣба!
Ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:
Полощи мое тѣло, быстра рѣка!
Ино ѣшьте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
Ино лучше мнѣ житья сего позорнаго?
Уйду-ли я у Горя-Злосчастнаго!
И въ тотъ часъ у быстры рѣки
Скочи Горе изъ-за камня,
Босо-наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано,
Богатырскимъ голосомъ воскликало:
Стой ты, молодецъ: меня, Горя, не уйдешь никуда!
Не мечися въ быстру рѣку,

Да не буди въ горѣ кручиновать;
А въ горѣ жить—некручинну быть!
А кручинну въ горѣ погинути!
Спамянуй, молодецъ, житіе свое первое;
И самъ тебѣ отецъ говариваль,—
И какъ тебѣ мати наказывала.
Для чего тогда ты ихъ не послушалъ,
Не захотѣлъ ты имъ покориться,
Постыдился имъ поклониться,
А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе-Злосчастное!
Говорить Злосчастіе таково слово:
Покорися мнѣ, Горю, нечистому,
Поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
А нѣтъ меня, Гора, мудрая на семь свѣтѣ;
И ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
Напоятъ ты, накормятъ люди добрые.
А что видитъ молодецъ (бѣду) неминучую—
Покорился Горю нечистому,
Поклонился Горю до сыры земли!
Пошелъ, поскочилъ добрый молодецъ,
По круту, по красну по бережку,
По желтому песочку;
Идетъ весело, некручиновать,
Утѣшилъ онъ Горе-Злосчастіе,
А самъ, идучи, думу думаетъ:
Когда у мене нѣтъ ничего,
И тужить мнѣ не о чемъ!
Да еще молодецъ не кручиновать,
Запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
Отъ великаго крупнаго разума:
Безпечальна матъ меня породила,
Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
Драгими порты меня одѣяла,

И, отшедъ, подъ ручку посмотрѣла:
Хорошо-ли мое чадо въ драгихъ портахъ.
А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
Ино я самъ знаю и вѣдаю,
Что не класти скарлату безъ мастера,
Не утѣшити дитяти безъ матери,
Не бывать бражнику богату,
Не бывать костарю въ славѣ доброй.
Завѣченъ я у своихъ родителей,
Что мнѣ быть бѣднешеньку...

.
Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку,—
Перевезли молодца за быстру рѣку,
А не взяли у него перевознаго.
Накоили, накормили люди добрые;
Сняли съ него гунку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе.
Говорятъ молодцу люди добрые:
А что еси ты, добрый молодецъ.
Ты поди на свою сторону,
Къ любимымъ честнымъ своимъ родителямъ,
Ко отцу своему и къ матери любимой,
Простися ты съ своими родители,
Со отцомъ и матерію,
Возьми отъ нихъ благословеніе родительское!
И откуда пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
А что злое Горе напередъ зашло,
На чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
Учало надъ молодцомъ грятти,
Что злая ворона надъ соколомъ;
Говорить Горе таково слово:
Ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!
Не на часъ я къ тебѣ, Горе-Злосчастное, привязалось,

Хоть до смерти съ тобой помучуся!
Не одно я, Горе,—еще сродники,
А вся родня наша добрая;
Всѣ мы гладки, умильные;
А кто въ семью къ намъ примѣшается,—
Ино тотъ между нами замучится!
Такова у васъ участь и лучшая;
Хотя кинься въ птицы воздушныя,
Хотя въ сине море ты пойдешь рыбою—
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.
Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ.
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы.
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А Горе пришелъ съ косою вострою,
Да еще Злосчастье надъ молодцомъ посмѣялося:
Быть тебѣ, травонька, посѣченной,
Лежать тебѣ, травонька, посѣченной,
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣянной.
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами;
Еще Горе-Злосчастье насмѣялося:
Быть тебѣ, рыбонька, у бережка уловленной,
Быть тебѣ да и съѣденной,
Умереть будетъ напрасною смертію!
Молодецъ пошелъ путь-дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую;
Научаетъ молодца богато жить,
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ камнемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,

И оттоль молодець въ монастырь пошелъ постригаться;
А Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредь не привяжется.
А сему житю конецъ мы вѣдаемъ:
Избавь, Господи, вѣчныя муки,
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ, аминь!

VIІ. Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ.

„Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярской Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, намъ на злаго человѣка на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ, злой человѣкъ, Щетинникъ(овъ) наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ; расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рох(г)атины, и онъ свидится съ нами на стану— и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански! лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями.“

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь-ли?“ Отвѣтчикъ Ершъ рече: „отвѣчаю, господа, за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а(и) нынѣ наше, и онъ Лещъ жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа! Ершъ Божіею милостію, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами не смутщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровскаго у меня ничего не вынимывали; чело-

вѣкъ я добрый, живу я своею силою, а не чужою; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городехъ князи и бояре; стольники и дворяна, жильцы московскіе, дѣяки и подъячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцомъ и съ шав(ф)раномъ и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмѣлья и кушавши поздравляютъ.

Судьи спрашивали истца Леща: „ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?“ Истецъ Лещъ рече: „уличаю его Божіею правдою да вами праведными судьями.“ Судьи спрашивали истца Леща: „кому у тебя вѣдомо про Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ, и на кого плешься?“ Истецъ Лещъ рече: „плюсь я, господа, изъ виноватыхъ на добрыхъ людей разныхъ городовъ и области(ей); есть, господа, человѣкъ добрый, живетъ въ нѣмецкой области подъ Ивановымъ городомъ въ рѣкѣ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ, а другой, господа, человѣкъ добрый, живетъ въ Новгородской области въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга.“ Спрашивали отвѣтника Ерша: „ты, Ершъ, плешься-ли на лещеву правду, на такихъ людей?“ И отвѣтникъ Ершъ рече: „слатися, господа, намъ на такихъ людей не умѣть; Сигъ и Лодуга—люди богатые, животами прожиточны, а Лещъ такой-же человѣкъ заводной, шлем(т)ся въ послушеству(о).“ И судьи спрашивали отвѣтника Ерша: „почему у тебя такіе люди недрузья и какая у тебя съ ними недружба?“ Отвѣтникъ Ершъ рече: „господа мои судьи! недружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ—для того, что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человѣкъ заводной; они хотятъ насъ, маломочныхъ людей, испродать напрасно.“

Судьи спрашивали истца Леща: „еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ и на кого плешься?“ Истецъ Лещъ рече: „плюсь я, господа, изъ виноватыхъ есть человѣкъ доброй, живетъ въ Переславскомъ озерѣ, рыба Сельдь.“

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, плещься ли на лещевую правду?“ Отвѣтчикъ же Ершъ рече: Сигъ и Лодуга и Сельдъ съ племяни, а Лещъ такой-же человѣкъ заводной: въ сусѣдствѣ имаются, гдѣ судятся — ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ не молвятъ.“

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня ¹⁾, приказали взять въ правдѣ переславскую Сельдъ. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Мня, и Менъ Окуню—приставу сулитъ посулы великіе, и рече: „господине Окуне! азъ не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико—ходить не могу, а се глаза малы—далеко не вижу, а се губы толсты — передъ добрыми людьми говорить не умѣю.“ Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Е(я)зя. И Окунь поставленъ(вилъ) въ правдѣ переславскую Сельдъ. И судьи спрашивали въ правдѣ у переславской Сельди: „Сельдъ, скажи ты намъ про Леща и про Ерша и промежъ ими про Ростовское озеро.“ Сельдъ же рече въ правдѣ: „Леща съ товарищи знаютъ; Лещъ человѣкъ доброй, христіянинъ Божій, живетъ своею, а не чужею (силою), а Ершъ, господа, злой человѣкъ Щетинникъ.“

.... знаешь-ли его? Осетръ же рече: „азъ, господа, не въ правдѣ и не въ послушествѣ, а впрямь (скажу): слышалъ про того Ерша, что варятъ его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу божіею правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги-рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ, а я лукавства его не ви(ѣ)далъ, а спрошать про него злого человѣка никого нелучилось, и онъ меня спроси: братецъ Осетръ, гдѣ идеши? И азъ ему повѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою-рѣкою, тогда азъ былъ

¹⁾ Рыба налимъ.

толще тебя и долѣ (долѣе, т. е. длиннѣе), бока мои терли у Волги-рѣки береги(а), очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера. Азъ-же, господа, слышавъ такое его прелес(т)ное слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ морилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще вамъ, господа, скажу: тотъ-же Ершъ обманулъ меня, Осетра, стараго мужика, и проведе меня къ неводу и рече ми: братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много. И я его нача посылати напредъ. И онъ, Ершъ, мнѣ рече: братецъ Осетръ, коли меньшей братъ ходитъ напредъ большаго? И я на его, господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что боярской дворъ—идти (войти) ворота широки, а вытти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ е(я) чею, а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ Осетръ! прости, не поминай лихомъ. А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!“

Конецъ суднаго дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казнію—бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые; дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своей заднею клещею, а у печати сидѣлъ Вандышъ переславской. Да на того-же Ерша выдали правую грамоту: гдѣ его застанутъ въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речеть Ершъ судьямъ; „господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили.“ Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли!

Объяснительныя статьи.

Древне-русскія повѣсти.

(А. Н. Веселовскаго).

Вмѣстѣ съ памятниками духовной, учительной и исторической письменности, приходили въ Русь и памятники литературы повѣствовательной. Они отвѣчали тому требованію ума, которое въ непосредственномъ быту удовлетворяется пѣснью, преданьемъ, загадкой, произведеніями народной фантазіи, выражающей въ нихъ свое міросозерцаніе и свои вѣрованія. Противъ того и другого церковь вездѣ возставала: народная поэзія во всѣхъ ея проявленіяхъ осуждалась ею, какъ языческая, воспитанная народной жизнью, въ которой языческія начала были преобладающими. Такъ было на западѣ, такъ и у насъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, иноземная, привнесенная повѣсть, не обусловленная содержаніемъ народной жизни, являлась подспорьемъ для читателей, которымъ возбранялся доступъ къ живымъ источникамъ народной поэзіи: она давала пищу фантазіи, не возбуждая подозрѣній въ язычествѣ. Этимъ объясняется ея популярность и вмѣстѣ ея идеальное значеніе въ позднѣйшихъ судьбахъ народной поэзіи вообще. Такого значенія она достигла у насъ лишь въ неполной мѣрѣ; въ этомъ отношеніи сравненіе съ развитіемъ нѣмецкой литературы можетъ быть поучительно. Здѣсь, при общемъ церковномъ запретѣ, падавшемъ на все народно-языческое, иноземная повѣсть, за немногими исключеніями, явилась первой литературной формой, удовлетворявшей требованіямъ мірскаго, незапретнаго развлечения. Въ рукахъ полународныхъ пѣвцовъ она скоро приняла національный

колоритъ, открылась вліянію мѣстныхъ бытовыхъ условій и такимъ образомъ приготовила появленіе въ литературѣ уже чисто народныхъ сюжетовъ въ сознательныхъ поэтическихъ обработкахъ. Иначе и скромнѣе сложилась роль иноземной повѣсти въ древне-русской литературѣ: къ самостоятельной разработкѣ собственно народно-поэтического содержанія она почти не привела; обращаясь въ обширномъ кругѣ читателей, она указываетъ въ своихъ различныхъ редакціяхъ и пересказахъ попытки—внѣшнимъ образомъ приурочить къ народному пониманію матеріалъ чуждаго разсказа, который, такимъ образомъ, могъ удобнѣе вліять и дѣйствительно вліялъ на содержаніе народной пѣсенной и сказочной поэзіи. Этимъ исчерпывается ея значеніе; но и въ этихъ границахъ изученіе переводныхъ повѣстей въ древне-русской литературѣ не лишено живаго интереса.

Когда стали приходиться къ намъ иноземныя повѣсти, сохранившіяся большею частью лишь въ позднихъ рукописяхъ, съ точностью опредѣлить невозможно. Несомнѣнно, что онѣ явились къ намъ впервые изъ Византіи, главнымъ образомъ въ южно-славянскихъ переводахъ, которые у насъ читались и распространялись въ новыхъ спискахъ. Эти первыя повѣсти, съ которыми познакомился древній русскій читатель, можно назвать, по ихъ конечному источнику, *византійскими*. Позднѣе, когда византійское вліяніе на нашу письменность уступило мѣсто вліянію западному, открылся въ русскую литературу доступъ и *западнымъ* переводнымъ сказаніямъ. Границей этихъ смѣнившихся другъ друга вліяній можно признать XVI вѣкъ, хотя отдѣльные повѣствовательные памятники могли переходить къ намъ съ запада и ранѣе. Въ этомъ второмъ переходѣ Польша играла такую же, хотя и болѣе ограниченную роль литературной посредницы, какую въ прежнее время южно-славянскія страны. Между той и другой группой пришлыхъ къ намъ повѣстей слѣдуетъ помѣстить нѣсколько разсказовъ непосредственно *восточнаго* происхожденія.

Слѣдующій обзоръ иноземныхъ повѣстей, извѣстныхъ въ старинной русской литературѣ, ограничивается, главнымъ образомъ, тѣми изъ нихъ, которыя, служа непосредственно цѣлямъ развлеченія, отвѣчаютъ современному опредѣленію беллетристики. Переводныя повѣсти историческаго содержания (напр. о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, объ Иверской царицѣ Динарѣ и др.) выдѣляются, въ силу своей опредѣленной цѣли, въ особый отдѣлъ—историческихъ повѣстей, въ которомъ пришлому повѣствовательному матеріалу отвѣчаютъ и произведенія собственно русскаго пера. Что до повѣствованій христіанско-наставительнаго и вмѣстѣ легендарнаго содержанія, выходящихъ за опредѣленное понятіе „Житія“, то они будутъ приняты во вниманіе лишь на столько, на сколько ихъ вліяніемъ опредѣлилось развитіе такихъ сказаній, стоящихъ на межѣ между разсказомъ о чудесахъ и собственно свѣтскою повѣстью, какъ напр. сказаніе о Саввѣ Грудцынѣ. Пришлая беллетристика, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не вызвала подобныхъ народныхъ воспроизведеній.

Источникомъ разсказовъ о *Троянскихъ дѣяніяхъ* было для среднихъ вѣковъ короткое изложеніе ихъ у такъ называемыхъ Дарета и Диктиса. Писатели, скрывшіеся подъ тѣмъ и другимъ именемъ и заслонившіе для средневѣковаго человѣка авторитетъ Гомера, предлагали сжатый, схематическій перечень событій, которыхъ они будто бы были очевидцами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они были поздними и неумѣлыми компиляторами. Текстъ Диктиса сохранился лишь въ латинскомъ пересказѣ; существованіе греческаго оригинала предпологалось на основаніи частыхъ упоминаній у византійскихъ писателей. Малала не разъ ссылается на Диктиса, какъ на свой источникъ. Въ Византіи онъ долженъ былъ быть особенно популярнымъ: онъ называетъ себя грекомъ съ острова Крита, сопровождавшимъ подъ стѣны Трои Идоменея; онъ возвеличиваетъ греческихъ героев передъ варварами троянцами, которые ругаются надъ трупами враговъ, тогда какъ напр. греки обходятся почтительно съ женами побѣжденныхъ.

Другое дѣло—Даретъ: онъ троянецъ родомъ, сражавшійся противъ грековъ и оставшійся въ Троѣ послѣ взятія города, вмѣстѣ съ партіей Антенора. Освѣщеніе эпического разсказа выходитъ у него противоположное Диктису: онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, пѣснотворецъ троянъ. Оттуда его популярность на западѣ, гдѣ она поддерживалась литературной басней о троянскомъ происхожденіи ново-европейскихъ народностей, любившихъ возводить свое начало къ культурнымъ преданіямъ Рима, и далѣе—къ Энею и Троѣ. Большинство европейскихъ разсказовъ и поэмъ о троянскихъ дѣяніяхъ почерпало свое содержаніе главнымъ образомъ изъ Дарета: такъ Benoit de Sainte More въ своемъ *Roman de Troyes*, послужившемъ, въ свою очередь, источникомъ прозанческой *Historia destructionis Trojae* Гвидона de Columna. Послѣдняя извѣстна въ русскихъ переводахъ XVII и XVIII вѣковъ.

Древніе русскіе читатели познакомились съ содержаніемъ троянскихъ дѣяній изъ переводныхъ хроникъ Малалы и Манассіи. Въ славянскій переводъ послѣдней вставлена, послѣ разсказа о Троянской войнѣ, принадлежащаго самому Манассіи, особая редакція троянской повѣсти, перешедшая, въ сокращеніи, вмѣстѣ съ хроникой, и въ позднѣйшіе хронографы. Въ Ватиканскомъ спискѣ Манассіи, писанномъ около 1350 года, эта повѣсть, отличающаяся признаками народно-болгарскаго нарѣчія, озаглавлена: „Повѣсти о извѣствованныхъ вещехъ еже о кралехъ притча и о рожденихъ и прѣбыванихъ“. Существуютъ и хорватско-глаголическіе тексты той же повѣсти, восходящіе, какъ и народно-болгарскій, къ болѣе древнему оригиналу, которому слѣдуетъ вмѣнить нѣкоторыя особенности языка, отличающія извѣстные намъ редакціи. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ замѣтить слова романско-латинскаго облика: габилота (*javelot, gavelot, gabilotte*), кастель (*castellum, castello*), тента (*tentorium*), преобладаніе латинскихъ наименованій для греческихъ героев и боговъ: Оурикшешъ—*Ulixes*, Ипитерь—*Юпитеръ*, Дисвошькордиа—*Discordia*, Веноуша—*Venus* и т. п. Все это на столько же

можетъ служить къ опредѣленію оригинала, съ котораго работалъ первый славянскій переводчикъ „повѣсти“, на сколько къ опредѣленію той славянской мѣстности, гдѣ возможны были подобныя литературныя вліянія.

Разсказъ начинается описаніемъ Троянской мѣстности, родословіемъ троянскихъ царей до Пріама и зловѣщимъ сномъ Гекубы: что сынъ, имѣющій родиться отъ нея, будетъ причиною гибели Трои. Вслѣдствіе этого, мальчикъ Парисъ (Парижъ) заброшенъ, воспитывается у пастуха; явившись на свадьбу Пелея, рѣшаетъ извѣстный споръ трехъ богинь въ пользу Венеры, которая обѣщаетъ ему обладаніе Еленой. Не смотря на пророческія вѣщанія Кассандры, Парисъ отправляется на службу къ царю Менелаю, съ женой котораго объясняется въ любви, начертывая на бѣломъ убрусѣ червленымъ виномъ слова: „Елена царица, люби меня, и я тебя люблю“. — Когда она предупреждаетъ его объ опасностяхъ, которыя грозятъ ему со стороны ея мужа, онъ отвѣчаетъ: о госпожа моя, Елена, знай, что за службу мою я не ожидаю другой награды, кромѣ тебя; я скорѣе готовъ принять муки, чѣмъ долго томиться по твоей красотѣ. И отвѣчала ему царица Елена: о Александръ, я не ставлю этого въ вину тебѣ: такъ прилично говорить такому витязю, какъ ты, который видитъ такую красоту и любитъ. Парисъ увозитъ ее, и затѣмъ разсказъ о троянскихъ дѣяніяхъ идетъ довольно компедіозно, мало останавливаясь на изображеніи военныхъ доблестей и битвъ и развивая на ихъ счетъ другіе эпизоды, интересные для характеристики источника, которымъ пользовался составитель повѣсти. Въ славянскихъ спискахъ она кончается размышленіемъ о смиреніи: „И тако скончася тройское кралевство... и тако Богъ смѣряетъ възносящихся и сѣмя нечѣстивыхъ потрѣбитъ, якоже пророкъ провозвѣсти, глагола: видѣхъ нечѣстиваго прѣвъзносяща и высяща ся, и мимо идохъ, и не обрѣтеса мѣсто къ тому, яко Богъ праведенъ и правду възлюби, а пути нечѣстивыхъ потрѣби... Аминь“. Такое заключеніе разсказа обличаетъ желаніе ввести

его въ кругъ христіанскаго міровоззрѣнія. Древнія повѣсти, ходившія въ средѣ русскихъ читателей, почти всѣ отличаются христіанскимъ приуроченіемъ. Такъ въ Александріи, другой повѣсти, трагическая судьба героя является въ свѣтѣ христіанскихъ идей; гибель Трои естественно вела къ тому-же освѣщенію. Но оно вовсе не видно въ ходѣ разсказа, тогда какъ въ Александріи христіанская идея тѣсно связана съ его развитіемъ, не отмѣняющимъ, а скорѣе видоизмѣняющимъ классическую постановку типа. Въ Троянской повѣсти, наоборотъ, ничто не приготовляетъ къ ея правоучительному заключенію: что Троя наказана за свою гордыню. Оно не выведено изъ содержанія повѣсти, а приставлено извнѣ въ связи съ преданіемъ, которому вставка въ русскомъ Луцидаріи даетъ суевѣрный оттѣнокъ: „Таможъ было превеликое Троянское царство; зломерзкаго-жъ ради волхвованія раззорися попущеніемъ Божія чудодѣйства и въ конечную гибель осуждено, яко отнюдь тамо пожирають“. Авторъ, очевидно, не переработалъ внутреннее содержаніе своего разсказа; народныхъ приуроченій немного и они колеблются: рядомъ съ классическими именами боговъ и героевъ являются Цвѣтана — Ифигенія и Юнаа—Юнона; Тебоуль—Ѳебъ называется богомъ, Ипитерь (Юпитерь)—пророкомъ, какъ „вилами пророчицами“ названы богини, являющіяся на судъ Париса.

Пренія въ мудрости, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, при чемъ первые обыкновенно являются съ чертами загадки, принадлежатъ къ любимымъ формамъ средневѣковой дидактической литературы. Тамъ, гдѣ повѣствовательный сюжетъ давалъ поводъ къ такому развитію, мотивъ пренія вторгался самъ собою, какъ готовая литературная схема. Такимъ образомъ, распространился въ талмудической легендѣ разсказъ о Соломонѣ: но судъ надъ двумя женщинами и ребенкомъ послужилъ точкой отправленія для цѣлаго ряда разсказовъ о его мудрыхъ рѣшеніяхъ; его бесѣда съ царицей Савскою обратилась въ преніе загадками, въ обоюдномъ предложеніи трудныхъ задачъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально обмѣнъ

загадокъ и мудрыхъ вопросовъ имѣлъ серьезный смыслъ ученія, взаимнаго испытанія въ знаніи. Съ такимъ характеромъ являются англосаксонскіе діалоги Соломона и Сатурна и славянская статья о Соломонѣ и Китоврасѣ, которымъ Соломонъ овладѣлъ хитростью, который поражаетъ его своими загадочными изреченіями и указываетъ средство, какъ, не употребляя орудій, построить Святая Святыхъ. Если статья эта, встрѣчающаяся въ рукописяхъ Палеи XV вѣка, подразумевается въ параграфѣ болгарскаго номоканона XIV вѣка, запрещающемъ „О Соломони цари и о Китовраси басни и кощунъ“, то извѣстность ея въ южно-славянскомъ мірѣ слѣдуетъ отнести къ еще болѣе раннему времени. Разсказъ кончается тѣмъ, что плѣнный демонъ, освободившись отъ узъ и овладѣвъ перстнемъ Соломона, „простеръ крыло свое, оудари Соломона и заверже ѿ на конецъ земля обѣтованныя“. Есть еще другой разсказъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, вѣроятно, примыкавшій къ содержанію перваго, но съ иной развязкой. Здѣсь Китоврасъ является царемъ: днемъ онъ царствуетъ надъ людьми, ночью надъ звѣрями, при чемъ самъ обращается въ звѣря Китовраса, т. е. въ Кентавра. Онъ похищаетъ жену Соломона, который является переодѣтый въ Китоврасово царство, открыть и обреченъ на казнь, но успѣваетъ спасти себя, предавъ смерти Китовраса и его пособницу, свою невѣрную жену.

Тому и другому разсказу о Соломонѣ и Китоврасѣ отвѣчаютъ въ старо-нѣмецкой литературѣ поэмы о Соломонѣ и Морольфѣ или Морольтѣ. Въ одной изъ нихъ Морольфъ является такимъ же совопросникомъ мудраго царя, какъ Китоврасъ, но постановка типа другая: онъ шутъ и пересмѣшникъ, носитель практической житейской мудрости, которую побѣдоносно противопоставляетъ болѣе серьезнымъ афоризмамъ Соломона. Въ другой повѣсти о Соломонѣ и Морольтѣ послѣдній не подвергся такой комической перелицовкѣ: онъ смѣтливъ, находчивый совѣтникъ царя, которому помогаетъ разыскать жену, увезенную языческимъ ца-

ремъ. Разсказъ объ увозѣ соотвѣтствуетъ нашей второй повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ, съ тою разницею, что если Морольтъ первой нѣмецкой поэмы отвѣчалъ Китоврасу Палеи, то во второй этого тождества не видно: по русскому сказанію похитителемъ жены является Китоврасъ, въ нѣмецкомъ король Phago, т. е. Поръ, тогда какъ Морольтъ, наоборотъ, является пособникомъ Соломона. Можно предположить, въ объясненіе этого разногласія, что болѣе древнее преданіе, по которому самъ Морольтъ увозилъ Соломонову жену, было забыто подъ вліяніемъ иныхъ разсказовъ, опредѣлявшихъ и шутовское освѣщеніе Морольфа въ его разговорахъ съ Соломономъ. Укажемъ въ параллель на легендарную біографію Эзона: въ первой ея части, заимствовавшей свое содержаніе, главнымъ образомъ, изъ греческихъ преданій, Эзопъ является умнымъ, находчивымъ шутникомъ; во второй, опредѣленной вліяніями Псевдо-Каллисѣена, его роль, понятно, серьезнѣе, и какъ Морольфъ помогаетъ Соломону отыскать похищенную жену, такъ Эзопъ Ксанфу. Ближайшій источникъ славянскихъ сказаній о Соломонѣ и Китоврасѣ, какъ видно отличавшійся отъ оригинала нѣмецкихъ поэмъ, былъ, во всякомъ случаѣ, греческій, на что указываетъ и имя Китовраса, т. е. греческаго кентавра.

Повѣсти о Соломонѣ перешли изъ рукописей въ народъ, какъ на славянскомъ югѣ, такъ и у насъ, гдѣ онѣ дали содержаніе былинамъ о Василии Окульевичѣ и сказкамъ. Въ послѣднія перешелъ небольшой циклъ повѣстей о дѣтствѣ Соломона, который представленъ чудеснымъ мальчикомъ, уже въ дѣтствѣ проявляющимъ свой умъ мудрыми судами, отвѣтами и разрѣшеніемъ загадокъ. Типъ мудраго мальчика одинъ изъ любимыхъ въ средневѣковой литературѣ; у насъ онъ является въ сказаніяхъ о дѣтствѣ Соломона и въ повѣсти о купцѣ Басаргѣ и его сынѣ Борзосмыслѣ.

Помимо рассмотрѣнныхъ выше памятниковъ, древняя русская литература получила изъ тѣхъ-же византійскихъ источниковъ и, вѣроятно, главнымъ образомъ при томъ же южно-

славянскомъ посредствѣ, цѣлый рядъ небольшихъ статей, обогатившихъ ея повѣствовательное содержаніе. Большая часть отличается тѣмъ назидательно-благочестивымъ колоритомъ, который сближаетъ ихъ съ западными *contes devots*, *contes morali* и т. п. Иногда этотъ колоритъ могъ быть не наслѣдіемъ древнихъ редакцій, а результатомъ продолжительнаго обращенія разсказа въ средѣ, въ которой преобладали соответствующіе тому интересы. Такъ въ повѣсти о Басаргѣ и его сынѣ Борзосмыслѣ, Мудросмыслѣ или Добросмыслѣ, сказочная мудрость ребенка, разрѣшающаго загадки царя язычника, обращена въ побѣду христіанства. Кіевскій купецъ Димитрій Басарга отплываетъ на корабляхъ „отъ славнаго Царяграда“; буря прибываетъ его къ городу, гдѣ жители были христіане, но властвовалъ, по ихъ согрѣшеніямъ, царь законопреступникъ, эллинскія вѣры, Несмѣянъ Гордѣвичъ. Купцы, приходившіе въ его царство, обязаны были либо отгадать три предложенныя имъ загадки, либо принять его вѣру; иначе имъ грозило заключеніе и смерть. Отъ этой опасности спасаетъ Басаргу мудрость его семилѣтняго сына. Явившись къ царю, мальчикъ объявляетъ, что будетъ отгадывать загадки, вмѣсто отца, и проситъ напиться. Несмѣянъ велитъ поднести ему золотую чашу меду; мальчикъ подноситъ ее отцу и говоритъ, чтобъ онъ ее не отдавалъ, а спряталъ за пазуху, „зане цареву даяніе не отходитъ вспять“. Вторую чашу онъ прячетъ самъ, третью велитъ скрыть рабу. Первая загадка царя: много-ли или мало отъ востока до запада? Вторая, предложенная имъ на другой день, такая: что днемъ десятая часть въ мірѣ убываетъ, а ночью десятая часть въ мірѣ пребываетъ? Готовясь отгадать и третью загадку, Борзосмыслъ проситъ у царя срока, а тѣмъ временемъ велитъ ему кликнуть кличъ по городу, чтобы все люди, граждане, мужи и жены шли на царевъ дворъ. По его просьбѣ, царь уступаетъ ему свое мѣсто на престолѣ, облекъ его въ свое одѣяніе, возложилъ на него вѣнецъ, далъ ему въ руки жезлъ и мечъ, а самъ говоритъ: азъ его тѣшу — а что

ему свѣсти, малому отрочати? Отрокъ-же обратился къ предстоявшему народу съ вопросомъ: хотять-ли они вѣровать въ христіанскаго Бога?—Всѣ люди возопили единымъ гласомъ: хотимъ вѣровать въ Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа. Помози намъ!—Дѣтище же извлекъ мечъ свой и отсѣкъ голову царю и говоритъ: вотъ тебѣ моя третья отгадка!—Его самого вѣнчаютъ на царство.

Многія подробности этой повѣсти были знакомы русскому читателю изъ другихъ чтеній. Такъ напр. загадки царя; эпизодъ о чашѣ напоминаетъ такую-же черту въ Александріи, гдѣ Александръ, присутствующій на пиру у Дарія и не признанный имъ, также прячетъ въ нѣдра свои двѣ золотыя чаши. Какъ въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ вскипаетъ смирна въ рогѣ надъ Навуходоносоромъ избранникомъ, такъ и въ повѣсти о Мудросмыслѣ: „постави патріархъ надъ главою отрока рогъ златъ масла древянаго, и оби воскипѣ рогъ съ масломъ надъ нимъ, и благослови его патріархъ на царство“. Корабли Димитрія приходятъ къ царству Несмѣяна изъ Царяграда, что указываетъ, вѣроятно, на первичную географическую обстановку разсказа, въ которомъ Кіевъ упомянутъ нѣсколько случайно. Кіевскій купецъ Димитрій напоминаетъ черниговскаго гостя Димитрія нашихъ былинъ; въ одномъ пересказѣ повѣсти русское приуроченіе пошло еще дальше: Добросмыслъ, умирая, поручаетъ царство брату своему, Кирьяку Димитріевичу, а старѣйшинство дядѣ Василю Кудрявому.

Въ спискахъ XVII-же вѣка дошла до насъ и повѣсть о Шемякиномъ судѣ, популярность которой засвидѣтельствована не только народной пословицей и сказкой, но и изображеніями, перешедшими въ русскія лубочныя картинки. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является убогій, попадающій впросакъ и совершающій рядъ неумышленныхъ преступлений, за которыя его тянутъ къ суду его братъ, типъ немилостиваго богача русскихъ духовныхъ стиховъ о Лазарѣ, и цѣлый рядъ другихъ лицъ. Съ точки зрѣнія совершившагося факта и формальнаго правосудія, онъ дѣйствительно вино-

венъ и можетъ быть приговоренъ къ уплатѣ проторей и убытковъ; но судья принимаетъ во вниманіе неумышленность преступленія и, судя по правдѣ, ставитъ такъ вопросъ обвиненія, присуждаетъ отвѣтчика къ такимъ пенямъ, что онѣ падаютъ всей своей тяжестью на истцовъ, и тѣ предпочитаютъ отказаться отъ иска. Въ такомъ свѣтѣ являлся праведный судья въ тѣхъ восточныхъ сказкахъ (въ утраченной индійской, въ тибетскомъ Дзанглунѣ), отраженіемъ которыхъ, сильно видоизмѣненнымъ, представляется нашъ Шемякинъ судъ. Видоизмѣненія эти объясняются устной передачей повѣсти и вліяніемъ сходныхъ, по всей вѣроятности, еврейскихъ сказаній, разработавшихъ мотивъ „судовъ“ въ примѣненіи къ библейскому суду Соломона. Результатомъ этихъ вліяній было совершенно новое освѣщеніе повѣсти, опредѣлявшее ея особый характеръ и вмѣстѣ причины ея популярности на Руси; судъ остался такимъ-же праведнымъ, но судья изрекалъ его уже не по долгу совѣсти, а потому, что надѣялся на посулъ отъ подсудимаго. Въ этой случайной побѣдѣ человеческой правды надъ кривдой, которая также случайно становится орудіемъ, лежала глубокая иронія, которую русская сказка разработала нѣсколько односторонне: типъ несправеднаго судьи, котораго перехитрилъ простакъ, заслонилъ все остальное, и сказка стала сатирой на судейскіе порядки, развитіемъ пословицы: съ подъячимъ водись, а камень за пазухой держи.

Вотъ вкратцѣ содержаніе повѣсти: бѣдный братъ проситъ богатаго ссудить ему лошадь—сѣздить въ лѣсъ по дрова; но у лошади, по несчастію, оторвался хвостъ, и хозяинъ ведетъ бѣдняка судиться за причиненный ему убытокъ. По дорогѣ, остановившись ночевать, бѣдный братъ упалъ съ полатей и зашибъ до смерти ребенка въ люлькѣ; отецъ ребенка является вторымъ истцемъ противъ него. Подходя къ городу, убогій бросается съ моста, чтобы покончить съ собою, и убиваетъ хвораго старика, котораго сынъ везъ въ баню. Такимъ образомъ противъ него является еще и третій обви-

нитель, и всѣ въ-четверомъ предстали передъ „праведнаго“ судью Шемяку. — Бѣднякъ завязалъ въ платокъ камень и показываетъ его исподтишка Шемякѣ: если не по немъ станетъ судить, то онъ зашибетъ его до смерти. А судья принимаетъ этотъ знакъ за посулъ и рѣшаетъ дѣло въ пользу отвѣтчика. Богатому брату онъ велитъ отдать свою лошадь убогому, пока у нея отростетъ хвостъ; сыну убитаго старика предлагаетъ такое возмездіе: пусть онъ самъ сбросится съ моста, а отвѣтчикъ станетъ внизу и т. д. Истцы отступаются отъ дѣла, а Шемяка ждетъ себѣ награды отъ бѣдняка; когда тотъ объясняетъ ему значеніе своихъ жестовъ, онъ крестится и говоритъ: слава Богу, что я по немъ судилъ. — Имя Шемяки—восточное; примѣненіе Шемякина суда къ исторической личности Димитрія Шемяки—чисто вѣшнее. „Отъ сего убо времени, говорится въ хронографѣ, въ величѣй Руси на всякаго судію и восхитника въ укоризнахъ прозвася Шемякинъ судъ“.

Сѣверно-французскій романъ о Buves (Buovo) нашелъ себѣ двоякое распространеніе. Съ одной стороны, онъ попалъ въ руки англо-норманскаго трувера, поспѣшившаго приурочить его дѣйствіе и героя къ знакомой англійской мѣстности: Buves явился родомъ не изъ города Антона, а изъ Hanstone, что могло напоминать напр. Hampton и т. п. Съ другой стороны, этотъ романъ сталъ популярнымъ въ Италіи, гдѣ онъ сохранился въ пяти различныхъ редакціяхъ, начиная съ отрывковъ франко-итальянскаго пересказа и кончая позднѣйшими тосканскими обработками его въ октавахъ. Срединное мѣсто между этими текстами, стоящими въ началѣ и концѣ продолжительнаго историческаго развитія, занимаетъ сѣверно-итальянская стихотворная обработка исторіи о Buvo (Buovo тосканскихъ текстовъ), несомнѣнно принадлежащая народному пѣвцу, и четвертая книга Reali. На сколько можно заключить изъ сравненія этихъ памятниковъ съ нашей народной книгой-сказкой, она стоитъ въ ближайшей связи съ сѣверно-итальянской народной поэмой о Voovo. Содержаніе

поэмы, начало которой утрачено, слѣдующее: *Blondioia*, молодая супруга герцога Гвидона, царящаго въ городѣ Антонѣ или Антоніи, скучаетъ съ своимъ старымъ мужемъ. Призвавъ своего вѣрнаго слугу *Rizardo*, она шлетъ его съ тайнымъ порученіемъ къ Додону Майникому (*Dodon di Maganza*), котораго она любитъ болѣе отца-матери: пусть придетъ за нею съ 15-ю тысячами войска и сядетъ въ засадѣ въ лѣсу, куда она, съ своей стороны, выплетъ на охоту безоружнаго Гвидона. Планъ Блондойи приведенъ въ исполненіе: Додонъ убиваетъ мужа ея и вступаетъ въ градъ Антону, гдѣ Блондойя принимаетъ его съ радостью; пошла къ нему на встрѣчу, развязала его зеленый шлемъ:

140. *E la putana incontra li andà
E'l verde elmo li deslaça.*

Добро пожаловать, говорить она: убилъ-ли ты посылкаго Гвидона?

Да, убилъ.—Большое спасибо тебѣ, говорить распутница, беретъ его за руку, ведетъ въ покои.

144. «*Si Madonna*».—«*Mile marçè ve rand*»
E la meltris per la man lo prand,
In una camara lo menà a tant.

Приведенные стихи могутъ служить образцомъ изложенія сѣверно-итальянской поэмы, грубо скопировавшей внѣшнія формы французскихъ *Chansons de Geste*; тамъ и здѣсь стихи распредѣляются на множество неравныхъ группъ, связанныхъ одной и той-же римой или ассонансомъ (римомъ, основанная на созвучіи гласнаго элемента, при разности согласныхъ). По отношенію къ русской повѣсти о Бовѣ эти стихи въ особенности важны. Царица, изведшая своего мужа, зовется распутной, *putana* и *meltris* (сл. v. 265), что отвѣчаетъ латинскому *meretrix*; отсюда путемъ обобщенія, примѣры котораго встрѣчаются въ древне-русской переводной повѣсти (напр. въ Девгеніевомъ Дѣяніи), произошло названіе царицы въ нашей повѣсти о Бовѣ: *Blondioia* (*Brandoria* въ

Reali di Francia) забыто и вмѣсто него выступило имя Милитрисы или Меритрисъ, какъ значитъся оно въ одномъ рукописномъ текстѣ нашей сказки.

— Услышавъ о смерти Гвидона, жители города бѣгутъ изъ него; единственный сынъ убитаго, Бово, спрятался въ конюшнѣ подъ яслями, гдѣ съ трудомъ находитъ его дядька (baylo) Синибальдо и сообщаетъ о томъ, что приключилось. Онъ рѣшаетъ укрыться вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ въ своемъ замкѣ Санъ-Симоне; они бѣгутъ, но Додонъ провѣдалъ о томъ и пускается за ними въ погоню. Молодой Бово упалъ съ коня, схваченъ Додономъ и отосланъ въ Антону; между тѣмъ замокъ, въ которомъ успѣлъ запереться Синибальдо, подвергается осадѣ. Додонъ расположился подъ нимъ и въ первую-же ночь видитъ во снѣ вооруженнаго Бово, поражающаго его въ сердце и печень. На другой-же день онъ посылаетъ брата своего къ Блондойѣ съ порученіемъ привезти къ нему мальчика, котораго хочетъ убить, чтобы отвратить страшныя предзнаменованія сна. Но мать предпочитаетъ сама распорядиться участію сына: посадивъ его въ темницу, она посылаетъ ему съ служанкой отравленные хлѣбы, отъ которыхъ онъ долженъ умереть. Служанку разобрала жалость; она предупреждаетъ обо всемъ Бово; и дѣйствительно, собака, которой онъ бросилъ полхлѣба, тотчасъ-же околѣла. Бово спасается изъ темницы бѣгствомъ, три дня плутаетъ въ лѣсу, питаясь водой и кореньями, наконецъ, дойдя до морского берега, видитъ корабль, на который его принимаютъ. Корабельщикамъ, которые удивляются его постати и красотѣ, онъ называетъ себя сыномъ прачки и хлѣбника или мельника. Они пристають къ Арменіи, гдѣ царь Арминьонъ покупаетъ Бово за 30 марокъ золотомъ. Онъ служить у него въ конюхахъ и возбуждаетъ къ себѣ страстную любовь въ дочери царя, Друзіанѣ: она проситъ отца, чтобы онъ дозволилъ ему послужить у нея за столомъ и нарочно роняетъ ножъ, чтобы поцѣловать его, когда онъ нагнулся, его поднимая. Между тѣмъ Арминьонъ собралъ тур-

ниръ, такъ какъ дочь его была на выданьи, и король Маркобрунъ явился въ числѣ притязателей на ея руку. Бово, возвращавшійся съ конюхами съ сѣнокоса, съ вѣнкомъ на головѣ, схватываетъ шесть и, совершивъ чудеса храбрости, сваливъ съ коня самого Маркобруна, отправляется отдыхать на конюшню. Туда-же идетъ Друзіана. Бово разлегся на травѣ, какъ былъ, съ гирляндой на головѣ; самъ онъ краше полевого цвѣтка. Дай мнѣ гирлянду, говоритъ ему дѣвушка; изъ любви къ тебѣ я стану носить ее.—Не ладно ты говоришь, отвѣчаетъ ей Бово; не дамъ я ее тебѣ. Еще разъ просить его о томъ Друзіана и, получивъ отказъ, приходитъ въ гнѣвъ: сынъ распутницы, говоритъ она; видно, что ты сынъ мельника, когда любовь женщины тебѣ ни по чемъ! Коли же не дамъ гирлянды, я раздеру на себѣ одежду, отцу скажу, что ты хотѣлъ учинить насиліе, онъ велитъ повѣсить тебя, какъ разбойника. Бово бросаетъ вѣнокъ къ ея ногамъ, и лишь послѣ вторичной угрозы, подошелъ къ ней и надѣлъ ей на голову гирлянду. Она обняла его и поцѣловала.

Пока Бово и Друзіана объясняются, къ Арменіи подошелъ Султанъ Садонскій (Soldan de Sadonia) съ сыномъ своимъ Лукаферомъ (Lucafer), богатыремъ, у котораго между глазъ могла уложиться мѣрная ступня (Dentro l'un ogle e l'altro un piè mesurà). Онъ требуетъ руки Друзіаны; въ слѣдующей затѣмъ битвѣ онъ сражаетъ и беретъ въ плѣнъ Арминьона и Маркобруна. Тогда является на выручку Бово: Друзіана посвящаетъ его въ рыцари послѣ того, какъ онъ открылъ ей свое происхожденіе; даетъ ему коня Ренделя (Rondelo) и добрый мечъ Кояренцу, и цѣлуетъ его на прощаньи. Въ это время является Уголинъ (въ Reali di Francia, Ugolino—братъ короля Арминьона). Такъ-то ты печалишься объ отцѣ и женихѣ? говоритъ онъ Друзіанѣ, упрекая ее, что вмѣсто того она на конюшнѣ милуется съ конюхомъ. Въ отвѣтъ на это, Бово сбрасываетъ его съ коня и наноситъ ему сильное увѣще.

Слѣдуетъ битва Бово съ Лукаферомъ, котораго онъ по-

бѣждаетъ; его отецъ обращается въ бѣгство; Арминьонъ и Маркобрунъ освобождены, а Друзіана проситъ отца выдать ее за Бово, который оказался сыномъ герцога Гвидона. Но Уголинъ принимается мстить Бово; сначала пытается уговорить Арминьона, чтобы онъ выдалъ дочь за Маркобруна; пытается убить его и наконецъ поднимается на такую хитрость: одинъ изъ его приближенныхъ, однолѣтокъ короля Арминьона, разыгрываетъ его роль, призвавъ Бово, съ которымъ ему надлежало къ нему отправиться. Въ письмѣ было сказано, что податель его—убійца Лукафера; пусть его повѣсятъ. Бово отправляется съ порученіемъ, ѣдетъ трое сутокъ, питаясь травой и кореньями; видитъ: подъ оливковымъ деревомъ сидитъ паломникъ, передъ нимъ вдоволь хлѣба, вина и мяса; Бово проситъ его удѣлить ему отъ его трапезы, на что тотъ соглашается, напоивъ пришельца забытымъ зельемъ, онъ уводитъ его коня и похищаетъ мечъ. Проснувшись на пятый день, Бово принужденъ далѣе итти пѣшкомъ и доходить до Садоніи, гдѣ Султанъ, познакомившись съ содержаніемъ письма, велитъ схватить подателя и повѣсить его. Но онъ приглянулся дочери султана, Мальгаріи: Болѣе храбраго витязя не сыскать, говоритъ она отцу, и у тебя нѣтъ наслѣдника; если Бово согласится принять нашу вѣру и взять меня за себя замужъ, будетъ кому править царствомъ. Султанъ согласенъ, и Бово возвращаютъ съ мѣста казни, но онъ слышать не хочетъ о предложеніяхъ; его снова хотятъ вести на висѣлицу, но Мальгарія предлагаетъ другое средство: она посадить его въ темницу и проморить голодомъ и жаждой, пока онъ увѣруетъ въ Магомета. Въ темницѣ, на-полненной змѣями, Бово находитъ старый забытый мечъ; четыре дня его оставляютъ безъ пищи и питья, на пятый Мальгарія сама приносить ему и то и другое и пытается склонить его; красивѣе меня нѣтъ женщины, говоритъ она, посмотри, какая я свѣжая, точно полевой цвѣтокъ. Если ты отречешься отъ Бога, ты будешь носить царскій вѣнецъ во всѣхъ этихъ странахъ. Бово снова отказывается. Годъ и три

мѣсяца просидѣлъ онъ такимъ образомъ въ тюрьмѣ, пока не спросилъ о немъ султанъ: узнавъ, что онъ остался непреклоннымъ, онъ посылаетъ за нимъ людей, чтобы вести его на казнь; но Бово убиваетъ ихъ одного за другими при помощи найденнаго имъ меча, выходитъ изъ темницы и принимается бѣжать. За нимъ гонятся; его принимаютъ къ себѣ купцы корабельщики, которыхъ онъ склонилъ рассказомъ о своей участи—а въ это время погоня уже на берегу и требуетъ выдачи бѣглеца, не то имъ никогда не торговать въ этой странѣ. Купцы готовы уступить угрозамъ; тогда Бово убиваетъ одного изъ нихъ, остальные испуганы и соглашаются плыть. Они останавливаются въ виду города, гдѣ царитъ Маркобрунъ и Друзіана, выданная за него отцомъ, послѣ того какъ Бово пропалъ безъ вѣсти. Выйдя на берегъ, Бово встрѣчаетъ того самаго паломника, который когда-то обобралъ его; онъ бросился на него, повалилъ на землю, но паломникъ становится на колѣна и проситъ пощады, обѣщая дать Бово такой корень, что стоитъ только потереться имъ, чтобы самая бѣлоснѣжная кожа приняла темный цвѣтъ, и другой корень, который, будучи распущенъ въ винѣ, можетъ усыпить человѣка на пять дней. Оба снадобья вскорѣ окажутся пригодными для Бово. Переодѣвшись въ платье паломника и начернивъ кожу, онъ входитъ въ городъ, никѣмъ не узнаанный, и, послѣ разныхъ приключеній, видитъ Друзіану за столомъ съ другими дамами; опершись на клюку, онъ проситъ у ней милостыни—во имя Бово. Развѣ ты его видѣлъ, развѣ его знаешь? спрашиваетъ Друзіана; и неизвѣстенъ тебѣ запретъ — произносить его имя, подъ страхомъ повѣшенія? Между тѣмъ добрый конь Бово, стоявшій на конюшнѣ, узналъ его по голосу и заржалъ. Что это за конь? спрашиваетъ Друзіана, и принимается рассказывать о своихъ отношеніяхъ къ нему, и что за Маркобруна она выдана насильно. Слѣдуетъ взаимное признаніе влюбленныхъ; по совѣту Бово, Друзіана усыпляетъ своего мужа забыдушимъ зельемъ, которымъ снабдилъ его паломникъ, и оба пускаются

въ бѣгство. Когда Маркобрунъ проснулся и хватился своей жены, бѣглецы были уже далеко; въ погоню за ними отправленъ Пуликане, человѣкъ до пояса, отъ пояса пестъ, сильное чудовище, которому нѣтъ равнаго на бѣгу. Между нимъ и Бово происходитъ страшное побоище, но Друзіана примиряетъ ихъ: они обнялись, поцѣловались и далѣе идутъ вмѣстѣ уже друзьями. Они приняты въ замкъ (castel) герцога Оріо, непокорнаго ленника короля Маркобруна; узнавъ о томъ, Маркобрунъ подходитъ съ войскомъ, требуя выдачи бѣглецовъ. Оріо не соглашается, но, взятый въ плѣнъ въ послѣдовавшей затѣмъ битвѣ, принужденъ дать въ заложники своихъ сыновей и обѣщаетъ выдать Бово, Друзіану и Пуликане. Ночью послѣдній подслушалъ разговоръ Оріо съ женой; жена говоритъ: пусть лучше пропадутъ дѣти, лишь-бы не совершить предательства, за такую отповѣдь мужъ бьетъ ее по лицу до крови. Тогда Пуликане вламывается въ дверь, убиваетъ Оріо и, предупредивъ обо всемъ Бово, выѣзжаетъ вмѣстѣ съ нимъ и Друзіаной изъ замка. Рать Маркобруна, поставленная въ засадѣ, разбита ими, и они ѣдутъ далѣе. Въ лѣсу Друзіана разрѣшается отъ бремени двумя сыновьями, Синибальдомъ и Гвидономъ; Бово проситъ товарища посторожить жену и дѣтей, пока онъ отправится на поиски: ему сдается, что король Арминьонъ прослышалъ объ увозѣ Друзіаны и послалъ за ними корабль; быть можетъ, ему удастся найти его. Въ отсутствіе Бово, Пуликане погибаетъ, сражаясь съ двумя львами; лишенная своего покровителя, Друзіана идетъ лѣсомъ съ двумя младенцами на рукахъ и добирается до морского берега, гдѣ принята на корабль, высланный королемъ Арминьономъ. Прибывъ въ Арменію, она рассказываетъ отцу о постигшей ее участи.

Между тѣмъ возвращается съ поисковъ и Бово и, увидѣвъ мертваго Пуликане, не найдя ни жены, ни дѣтей, заключаетъ, что та и другія пожраны львами, а Пуликане погибъ, защищая Друзіану. Похоронивъ товарища, онъ идетъ, куда глаза глядятъ, и нанимается въ дружину Ricardo, ко-

торого дядька Бово, Синибальдо, выслалъ нарочно съ цѣлью отыскать пропавшаго безъ вѣсти питомца. Вернувшись вмѣстѣ съ посланцемъ къ Синибальду, онъ совершаетъ подвиги храбрости противъ Додона, убійцы его отца, которому наноситъ опасныя раны. Синибальдо, не узнавшій его дотолѣ, начинаетъ подозрѣвать по богатырскимъ ударамъ, что это и есть Бово, а жена Синибальда дѣйствительно признаетъ его въ банѣ, по крестообразной родинкѣ на правомъ плечѣ. Въ это время Додонъ кликнулъ кличъ, что онъ дастъ золота въ волю тому врачу, кто возьмется уврачевать его раны. Бово отправляется къ нему вмѣстѣ съ сыномъ Синибальдо, Терисомъ; при помощи волшебной травы они такъ измѣнили свою наружность, что были неузнаваемы; оба выдають себя за медиковъ. У постели больного Бово даетъ о себѣ знать, кто онъ: я Бово, твой смертельный врагъ, я нанесъ тебѣ эту рану,—но онъ не желаетъ воспользоваться своимъ положеніемъ и велитъ Додону встать и выйти изъ города. Тотъ удаляется, но лишь затѣмъ, чтобы вернуться съ вспомогательнымъ войскомъ, которое ведетъ король Франціи, Пипинъ. Слѣдуетъ битва, въ которой погибаетъ Додонъ, а Пипинъ попадаетъ въ плѣнъ, изъ котораго освобождается, отдавъ заложниковъ и обѣщая отвести свое войско. Мать свою измѣнницу Бово готовился сжечь, но остановленъ Синибальдо: вмѣсто того она замурована между двухъ стѣнъ, ей дають по двѣ унціи хлѣба въ день и немного воды; такъ она каялась о грѣхахъ своихъ.

Вѣсть о подвигахъ Бово дошла и до Друзіаны. Измѣнивъ свой видъ посредствомъ волшебнаго зелья, она тайкомъ оставляетъ дворъ отца и принимается странствовать вмѣстѣ съ двумя дѣтьми, въ образѣ скоморошки (*sublaga*): она играла на арфѣ, дѣти плясали. Она приходитъ на гору, недалеко отъ Садоніи, и видитъ битву: то бился Бово съ королемъ Поссамонтомъ, домогавшимся руки той самой Мальгаріи, которая когда то спасла Бово отъ смерти и домогалась его любви. Въ минуту опасности она обратилась къ помощи Бово:

если онъ освободить ее отъ притязаній Поссамонта, она крестится и готова стать его женой. Бово, увѣренный, что Друзіаны нѣтъ болѣе въ живыхъ, принимаетъ приглашеніе и бѣется съ Поссамонтомъ. Какъ увидѣла его Друзіана, такъ обрадовалась, что не захотѣла итти далѣе; сѣла на горѣ, подзываетъ дѣтей: послушайте, сынки мои милые, вы вѣдь никогда не видали своего отца? Сегодня я покажу вамъ его. И она указываетъ имъ Бово, который, одержавъ побѣду надъ своимъ противникомъ, возвращается въ городъ; Мальгарію окрестилъ архіепископъ, и совершенъ брачный обрядъ. Въ это время передъ дворцомъ явилась Друзіана съ дѣтьми: дѣти пляшутъ, она поетъ: „Послушайте, рыцари и бароны, новую пѣсню изъ Франціи: про Бово Антонскаго и прекрасную Друзіану, какъ она потеряла его на берегу моря“. Услышавъ это Бово и вздохнулъ; спускается съ лѣстницы, проситъ Друзіану повторить еще разъ ту пѣсню; когда прослушалъ ее, начинаетъ сѣтовать: въ недобрый день уродилась та пѣвица, что спѣла мнѣ про Друзіану. Онъ велитъ ей итти ко двору, тамъ ей будутъ служить и станутъ чествовать. А Друзіана пошла въ гостинницу, причесала, умыла, приодѣла сыновей, велитъ имъ итти во дворецъ и тамъ за столомъ прислуживать Бово, а коли онъ спроситъ, кто ихъ отецъ, отвѣчать, что никогда его не видали, ищутъ его по всѣмъ странамъ, а мать ихъ зовется Друзіаной. Все совершается такъ, какъ предположила Друзіана: когда Бово выслушалъ рассказъ сына, захохоталъ на радостяхъ, скачетъ черезъ столъ, обнимаетъ дѣтей, велитъ отвести себя къ матери. Гдѣ же ваша мать? спрашиваетъ онъ ихъ, когда пришелъ въ гостинницу.—Да вотъ она, отвѣчаютъ дѣти.—А Друзіана сидитъ, чернѣе угля. Разгнѣвался Бово, думаетъ, что обманули его, расходился. Не гнѣвайся, говоритъ ему Друзіана: Друзіана въ той комнатѣ, я тотчасъ позову ее. И она идетъ въ сосѣдній покой, умылась розовой водой, одѣлась въ богатые одежды, голову украсила вѣнкомъ и драгоценностями и стала краше феи: какъ вышла она въ залу,

такъ все кругомъ нея и освѣтило. Бово тотчасъ же узналъ ее, бросился къ ней, цѣловалъ ее сто разъ; конь успѣлъ бы пробѣжать шесть миль, прежде чѣмъ онъ отсталъ отъ нея. Вмѣстѣ они идутъ во дворецъ. Эта вѣсть дошла до Мальгаріи; ты нашель Друзіану, говоритъ она Бово, такъ дай-же мнѣ въ мужья храбраго рыцаря, который могъ бы править и защищать мое царство. Бово выдаетъ ее за Териса, сына Синибальда, и тотчасъ же сыграна свадьба.

Сближая содержаніе сѣверно-итальянской народной поэмы съ русской сказкой о Бовѣ, сохранившейся въ рукописяхъ XVII вѣка и въ безчисленныхъ лубочныхъ изданіяхъ, легко прійти къ заключенію, что послѣдняя представляетъ пересказъ не четвертой книги *Reali di Francia*, а какого-нибудь сѣверно-итальянскаго разсказа, въ родѣ разобраннаго выше. Къ такому выводу приводитъ не только сходство изложенія, но и согласіе собственныхъ именъ: такъ вѣрный слуга Рычардо, Личарда русской повѣсти, вовсе не названный въ *Reali di Francia*, носитъ въ поэмѣ имя *Ricardo*; Бова, Друженевна, Лукаперъ, градъ Суминъ, Полканъ воспроизводятъ созвучныя имена обоихъ итальянскихъ текстовъ: *Bovo* (*Buovo*), *Drusiana*, *Lucafer* (*Lucaferro*), *San Simone*, *Pulicane*; но Салтанъ Салтановичъ ближе къ *Soldano de Sadonia* поэмы, чѣмъ къ *re de Buldras* въ *Reali di Francia*, тѣмъ болѣе, что прозвище его: Задонскій (ошибочно перенесенное въ нѣкоторыхъ редакціяхъ нашей сказки на Маркобруна) не что иное, какъ поздняя перелицовка другого эпитета: Садонскій отъ Садоніи. Тѣ же сходства и отличія представляетъ еще другое имя: въ *Reali* леникъ Маркобруна, у котораго укрывается Бова съ Друзіаной и Пуликане, названъ *Duca Canogo*; въ поэмѣ—*Orio*, что отвѣчаетъ Урилу русской сказки. Слѣдуетъ предположить, во всякомъ случаѣ, что ея подлинникомъ не была та именно редакція поэмы, какая была пересказана на предъидущихъ страницахъ, а другая, представлявшая нѣкоторыя отличія: такъ—Бово могъ являться въ ней подъ именемъ *Agostino*, принятомъ имъ при дворѣ армянскаго царя;

такъ въ Reali и въ нашей повѣсти, передѣлавшей Agostino въ Ангусея. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что подлинникъ повѣсти былъ сѣверно-итальянскій, если Милитриса-Меретрисъ выработалось изъ нарицательнаго meltris, meretris, формы, возможной лишь въ сѣверныхъ, а не средне-итальянскихъ говорахъ.

Какимъ путемъ пришла къ намъ итальянская поэма, была-ли она переведена непосредственно, или пройдя предварительно сквозь какую-нибудь славянскую передѣлку; переведена ли съ писаннаго подлинника или пересказана по слуху и памяти—на всѣ эти вопросы мы пока отвѣта не имѣемъ. Поэма о Бово несомнѣнно входила въ тотъ литературный циклъ, который жилъ и развивался въ устахъ жонглеровъ (giullari) XIII—XIV вѣка, когда-то толпившихся при дворахъ сѣверно-итальянскихъ властителей, а нынѣ спустившихся до болѣе низменной роли народныхъ пѣвцовъ и до публики, посѣщающей кафе. Вооруженные одноструннымъ инструментомъ, съ чашечкой для доброхотныхъ даваній, укрѣпленной на рукояткѣ, они ограничиваютъ свою поэтическую дѣятельность произнесеніемъ на распѣвъ двустипій сатирическаго, привѣтственнаго содержанія, которыя перемежаютъ припѣвомъ, откуда заимствовано и ихъ названіе въ народѣ: torototela-torotota. Теперь они блуждаютъ въ областяхъ Падуй и Венеціи, но районъ ихъ прежняго вліянія былъ шире: они могли заходить на рубежи итальянско-славянскаго міра и заносить туда рассказы о карловингахъ и рыцаряхъ Круглаго Стола, издавна популярные въ Италіи.

Къ недостаткамъ общественныхъ порядковъ принадлежали сутяжничество и ябеда, господствовавшія въ старинномъ русскомъ судопроизводствѣ: подъ ихъ впечатлѣніемъ древняя повѣсть о Шемякиномъ судѣ измѣнила свой первоначальный характеръ и обратилась въ сатиру на судейскіе порядки. Въ томъ же направленіи создались и Повѣсть о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ, сохранившая съ поразительной вѣрностью формы словеснаго судопроизводства XVI

вѣка и, вѣроятно, принадлежащая еще этому столѣтію. Повѣсть о Ершѣ, перешедшая въ лубочныя изданія и далѣе въ народныя сказки, интересна не столько по своему формальному сходству съ византійско-славянскимъ сказаніемъ о Гроздіи, сколько по единству сатирическаго замысла. Какъ Гроздій судится судомъ другихъ плодовъ, такъ Ершъ судомъ рыбъ; тамъ и здѣсь обряды, внѣшность судопроизводства служатъ цѣлямъ сатиры, тѣ-же ссылки на свидѣтелей и т. п. Судъ надъ Гроздіемъ—неправедный и лицепріятный, сохраняющій однако формы внѣшней справедливости: Гроздій осужденъ несправедливо; Ершъ подлежитъ осужденію, но изворачивается ябедно, глумится надъ судьями и спасается отъ казни. Старая повѣсть о немъ, сохранившаяся въ рукописи XVIII вѣка, начинается жалобой Леща:

„Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой рыбицѣ бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишка боярскій Лещъ съ товарищами. Жалоба, господа, вамъ на злого человѣка, на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годахъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ, злой человѣкъ, Щетинниковъ наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ; расплодился тамъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рогатины, и онъ свидится съ нами на ставу и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой терявъ. А мы, господа христіански, лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями.

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: Ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь-ли? Отвѣтчикъ Ершъ рече: Отвѣчаю, господа, за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро была старина дѣдовъ нашихъ, а нынѣ наше, и онъ Лещъ жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа, Ершъ, Божіею

милостью, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами не смутщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ никогда не бывалъ, воровскаго у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я добрый, живу своею силою, а не чужею; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князи и бояры, стольники и дворяне, жильцы московскіе, дѣяки и подъячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцомъ и съ шафраномъ, и ставятъ передъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмеля и, кушавши, поздравляютъ.

„Судьи спрашивали истца Леща: ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?—Истецъ Лещъ рече: уличаю его Божіею правдою, да вами, праведными судьями.“ — Онъ ссылается на свидѣтелей: на добраго человѣка рыбу Сигъ и добраго человѣка рыбу Лодугу.—Но Ершъ отводитъ ихъ: они люди богатые, Лещъ тоже человѣкъ заводный: они хотятъ насъ, маломочныхъ людей, испродать напрасно. — Точно также отводитъ онъ и Сельдъ, потому что Сигу и Лодугѣ она сродни. Тѣмъ не менѣе судьи посылаютъ за ней пристава Окуня, а въ понятыхъ велѣли взять Мня (налима). Но Мень сулитъ посулы великіе: „Господине Окуне! азъ не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико, ходить не смогу, а се глаза малы, далеко не вижу, а се губы толсты, передъ добрыми людьми говорить не умѣю“. Окунь беретъ въ понятыхъ Головля и Язя и ставитъ Сельдъ передъ Судьями: она показываетъ противъ Ерша, какъ и Осетръ, вызванный Лещемъ и рассказывающій о личныхъ обидахъ, нанесенныхъ ему отвѣтчикомъ. „Когда я шелъ изъ Волги рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ; а я лукавства его не видалъ, а спрошать про него, злого человѣка, никого не случилось; и онъ меня спроси: братецъ Осетръ, гдѣ идеши? И азъ ему повѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать.—И рече ми Ершъ: Братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою рѣкою, тогда азъ былъ толще тебя

и долѣ, бока мои терли у Волги рѣки берега, очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ: иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ такое его прелестное слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ поморилъ, а самъ отъ него вконецъ погинулъ. Да еще вамъ, господа, скажу: тотъ-же Ершъ обманулъ меня, Осетра, стараго мужика, и привеле меня къ неводу и рече ми: братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ, есть тамъ много рыбы. — И я его нача посылати напередъ. И онъ, Ершъ, мнѣ рече: братецъ Осетръ, коли меньшій братъ ходитъ напередъ большаго? И я на его, господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что боярскій дворъ: итти ворота широки, а вытти узки. — А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ ячею, а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся? — А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ Осетръ, не поминай лихомъ! А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ, а я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради“.

Судьи присудили: Ерша выдать Лещу головою и казнить торговою казнью: бить кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ ракъ своею заднею клешнею, а у печати сидѣлъ Вандышъ (снятокъ) переяславскій. „Речеть Ершъ судьямъ: господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили“. Плонулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли!

На западѣ животная сказка, какого-бы она ни была происхожденія, издавна приобщилась къ цѣлямъ общественной

сатиры; отрывки романо-германскаго животнаго эпоса приходили и къ намъ. Такова встрѣчающаяся въ рукописяхъ „Повѣсть о курѣ, то есть пѣтухѣ, и лисицѣ“, которая, увидавъ пѣтуха на деревѣ, принимается расхваливать его голосъ и приглашаетъ спуститься на землю, чтобы принести ей о своихъ грѣхахъ чистое покаяніе. Она—„преподобная и убогая, кроткая и смиренная вдовица“. Пѣтухъ въ началѣ не довѣряетъ „Захарьевнѣ“, но потомъ послушался ея и попадаетъ къ ней въ когти. Не зная, какъ выпутаться изъ бѣды, онъ принимается рассказывать ей, будто на Крутицахъ умеръ главный пѣвчій басовщикъ и крутицкій архіерей приглашаетъ его, пѣтуха, къ себѣ на правый клиросъ. А когда я тамъ буду и о тебѣ начну просить, чтобы тебя взяли въ просвири: станешь ты по всѣ дни печи просвиры мягкія, варить каноны сладкіе, разводить сыту медвяную, и тою сладостною пищею всѣ твои косточки и суставы наполнены будутъ.—Лисица развѣсила уши, распустила когти—а пѣтухъ взлетѣлъ на дерево.—Потому тому куру честь и хвала, а лисицѣ укоризна вѣчная, смерть и поношеніе въ роды родовъ.

Интересно, что съ тѣмъ же типомъ ловкаго ябедника выступаетъ герой единственной (изъ пока извѣстныхъ) русской повѣсти XVII-го вѣка, стоящей внѣ двухъ преобладающихъ направленій: духовно-легендарнаго и смѣхотворно-сатирическаго. Къ сожалѣнію, Гисторія о російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ, написанная, по свидѣтельству одной рукописи, въ 1680 году, до сихъ поръ плохо издана.—Фролъ Скобѣевъ, бѣдный новгородскій дворянинъ, живущій ябедою, умыслилъ „возымѣть любовь“ съ Аннушкой, дочерью богатаго стольника Нардина-Нащокина. Для этой цѣли онъ знакомится съ прикащикомъ той вотчины, гдѣ она жила, и даритъ два рубля ея мамкѣ. Наступили святки, и Аннушка велитъ мамкѣ поѣхать къ сосѣднимъ дворянамъ: которыхъ дворянъ имѣются дочери дѣвицы, чтобы тѣхъ дочерей „упросить къ той стольничей дочери Аннушкѣ для веселости на

вечеринку“. Мамка приѣзжаетъ съ этимъ приглашеніемъ и къ сестрѣ Фрола Скобѣева; та отвѣчаетъ, по приказанію брата, что она прибудетъ не одна, „а нѣкотораго дворянина съ дочерью дѣвицею“. Самъ Фролъ нарядился въ дѣвическій уборъ и отправляется вмѣстѣ съ сестрою, которая, хотя и боится, какъ бы изъ того какой бѣды не вышло, но не смѣетъ послушаться брата.—Фрола никто въ его нарядѣ не призналъ, онъ веселится съ дѣвушками; встрѣтивъ въ сѣняхъ мамку, даритъ ей пять рублей и, павъ передъ ней на колѣна, открывается ей: онъ — Фролъ Скобѣевъ, дворянинъ, приѣхалъ въ дѣвическомъ уборѣ для Аннушки, чтобы съ нею имѣть „обязательную любовь“. Мамка смутилась, не знаетъ, что съ нимъ дѣлать; но, памятуя его подарки, говоритъ: „Добро, господинъ Скобѣевъ, за твою ко мнѣ милость готова чинить все по твоей волѣ“. Вернувшись въ покой, гдѣ веселились дѣвушки, она предлагаетъ имъ поиграть въ игру, въ которую прежде игравали: Аннушка будетъ невѣстой Фрола Скобѣева, а эта дѣвица (переодѣтый Фролъ Скобѣевъ) будетъ ея женихомъ. Всѣ согласились. На другой день, всѣ дѣвицы стали раздѣжаться по домамъ, а Фрола Скобѣева, переряженнаго по прежнему, и его сестру Аннушка продержала у себя еще три дня и веселилась съ ними. На прощаньи она подарила Фролу триста рублей; вернувшись домой, онъ сталъ давать банкеты дворянамъ и своей братіи, на радостяхъ.

Между тѣмъ, отецъ ея вызвалъ ее письмомъ въ Москву, „для того, что сватаются къ ней женихи, стольничьи дѣти. И Аннушка не преслушалась воли родителя своего; собравшись вскорѣ, поѣхала въ Москву“. А Фролъ Скобѣевъ не знаетъ, что дѣлать: дворянинъ онъ небогатый, питался онъ болѣе тѣмъ, что „ходилъ за дѣлами. И взявъ себѣ намѣреніе, какъ можно Аннушку достать себѣ въ жены“. Онъ собирается въ Москву и говоритъ сестрѣ, которая о томъ тужила: „Хотя животъ свой утрачу, а отъ Аннушки не отстану; либо буду полковникъ, либо покойникъ“. Въ Мо-

сквѣ онъ поселился близъ двора Нардина-Нащокина; видится въ церкви съ мамкой Аннушки, которая такимъ образомъ узнаетъ о пріѣздѣ и посылаетъ ему денегъ 20 рублей.

Въ это время сестра Нардина-Нащокина, монахиня, проситъ его отпустить къ ней на свиданіе ея племянницу; только „не надѣюсь, государь, братецъ, чтобы ты съ нею учинилъ по просьбѣ моей, для того что ты забудешь, а я прошу тебя, изволь приказать въ домѣ своемъ, хотя когда въ небытность твою дома, пришлю я по ней карету и возниковъ, чтобы ты приказалъ ей ѣхать ко мнѣ безъ себя“. Тотъ такъ и распорядился. Однажды, когда онъ съ женой отправился въ гости, Аннушка посылаетъ мамку сказать Скобѣеву, чтобы онъ воспользовался случаемъ, пріѣхалъ бы за нею, будто изъ Дѣвичьяго монастыря, и увезъ ее. Фролъ Скобѣевъ идетъ къ стольнику Ловчикову, который былъ къ нему весьма добрѣ, и проситъ, чтобы онъ „ему пожаловалъ карету съ возниками съѣхать для смотрѣнія невѣсты“. Сильно подпоивъ кучера и нарядившись самъ въ лакейское платье, онъ увозитъ Аннушку и женится на ней.

Долгое время не былъ у сестры своей Нардинъ-Нащокинъ; онъ увѣренъ, что Аннушка у ней въ гостяхъ. Однажды, пріѣхавъ къ сестрѣ и просидѣвъ у нея, онъ спросилъ: „Сестрица, что я не вижу Аннушки?—И сестра ему отвѣтствовала: полно, братецъ, издѣваться. Что мнѣ дѣлать, когда я безчастна моимъ прошеніемъ! Къ себѣ просила ее прислать, но мнѣ знатно, что ты мнѣ не вѣришь, а мнѣ время такого нѣтъ, чтобъ послать по ней“. Оказалось, что ни кареты, ни возниковъ она не посылала. Стольникъ допрашиваетъ дома мамку, которая говоритъ, что по Аннушку пріѣзжали изъ монастыря, и поѣхала она по его, стольника, приказу. Началъ онъ дочери своей вездѣ искать и, нигдѣ не найдя, весьма соболѣзновалъ и горько плакалъ съ женою своею, а на утро объявилъ государю, что у него безвѣстно пропала дочь.

Какъ узналъ о томъ Фролъ Скобѣевъ, отправился къ

Ловчикову и имѣлъ съ нимъ многіе разговоры. Что, господинъ Скобѣевъ, женился-ли? спрашиваетъ его Ловчиковъ.— Женился.— Богатую-ли взялъ?— Нѣтъ, еще богатства не вижу; что взялъ, время окажетъ.— Но, господинъ Скобѣевъ, живи уже постоянно, отстань за ябедою ходить; живи въ вотчинѣ своей, лучше, здоровѣе“. Затѣмъ Скобѣевъ сталъ просить его, чтобы онъ былъ представителемъ въ его бѣдѣ. „Скажи, что? отвѣчалъ Ловчиковъ: ежели сносно, буду представлять; если что не сносно, и не гнѣвайся“. Когда Скобѣевъ объявилъ ему объ увозѣ дочери стольника Нардина-Нащокина, Ловчиковъ отговаривается: какъ ты сдѣлалъ, такъ самъ и отвѣтствуй! — Если ты представлять не будешь обо мнѣ, замѣчаетъ ему Скобѣевъ, то и тебѣ будетъ не безъ худа, а мнѣ уже пришлось сказать на тебя, для того, что ты возникъ и карету давалъ; ежели бы ты не давалъ, и мнѣ того не учинить бы.— И Ловчиковъ сталъ въ великомъ сумленіи: настоящій ты плутъ, что ты надо мною сдѣлалъ? Добро! Какъ могу, то буду представлять.— Онъ велитъ ему явиться на слѣдующій день въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, а оттуда на Ивановскую площадь, гдѣ соберутся всѣ стольники: въ это время пусть прибудетъ и объявитъ Нардину-Нащокину о дочери, а онъ, какъ можетъ, будетъ ходатайствовать за него. — Когда на другой день Скобѣевъ бросился на колѣна передъ Нардинымъ-Нащокинымъ и началъ просить отпустить ему вину, тотъ воображаетъ сначала, что дѣло идетъ о какойнибудь ябедѣ. „Я тебѣ, плуту, давно говорилъ: живи постоянно. Встань, скажи, что твоя вина?“ Узнавъ, что Аннушка имъ увезена и онъ на ней женился, стольникъ залился слезами и сталъ въ безпамятствѣ. Опамятовавшись, сталъ говорить: что ты, плутъ, сдѣлалъ? Вѣдаешь ли ты о себѣ, кто ты таковъ? Нѣтъ тебѣ отпущенія отъ меня вины твоей: тебѣ-ли, плуту, владѣть дочерью моей? Пойду къ царю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мнѣ обидѣ.— Но Ловчиковъ уговариваетъ его подождать; того времени не воротить; пусть лучше съѣздитъ

домой, объявить обо всемъ сожительницѣ своей и поступить по общему совѣту; а Скобѣевъ отъ его гнѣва не укроется.— Стольникъ поѣхалъ домой. Жена, что ты вѣдаешь? Я напелъ Аннушку!—Гдѣ она, батюшка? — Вѣдь плутъ и ябедникъ, Фролъ Скобѣевъ, женился на ней. — Какъ услышала эти рѣчи жена, „и не вѣдаетъ, что говоритъ, соболѣзнуя о дочери своей. И стали оба горько плакать и во сердцахъ своихъ бранить дочь свою, и проклинаятъ, и не вѣдаютъ, что чинить надъ нею“. — Какъ пришли въ память, стали разсуждать, какъ бы провѣдать о дочери: послали человѣка узнать, жива ли она и имѣетъ ли пропитаніе. Когда Фролъ Скобѣевъ узналъ, что пришелъ человѣкъ отъ тестя, велитъ Аннушкѣ притвориться жестоко больной и лечь въ постель, а посланному говорить: „Видишь ли ты, мой другъ, какое здоровье? Таковъ то родительскій гнѣвъ: они заочно бранятъ и клануть, и оттого она при смерти лежитъ. Донеси ихъ милости, хотя-бы они заочно словесно благословеніе ей дали“. Это разжалобило родителей, и они послали ей заочное благословеніе и дорогой образъ, „и приказали сказать, чтобы она сему образу молилась, а плуту Фролу Скобѣеву скажи, чтобы онъ его не промоталъ“. Посланный нашелъ Аннушку уже на ногахъ. „Таково то родительское благословеніе, говоритъ ему Скобѣевъ: и какъ заочно намѣрены благословить, и далъ Богъ Аннушкѣ легче; теперь, слава Богу, здорова“. Вслѣдъ за тѣмъ стольникъ съ женою посылаютъ молодымъ запасу всякаго на шести лошадахъ при реестрѣ, а то „чѣмъ ему, вору, ее кормить? И самъ, какъ собака, голоденъ“. А Фролъ Скобѣевъ, „не смотря по реестру“, приказалъ положить запасъ въ показанное мѣсто, а за родительскія милости благодарить. И сталъ онъ жить роскошно и самъ удивлялся, „что онъ сдѣлалъ такую причину смѣло“.

Долгое время спустя, „родители обратились сердцемъ и соболѣзновали душею о дочери своей, такожъ и Фролъ Скобѣевъ, и приказали послать человѣка къ нимъ—просить ихъ, чтобы Фролъ Скобѣевъ и съ женою, а ихъ дочь, пріѣхали

къ стольнику Нардину-Нащокину хлѣба скушать“. Аннушка бросилась своимъ родителямъ въ ноги, а тѣ принялись корить ее и плакать, но затѣмъ, отпустивъ вину, приказали сѣсть съ собой. „А ты, плутъ, что стоишь? садись тутъ-же; тебѣ-ли, плуту, моею дочерью владѣть?—Ну, государь батюшка, уже тому такъ Богъ судилъ!“ отвѣчалъ Скобѣевъ, и сѣли всѣ вмѣстѣ кушать; а стольникъ приказалъ никого изъ постороннихъ въ домъ не пускать, что времени у него нѣтъ, „для того что съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фроломъ, кушаетъ“. По окончаніи стола спрашиваетъ его стольникъ: „Ну, плутъ, чѣмъ ты станешь жить?—Изволишь ты вѣдать обо мнѣ: болѣе нечѣмъ, что ходить за ябедою.—Имѣется вотчина моя въ Симбирскомъ уѣздѣ, которая по переписи состоитъ въ трехъ стахъ дворахъ. Справъ, плутъ, за себя и живи постоянно съ женой своею Аннушкой“. Скобѣевъ поблагодарилъ его и, посидѣвъ немного, поѣхалъ съ женою на квартиру; но стольникъ приказалъ его воротить: чѣмъ ты справишь? спрашиваетъ онъ его, есть-ли у тебя деньги?—Извѣстно, государь батюшка, какія у меня деньги!—И приказалъ стольникъ дать ему триста рублей. Скобѣевъ взялъ деньги, современемъ справилъ ту вотчину за себя; впослѣдствіи онъ сталъ наслѣдникомъ всего имѣнія Нардина-Нащокина, зажилъ богато и сталъ въ великомъ „знатіи“, а сестру свою выдалъ за стольника.

Главное содержаніе повѣсти составляетъ, очевидно, рассказъ о ловкой продѣлкѣ плута и ябедника Фрола Скобѣева. Все сводится къ этой идеѣ, за которой пропадаетъ любовная интрига. Первое увлеченіе Скобѣева Аннушкой; подкупъ, къ которому онъ прибѣгаетъ, чтобы достигъ своей цѣли, вовсе не предполагаетъ, чтобы онъ тогда-же задался идеей выгодной аферы. Когда Аннушку вызвали въ Москву, гдѣ ей представляются выгодныя партіи, Скобѣевъ естественно долженъ былъ задаться вопросомъ: какъ быть ему, бѣдному дворянину, за котораго никогда не выдадутъ стольничей дочери? И онъ ѣдетъ въ Москву попытать счастья: либо полковни-

комъ быть, либо покойникомъ. И здѣсь еще нѣтъ никакого расчета, ничего, чтобы вело къ подозрѣнію въ плутовствѣ и ябедѣ. Между тѣмъ во второй половинѣ повѣсти такое именно освѣщеніе становится преобладающимъ, распространяясь вообще и на все ея содержаніе: женитьба Скобѣева на Аннушкѣ понята главнымъ образомъ, какъ ловкое дѣло, какъ выгодная операція, выведшая въ люди неизвѣстнаго проходимца. Самъ Скобѣевъ удивляется, какъ это онъ „сдѣлалъ такую причину смѣло“, а въ одной рукописи заглавіе повѣсти получило такое знаменательное развитіе: „Исторія о новгородскомъ дворянинѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ и Аннушкѣ,— какъ онъ себѣ достигъ за семь рублей благополучіе“. Переписчикъ не ошибся въ сложеніи: мамкѣ Скобѣевъ подарилъ въ первый разъ два рубля, во второй пять. Уже одно такое пониманіе дѣла должно было исключить развитіе любовной интриги, хотя бы въ тѣхъ размѣрахъ, какіе представлялись западными повѣстями, переходившими тогда на Русь, хотя бы народной книгой о Бовѣ королевичѣ. Въ отношеніяхъ Скобѣева къ Аннушкѣ нѣтъ и намека на то, что въ отношеніяхъ Бовы и Друзіаны мы назвали-бы любовью. Узнавъ въ Скобѣевѣ мужчину, Аннушка сначала обнаруживаетъ боязнь, но потомъ проситъ лишь объ одномъ: чтобъ онъ не обнесъ ее другимъ. Затѣмъ, она становится его слугой, входитъ въ его планы и помогаетъ его уловкамъ. Интересно встрѣтить въ первой русской повѣсти XVII вѣка, отдѣлившейся отъ духовныхъ идеаловъ житія и легенды, безпринципную угодливость Домостроя и откровенный реализмъ, ограничивающійся воспроизведеніемъ дѣйствительности, ради ея самой. безъ оправданія, но и безъ хулы, которую брала на себя литературно-народная сатира.

